

ISSN (print) 2686-9764 ISSN (online) 2782-1986

Том 17, № 4 (64), 2023

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal

of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

Volume 17, No. 4 (64), 2023

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2023, том 17, № 4 (64)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический
журнал
«Пенитенциарная
наука»

издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под назва-
нием «Вестник институ-
та: преступление, нака-
зание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается
в следующих
реферативных и
полнотекстовых
базах данных:
DOAJ, EBSCOhost,
WorldCat, East View
Information Services,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»,
электронный
периодический
справочник «Система
ГАРАНТ»

Все права защищены.
Перепечатка
материалов только
с разрешения редакции
журнала

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Каравалева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аветисян С. С. – профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права института права и политики Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армении, председатель армянского представительства региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армении;

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Пастушеня А. Н. – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;

Поздняков В. М. – заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
426035, г. Ижевск,
ул. Тимирязева, д. 5,
оф. 5

Телефоны:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс
41253 по электронному
каталогу «Урал-Пресс»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
15.12.2023

Тираж 1000 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Шмонин А. В. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки); 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 348

РОМАШОВ Р. А.
Виктимность как фактор пенитенциарной конфликтогенности 348

ОГАНЕСЯН С. С.
Национализм: сущность, проблемы профилактики и противодействия
в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы России 357

КУЗЬМИНЫХ А. Л.
«Избивал военнопленных за малейшие нарушения...»:
практика привлечения немецко-фашистских пособников к уголовной ответственности
(по материалам архива УФСБ России по Вологодской области) 365

КУНЦ Е. В.
Наказание, предупреждение и защита прав как направления борьбы
с преступностью несовершеннолетних 374

ТЕПЛЯШИН П. В.
Профилактика пенитенциарной преступности: обуславливающие факторы,
принципы, источники и их классификация 382

УТОРОВА Т. Н., ШАЛЕГИН С. П.
Современные тенденции развития военного уголовного законодательства России 390

ЯКОВЕЦ Е. Н.
Уголовная регистрация на службе пенитенциарной системе 398

МОТОРОВА Н. В.
Реформа государственной регламентации образовательной деятельности
и ее влияние на систему высшего образования ФСИН России 409

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 419

ШАРАНОВ Ю. А., ВЕТРЕНКО Р. Н.
Роль личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей
в формировании дефектов правовой социализации. 419

ЧЕРЕМИСОВА И. В., ФЕЩУК Ю. И.
Особенности проявлений агрессивного поведения осужденных мужского пола
различного социального статуса 427

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. 436

АЛЕКСАНДРОВА Н. С., ФАЛЕЕВА Л. В.
Неформальное обучение начинающих преподавателей вузов ФСИН России
как фактор развития их преподавательских компетенций 436

КАЗАНЦЕВ В. Н., ТЮГАЕВА Н. А.
Современный взгляд на формирование мировоззрения обучающихся
в педагогическом наследии К. Д. Ушинского 442

ЗАУТОРОВА Э. В.
Моделирование как метод формирования личного будущего осужденных женщин 451

Научная статья

УДК 343.998

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.001

Виктимность как фактор пенитенциарной конфликтогенности

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМАШОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия
romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу состояния виктимности и ее внутреннего конфликтогенного потенциала. Рассматривается виктимность как фактор пенитенциарной конфликтогенности. Анализируется развитие конфликта на разных его стадиях, и в этой связи осуществляется характеристика состояния конфликтогенности как тенденции пенитенциарных отношений. Утверждается, что партнерство и конфликт в условиях пенитенциарной жизнедеятельности в равной степени могут оцениваться с точки зрения как правовой нормативности, так и девиантности. Обосновывается мнение о том, что виктимность является реакцией субъекта на опасность, продуцируемую практически всеми видами пенитенциарных коммуникаций. *Цель:* провести комплексный межотраслевой анализ института виктимности в качестве фактора конфликтогенности общественных отношений в сфере пенитенциарной жизнедеятельности. *Методы:* методология исследования обусловлена спецификой пенитенциарной среды, характеризующейся высокой степенью конфликтогенности, обусловленной антагонизмами в целеполаганиях, ценностных приоритетах и поведенческих мотиваторах администраторов («тюремщиков») и спецконтингента («заключенных»), в совокупности образующих «пенитенциарное население». В статье использован комплекс общенаучных (диалектический, анализа и синтеза, системно-структурный) и специальных методов познания. *Результаты:* представляя собой специфическую социальную среду жизнедеятельности значительного числа российских граждан, пенитенциарная система осуществляет функционирование, опираясь на две основные регулятивно-охранительные системы: правовую и криминальную. Антагонизм данных систем обуславливает высокую степень конфликтогенности пенитенциарных отношений и, как следствие, влечет виктимизацию их участников. *Выводы:* на основании проведенного исследования был сделан вывод о том, что все пенитенциарные отношения могут быть условно подразделены на партнерские и конфликтные. При этом и партнерство, и конфликт в равной степени могут оцениваться и как нормативные, и как девиантные. Виктимность, представляя собой потенциальную предрасположенность субъекта к состоянию жертвы, следует рассматривать в качестве элемента социально-правового положения участника конфликта. При этом субъективная виктимность непосредственным образом связана со сменой стадий конфликта, в рамках которых агрессивное воздействие может носить односторонний (односторонняя виктимность) либо двухсторонний характер.

Ключевые слова: конфликт; конфликтогенность; девиантность; опасность; безопасность; жертва; виктимность; виктимизация; пенитенциарная жизнедеятельность; пенитенциарная конфликтогенность.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Ромашов Р. А. Виктимность как фактор пенитенциарной конфликтогенности // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 348–356. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.001.

Original article

Victimty as a Penitentiary Conflictogenity Factor

ROMAN A. ROMASHOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia

A. Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia
romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the analysis of the state of victimity and its internal conflictogenic potential. Victimty is considered as a factor of penitentiary conflictogenity. Development of the conflict at its various stages is analyzed and, in this regard, the state of conflictogenity as a trend of penitentiary relations is characterized. It is argued that partnership and conflict in the conditions of the penitentiary life activity can equally be assessed from the point of view of both legal normativity and deviance. The opinion is substantiated that victimty is a reaction of the subject to the danger produced by almost all types of penitentiary communications. *Purpose:* to conduct a comprehensive intersectoral analysis of the institute of crime as a factor of conflict-prone public relations in the field of penitentiary life. *Methods:* the research methodology is determined by the specifics of the penitentiary environment, characterized by a high degree of conflictogenity due to the antagonisms in goal-setting, value priorities and behavioral motivations of administrators (“jailers”) and special agents (“prisoners”), collectively forming the “penitentiary population”. The article uses a complex of general scientific (dialectical, analysis and synthesis, system-structural) and special methods of cognition. *Results:* representing a specific social environment of a significant number of Russian citizens, the penitentiary system operates on the basis of two main regulatory and protective systems: legal and criminal. The antagonism of these systems causes a high degree of conflictogenity of penitentiary relations and, as a consequence, entails victimization of their participants. *Conclusion:* having conducted research, the author comes a conclusion that all penitentiary relations can be conditionally divided into partnership and conflict. At the same time, both partnership and conflict can equally be assessed as normative and deviant. Victimty, representing the subject’s potential predisposition to the state of a victim should be considered as an element of the socio-legal status of the conflict participant. At the same time, subjective victimty is directly related to the change of conflict stages, within which the aggressive impact can be unilateral (unilateral victimization) or bilateral in nature.

Key words: conflict; conflictogenity; deviance; danger; security; victim; victimty; victimization; penitentiary life; penitentiary conflictogenity.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Romashov R.A. Victimization as a penitentiary conflictogenity factor. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 348–356. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.001.

Общие положения

Виктимология – научное направление, изучающее психолого-поведенческие особенности поведения жертвы агрессии.

Виктимность – потенциальная возможность и психологическая предрасположенность человека выступать в качестве жертвы агрессии.

Конфликт – форма открытого противоборства двух и более сторон (субъектов), в рамках которого интересы одной стороны (субъекта) осуществляются за счет причинения осознанного целенаправленного ущерба интересам другой стороны (контрсубъекту).

Конфликтогенность – динамическая оценочная характеристика состояния общественных отношений, связанная с их потенциальной предрасположенностью к возникновению и эскалации конфликтов.

Пенитенциарная жизнедеятельность – система социальных регуляторов и форма поведенческих отношений, осуществляемых в социо-пространственной сфере юрисдикции ФСИН России.

Пенитенциарная конфликтогенность – фактор, характеризующий отношения в сфере пенитенциарной жизнедеятельности, представляющей локальную социально-культурную сферу, в основу формирования

и функционирования которой положены две регулятивно-охранительные системы: административная, базирующаяся на материальном и процессуальном позитивном праве (УИК РФ, УК РФ, УПК РФ), и традиционная, опирающаяся на систему понятий и ценностей криминального мира. Важным фактором пенитенциарной конфликтогенности является объективный антагонизм субъективных интересов двух социальных групп, в совокупности образующих «пенитенциарное население»: администрации («тюремщиков») и спецконтингента («заключенных»).

Конфликтогенность общественных отношений в сфере пенитенциарной жизнедеятельности: норма или девиация?

Понимание конфликта и конфликтогенности как объектов исследовательской деятельности в рамках отечественной научной школы имеет относительно недавнюю историю. В условиях советской государственно-правовой системы конфликт воспринимался как явление, присущее исключительно «миру капитала», в рамках которого «человек человеку – волк». В противоположность подобному антагонизму социалистический мир представлял собой «интернационал трудящихся», «нерушимый блок коммунистов и беспартийных», в котором конфликтам попросту не было места [1].

Широкомасштабные кризисные трансформации социалистической экономики и коммунистической идеологии, повлекшие распад СССР и завершение социалистического периода отечественной государственно-правовой истории, обусловили возникновение многочисленных конфликтов в самых разных сферах общественной жизнедеятельности, к которым оказались не готовы ни отдельные советские граждане, ни государство, одновременно переставшее быть советским социалистическим, однако не ставшее развитым капиталистическим, как это представлялось «отцам – основателям новой России». Вынужденность, что называется, с колес решать многочисленные проблемы, касающиеся как теории понимания конфликта, так и практики конфликтного мониторинга, а также необходимость формирования механизмов противодействия конфликтным противоборствам обусловили всплеск научного интереса к конфликту как социально-культурному и политико-правовому явлению, мгновенно ставшему актуальным и значимым для целого ряда социальных наук, в том числе и для юриспруденции.

Одним из важнейших вопросов, влияющих на понимание конфликта, является вопрос о его месте в системе социального нормативного регулирования. Как оценивать конфликт с точки зрения соответствия представлениям о нормативности и девиантности общественных отношений? Следует относить конфликт исключительно к деструктивным поведенческим форматам или же необходимо наряду с негативом выделять позитивные факторы, позволяющие говорить о конфликте как инструменте разрешения социальных противоречий и катализаторе общественного прогресса?

Полагаем, что в современных условиях понимание конфликта и оценка его воздействия на общественные отношения должны осуществляться в рамках комплексного межотраслевого подхода, исключающего единообразие научных представлений и практических подходов.

Являясь одной из форм межсубъектной коммуникации, конфликт противопоставляется партнерству. Однако подобное противопоставление не выступает основанием отождествления партнерства с нормой как моделью позитивного поведения, а конфликта с девиацией – моделью негативного поведения. Подобно таким противопоставляемым и вместе с тем взаимно обусловленным категориям, как правоотношение и правонарушение, конфликт и партнерство – это две стороны одной медали социальной коммуникации. Следовательно, и конфликтные, и партнерские отношения, по сути, нормативны (предусмотрены и квалифицированы социальными нормами, обеспечены социальными гарантиями и предполагают определенные последствия в отношении участвующих в них субъектов). Соответственно, конфликтогенность выступает в качестве оценочной характеристики, применимой при анализе как фактических конфликтов, так и коммуникаций партнерского типа, которые при определенных ситуациях способны преобразоваться в конфликтные формы.

Рассмотрение конфликтности и партнерства в контексте соотношения оценочных категорий «нормативность – девиантность» позволяет уйти от феноменологической дихотомии. И партнерство, и конфликт в равной степени могут оцениваться с точки зрения нормативности и девиантности. К примеру, в юридическом понимании девиантными партнерскими отношениями являются такие криминальные коммуникативные формы, как коррупция, незаконный сбыт наркотиков, заказные убийства, «отмывание» финансовых средств, полученных преступным путем, и т. п. К девиантным конфликтам относятся военные действия со стороны стран-агрессоров, противопоставляемые нормативной дипломатии, террористические акты, преступления против жизни и здоровья личности и др. Вместе с тем в равной степени партнерство и конфликт могут рассматриваться в качестве нормативных, а значит, правомерных форм социального поведения. Отношения в области семьи, труда, государственной и муниципальной службы представляют собой формы публичного и частного партнерства, поддерживаемые и защищаемые государством. В качестве примеров нормативных конфликтов можно привести необходимую оборону, задержание преступника, применение мер физического воздействия по отношению к нарушителям порядка в учреждениях ФСИН России и др.

Пенитенциарная система, представленная комплексом материальных институтов (актами международного и национального права, государственными органами и должностными лицами, общественными организациями, спецконтингентом учреждений ФСИН России и др.) и социальных отношений (уголовно-процессуальных, уголовно-ис-

полнительных, гражданско-правовых, трудовых, криминальных и др.), в широком смысле является специфической локальной средой жизнедеятельности значительного числа людей. По состоянию на 1 января 2023 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 433 006 чел. [2], в том числе 28,3 тыс. женщин (по данным на 1 марта 2022 г.). При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых на 1 мая 2022 г. проживало 332 ребенка. Штатная численность персонала уголовно-исполнительной системы, финансируемого из средств федерального бюджета, составляет 295 625 чел. [3]. Таким образом, общая численность «пенитенциарных жителей» насчитывает около 800 тыс. чел. При этом нельзя забывать, что опосредованное участие в пенитенциарной жизнедеятельности принимают члены семей осужденных, служащие правоохранительных государственных органов (МВД, ФСБ, прокуратуры, следственных и судебных органов и др.), адвокаты, представители общественных организаций, религиозных конфессий и др.

В процессе пенитенциарной жизнедеятельности непрерывно возникают общественные отношения (пенитенциарные коммуникации) – как в форме партнерства, так и конфликтного характера. При этом партнерство и конфликты возможны не только внутри локальных социальных групп, на которые делится пенитенциарное сообщество (персонал и спецконтингент уголовно-исполнительной системы), но и между ними. Кроме того, в ряде случаев данные формы могут выходить за рамки границ учреждений ФСИН России и приобретать региональный и межрегиональный масштабы.

С учетом объективной дихотомии интересов персонала и спецконтингента, отношения между которыми основываются на неизбежном антагонизме охраняющих и охраняемых либо, что более образно, тюремщиков и заключенных, конфликтность следует рассматривать в качестве перманентной составляющей пенитенциарных отношений, независимо от формы их выражения на данном временном отрезке [4].

Виктимологические особенности субъектов пенитенциарных коммуникаций

В течение длительного времени учеными в различных отраслях познания накапливалась информация, позволяющая говорить о виктимологии не только как о самостоятельном предметном направлении в области научных исследований, но и как о комплексной межотраслевой науке. В настоящее время осуществляются активные теоретико-практические разработки общих и частных проблем криминальной, социальной, пенитенциарной и др. виктимологии [5, с. 7]. Получаемые учеными результаты используются для виктимологической профилактики и защиты, а также учитываются в процессе разработки рекомендаций по оптимизации государственных и негосударственных механизмов регулятивно-охранительного воздействия.

Виктимология как наука о жертве в ее гносеологическом развитии явилась продуктом советского

общества, в котором, как уже ранее отмечалось, конфликтность общественных отношений отрицалась в силу главенствующей государственной идеологии [6].

Господствующая в советской социально-гуманитарной науке теория бесконфликтности, основанная на марксистских идеях коммунистического интернационала трудящихся всей Земли, сформировала вполне определенное и предсказуемое отношение к криминологии как науке, изучающей преступность в качестве архаического, обреченного на отмирание социального явления, которому, как и религии, не будет места в прогрессивном коммунистическом сообществе грядущего будущего. Естественно, при таком отношении виктимология как учение о жертве криминального конфликта воспринималась с достаточно высокой степенью предубежденности. Вместе с тем отрицание конфликтности и преступности как объективных социальных явлений не способно было на практике исключить эти категории из процессов жизнедеятельности Советского государства и общества. В непростых условиях официальной критики и реальной востребованности отечественная виктимология сформировалась сначала как подотрасль криминологии [7], а впоследствии выделилась в качестве самостоятельного направления комплексного научного познания. Завуалировать объективный характер преступности и значение жертвы в развитии преступной ситуации невозможно. В этих условиях возникла настоятельная потребность в разработке отечественной виктимологии. В период ее развития в явной форме доминировало криминальное направление виктимологических исследований [8].

На протяжении почти сорока лет ученые-виктимологи считали тождественными понятия «жертва преступления» и «потерпевший» [9, с. 6, 22, 38]. В настоящее время методологический подход существенным образом расширился и включает представления о жертве любого происхождения – как криминального, так и не связанного с совершением преступных деяний [10]. В последние годы появилось множество научных работ, описывающих жертву конфликта независимо от того, имеется в деле криминальный след либо же причиненный вред последовал из другого, не имеющего криминальной окраски источника. Богатый исходный материал исследователи получают в области социологии, психологии, психиатрии, педагогики и др.

Таким образом, в современных условиях отсутствует единый взгляд на предмет виктимологии, и это не является случайным стечением обстоятельств. Развитие науки приводит к возникновению новых отраслей знания, в том числе связанных с представлением о человеке как потенциальной либо реальной жертве природных и социальных катаклизмов.

С развитием общества глобальные процессы, происходящие в мире, увеличивают конфликтность общественных отношений, связанную с потенциальной предрасположенностью к возникновению и эскалации конфликтов. При этом, как справедливо

отмечает Г. И. Козырев, «ни в зарубежной, ни в отечественной социологии и конфликтологии проблематика жертвы как одного из элементов в структуре конфликтного взаимодействия пока еще не нашла адекватного отражения» [10, с. 11]. По мнению ученого, «жертва в структуре конфликтной коммуникации понимается как лицо, *невинно* (курсив наш – Р. Р.) пострадавшее в ходе конфликта. При этом сама жертва в ряде случаев выступает в качестве его причины» [10, с. 13]. Соглашаясь в целом с высказанной точкой зрения, вместе с тем следует отметить, что категория «невинность» по отношению к пониманию жертвы не вполне корректна. Во-первых, сам термин «невинность» является архаическим и ранее использовался преимущественно в контексте гендерной характеристики («девичья невинность» = «девичья непорочность»). В современных условиях вина, а следовательно, и невиновность рассматриваются в качестве элементов субъективной стороны преступления (административного проступка), используемых в процессе реализации уголовно-либо административно-правовой ответственности и подтверждаемых либо опровергаемых на этапе судебного (административного) правоприменения. В таком понимании выделение жертвы в качестве потерпевшей стороны автоматически означает отнесение ее к не виновным в совершении преступления лицам. Полагаем, что рассмотрение любого социального конфликта (независимо от его юридической оценки) как открытой формы противоборства двух и более субъектов, в рамках которого деятельность всех участников направлена на причинение вреда интересам противоборствующих сторон, исключает дихотомию в понятии «виновность – невиновность», «агрессор – жертва агрессии». Конфликт в плане жертвенности его участников является формой двух- и более сторонней социальной агрессии, в рамках которой качественными свойствами жертвы обладают все участвующие лица, независимо от того, кто из них выступал инициатором конфликтной коммуникации, а кто являлся ее адресатом. Во-вторых, ошибочным является отождествление понятий конфликта и преступления (правонарушения). Как уже ранее отмечалось, конфликты могут быть представлены как нормативными (правомерными), так и противоправными (девиантными) коммуникативными формами. Например, в конфликте, связанном с причинением вреда нападающему в рамках необходимой обороны, субъект, проявивший агрессию и впоследствии ставший адресатом вредоносного противодействия, не является невиновной стороной, что не исключает рассмотрения его в качестве жертвы, а значит, и предмета виктимологического анализа.

Применительно к конфликтам в пенитенциарной сфере поведенческая виктимность приобретает особую значимость. В общественном сознании наблюдается достаточно интересная дихотомия психологических восприятий. До тех пор пока абстрактный преступник находится на свободе и совершает пре-

ступные деяния, обыватель идентифицируется как жертва, а преступник как агрессор. Подобное отношение обуславливает достаточно высокий уровень потенциальной агрессивности законопослушных граждан по отношению к потенциальным субъектам уголовно-правовой ответственности. Данные социологических опросов свидетельствуют о поддержке обществом государственных мер по ужесточению наказаний практически за все виды преступлений. Неизменно велико число ратующих за возврат в реальное правоприменение высшей меры наказания – смертной казни. Однако после того, как лицо, обвиняемое в совершении преступления, попадает в места социальной изоляции, общественная оценка его статуса кардинальным образом меняется. Находящийся за решеткой воспринимается как жертва тюремного произвола с вытекающей из этого критикой уголовно-исполнительной системы как жестокой и бесчеловечной. Таким образом, наблюдается логическое противоречие между виктимологической характеристикой лиц, участвующих в общественных отношениях на стадии подготовки и совершения преступных деяний, и субъектов уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений, связанных с определением виновности в совершении преступления, вида и меры уголовной ответственности, а также исполнением определенного судебным приговором наказания.

Участники конфликтных коммуникаций, возникающих в сфере пенитенциарной жизнедеятельности, могут как иметь отношение к одной из вышеназванных социальных групп (конфликт «начальник – подчиненный» среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, конфликт между «блатными» и «мужиками» среди осужденных и т. п.), так и представлять антагонистические пенитенциарные страты (конфликт между администрацией и спецконтингентом в форме массовых беспорядков). В каждом случае виктимную характеристику участников пенитенциарного конфликта следует осуществлять исходя из конкретных особенностей соответствующей конфликтной коммуникации [4].

Любой конфликт, независимо от особенностей субъектного состава и содержания, включает ряд взаимосвязанных этапов (стадий): латентности, перехода в открытую форму противоборства сторон, эскалации, условного равновесия, затухания, прекращения [11]. В процессе конфликта эти стадии могут приобретать повторяющийся характер, что влечет за собой изменение состояния виктимности сторон конфликта. Так, на стадии латентности продуцируемая конфликтом опасность носит односторонний характер (субъект-инициатор агрессии – субъект-адресат агрессивного воздействия). До тех пор пока субъект-адресат не предпринял ответных адекватных действий в отношении субъекта-агрессора, он считается жертвой агрессии, а конфликт рассматривается в качестве латентного [12]. Переход конфликта в открытую стадию противоборства с последующей эскалацией взаимной агрессии транс-

формирует опасность в двустороннюю, что, в свою очередь, предполагает виктимизацию (жертвенность) уже двух сторон.

Виктимологическая характеристика поведения субъектов конфликтной коммуникации актуализирует проблему понимания категории «опасность», в качестве составных элементов которой следует рассматривать следующую логическую цепочку: «вызов», «угроза», «риск», «вредоносное последствие» [13]. По мнению О. Н. Громовой, любое воспринимаемое в качестве опасного деяние может и должно оцениваться в рамках именно этой логической цепочки. В таком понимании опасность (потенциальная либо реальная) характеризует любое социальное взаимодействие независимо от его конечной юридической оценки и фактических результатов [14]. В частности, семейный союз, основанный на любви и верности супругов, таит в себе многочисленные опасности и обусловленные ими угрозы и риски (супружеская неверность, психологические расстройства, насилие, материально-финансовые противоречия и т. п.), способные при определенных стечениях обстоятельств привести к конфликтным ситуациям, жертвами которых могут стать либо один, либо оба супруга, а также их дети, родственники, соседи и др. Применительно к пенитенциарным отношениям опасность выступает в качестве объективной характеристики, что обусловлено антагонизмом интересов тюремщиков и заключенных с их взаимным враждебным восприятием. Формальное (статусное) неравенство субъектов пенитенциарных коммуникаций предопределяет наличие двух центров силы (администрации учреждения ФСИН России и так называемых положенцев – смотрящих), взаимодействие которых осуществляется в форме либо латентных, либо открытых конфликтов. При этом в качестве жертв этих конфликтов могут выступать как их непосредственные участники (сотрудники учреждений, осужденные), так и лица, имеющие к пенитенциарной системе опосредованное отношение.

Представление об опасности как объективном факторе, включенном в систему практически любого общественного отношения, актуализирует понимание безопасности как потенциальной готовности и адекватной реакции субъекта на возникающую угрозу. Таким образом, безопасность (в том числе в сфере пенитенциарных отношений) включает в себя способность конкретного лица диагностировать конкретную опасность в качестве реальной и субъективно значимой, а также набор компетенций, позволяющих минимизировать вредоносные последствия пребывания в опасном состоянии.

Понимание виктимности как психологической и поведенческой реакции субъекта на потенциальную и реальную опасность означает, что виктимное состояние жертвенности может в одинаковой степени мотивировать субъекта к попытке избежать конфликтного противоборства (синдром самоустранения) и тем

самым обеспечить собственную безопасность либо, напротив, обусловить инициирование конфликта, независимо от осознания опасности такого состояния (синдром мотылька, синдром обреченности).

В первом случае (синдром самоустранения) виктимность рассматривается как профилактическое состояние субъективного сознания и поведения, в рамках которого опасность является формируемой на психологическом уровне моделью нежелательных вредоносных последствий возможного конфликта, целью конструирования которой является предотвращение конфликтного взаимодействия путем выхода из конфликтогенной ситуации. Так, человек, впервые попавший в сферу пенитенциарной жизнедеятельности и воспринимающий ее как общую опасность, стремится максимально ограничить общение как с представителями блатного мира, так и с администрацией учреждения, считая их равнозначными угрозами. Первые способны причинить вред за нарушение понятий, вторые – за нарушение административных регламентов. И те, и другие для «новосела» в одинаковой степени опасны, а значит, и держаться от них желательно подальше. В случае же когда лицо, осознавая опасность возможного конфликта, тем не менее стремится к вступлению в него, действуют иные виктимные стереотипы. Синдром мотылька предполагает неосознанную инициацию конфликта путем подталкивания потенциального агрессора к вредоносным действиям. Вызывающе одетая нетрезвая девушка, несдержанный в общении «первоход» в тюремной камере, демонстрирующий в общественном месте наполненный купюрами кошелек турист – все эти и другие достаточно распространенные жизненные ситуации нередко выступают в качестве спускового крючка, делающего потенциальный конфликт реальным. Синдром обреченности означает стремление к вступлению в конфликт при осознании неизбежности собственного поражения в нем. При этом инициация конфликта и его эскалация для обреченного имеют основной целью причинение максимального ущерба, а значит, и максимальное увеличение виктимности в отношении контрсубъекта. В качестве примера синдрома обреченности в сфере пенитенциарных отношений может рассматриваться ситуация, связанная с массовыми беспорядками в учреждении уголовно-исполнительной системы, когда протестные мероприятия изначально обречены на поражение, однако иницируются вследствие нежелания осужденных в дальнейшем терпеть существующий порядок.

Представляя собой динамическую конструкцию, конфликт складывается из нескольких стадий, каждая из которых характеризуется особой виктимностью вовлеченных в конфликтную коммуникацию субъектов.

Динамика развития конфликта и связанного с ним состояния субъективной виктимности представлена в таблице.

Латентность конфликта		Переход в открытую форму противоборства сторон		Эскалация конфликта
1 стадия	2 стадия	1 стадия	2 стадия	
Осознание субъектом-агрессором дефицита ресурса и формирование психологического образа врага в отношении субъекта-адресата агрессии	Совершение субъектом-агрессором действий, направленных на причинение вреда интересам субъекта-адресата агрессии	Субъект-адресат агрессии осознает, что действия агрессора направлены на причинение вреда его субъективным интересам	Субъект-адресат агрессии осуществляет ответную агрессию в отношении субъекта, инициировавшего конфликт	Усиление взаимного агрессивного воздействия, направленного на причинение максимального вреда с вовлечением всех противоборствующих сторон
Предпосылка конфликта	Предпосылка конфликта	Предпосылка конфликта	Условие перехода к открытой форме конфликта	Условие перехода к новому циклу конфликтного противоборства
ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ВИКТИМНОСТЬ		РЕАЛЬНАЯ ВИКТИМНОСТЬ		

Выделенные стадии конфликта в совокупности образуют завершённый цикл конфликтной коммуникации, результатом которой является либо завершение конфликта, либо выход его на следующую стадию.

Условиями завершения конфликта являются:

- выход из конфликта одной из сторон;
- уничтожение дефицита ресурса;
- затухание конфликта в результате окончания ресурсов конфликтующих сторон;
- пресечение конфликта путем государственного правоприменения.

В свою очередь переход к следующему конфликтному циклу является следствием возобновления агрессивного противоборства сторон при сохранении обусловивших возникновение конфликта предпосылок (дефицита ресурса и психологического образа врага).

Следует отметить, что виктимность субъектов непосредственным образом зависит от стадии конфликтной коммуникации. Так, в рамках латентного конфликта, когда агрессия осуществляется в одностороннем порядке, виктимное поведение характерно только для субъекта-адресата агрессивного воздействия. Переход конфликта к открытой форме межсубъектного противоборства с последующей эскалацией придает агрессии двухсторонний характер, что, в свою очередь, обуславливает поведенческую виктимизацию всех субъектов конфликтной коммуникации.

Применительно к пенитенциарным конфликтам виктимность их участников необходимо рассматривать в качестве значимого фактора влияния, который следует учитывать как в процессе профилактики конфликтов, так и при их разрешении. Как уже ранее отмечалось, социальный состав пенитенциарных учреждений представлен двумя социальными группами (администрацией и спецконтингентом), отношения между которыми характеризуются высокой степенью конфликтности, а значит, и виктимности.

Осуществляемая в современных условиях виктимологическая деятельность направлена на предупреждение потенциальных и разрешение ре-

альных конфликтов в пенитенциарной сфере [15]. Пенитенциарная виктимология как направление прикладного воздействия должна включать разные процессы: исследовательские, образовательные, кадровые и др.

В качестве целевых установок, определяющих функциональность современной пенитенциарной виктимологии, следует выделять:

- проведение фундаментальных исследований, направленных на получение новых знаний о субъективной виктимности в условиях конфликтных ситуаций, их прогнозировании и предупреждении;
- правовое обеспечение защиты жертв латентных и открытых конфликтов;
- распространение научных и правовых знаний о предмете пенитенциарной виктимологии и ее возможностях в условиях потенциальных и реальных конфликтов;
- формирование прикладных компетенций в области практического применения виктимологических знаний, умений, навыков [16].

Заключение

Результаты проведенного исследования отражены в следующих выводах.

Пенитенциарная система представляет собой локальную социально-пространственную сферу поведенческой активности (пенитенциарной жизнедеятельности), в качестве субъектов которой выступают две группы с непосредственными интересами (администрация и спецконтингент) учреждений ФСИН России, а также лица, опосредованно связанные с процессами пенитенциарной жизнедеятельности (представители правоохранительных и судебных органов, адвокаты, представители международных, государственных и общественных правозащитных организаций и др.).

Представляя собой форму межсубъектных коммуникаций, пенитенциарные отношения могут быть дифференцированы на партнерские и конфликтные. При этом и партнерство, и конфликт в равной степени способны оцениваться и как нормативные, и как девиантные. Виктимность, представляя собой потенци-

альную предрасположенность субъекта к состоянию жертвы, следует рассматривать в качестве элемента социально-правового положения участника конфликта. При этом субъективная виктимность непосредственным образом связана со стадией конфликта, в рамках которого агрессивное воздействие может носить односторонний (односторонняя виктимность) либо двухсторонний характер.

Анализ поведенческой виктимности участников пенитенциарных конфликтов позволяет говорить о

детерминирующей связи между продуцируемой конфликтом опасностью и виктимным поведением. В зависимости от обстоятельств субъективная виктимность может быть направлена на попытку избежать конфликтного противоборства (синдром самоустрашения) и тем самым обеспечить собственную безопасность либо, напротив, обусловить иницирование конфликта, независимо от осознания опасности такого состояния (синдром мотылька, синдром обреченности).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Батуренко С. А. Теории социального порядка и социального конфликта в истории социологической мысли // Социология. 2018. № 2. С. 9–14.
2. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 27.07.2023).
3. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: <https://web.archive.org/web/20220609094447/> (дата обращения: 27.07.2023).
4. Детков А. П. Теоретические обоснования причинности возникновения пенитенциарных конфликтов // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 152–163.
5. Варчук Т. В., Вишневецкий К. В. Виктимология : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С. Я. Лебедева. М., 2008. 191 с.
6. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб., 2002. 304 с.
7. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. СПб., 2000. 332 с.
8. Горшенков А. Г., Горшенков Г. Н. Криминальная виктимология как междисциплинарная превентивная теория // Виктимология. 2022. Т. 9, № 2. С. 137–147.
9. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1977. 237 с.
10. Козырев Г. И. Социальное конструирование образа жертвы в социально политических отношениях и в конфликтах // Вестник РГГУ. 2009. № 2. С. 11–27. URL: https://www.rshu.ru/upload/main/vestnik/fsi/Vestnik-2_09.pdf (дата обращения: 27.07.2023).
11. Емельянов Н. С. Пенитенциарный конфликтогенез: проблемные вопросы детерминации пенитенциарных конфликтов // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2 (51). С. 18–22.
12. Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114–119.
13. Кравчук А. А. Категории «вызов», «опасность», «угроза» в теории национальной безопасности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22, № 11. С. 65–74.
14. Громова О. Н. Маргинальная виктимность как фактор системной безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 2 (59). С. 56–64.
15. Пилюкова С. С. Профилактика конфликтов в пенитенциарном социуме // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 4 (35). С. 131–136.
16. Сысоева В. В. Профилактика виктимности личности // Педагогическое образование и наука. 2010. № 5. С. 101–103.

REFERENCES

1. Baturenko S.A. Theories of social order and social conflict in the history of sociological thought. *Sotsiologiya = Sociology*, 2018, no. 2, pp. 9–14. (In Russ.).
2. *Kratkaya kharakteristika ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [Brief description of the penal system of the Russian Federation]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed July 27, 2023).
3. *Kratkaya kharakteristika ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [Brief description of the penal system of the Russian Federation]. Available at: <https://web.archive.org/web/20220609094447/> (accessed July 27, 2023).
4. Detkov A.P. Theoretical substantiations of the causality of the occurrence of penitentiary conflicts. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2012, no. 1, pp. 152–163. (In Russ.).
5. Varchuk T.V., Vishnevetskiy K.V. *Viktimologiya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Yurisprudentsiya"* [Victimology: textbook for university students studying in the specialty "Jurisprudence"]. Ed. by Lebedev S.Ya. Moscow, 2008. 191 p.
6. Rivman D.V. *Kriminal'naya viktimologiya* [Criminal victimology]. Saint Petersburg, 2002. 304 p.
7. Rivman D.V., Ustinov V.S. *Viktimologiya* [Victimology]. Saint Petersburg, 2000. 332 p.
8. Gorshenkov A.G., Gorshenkov G.N. Criminal victimology as an interdisciplinary preventive theory. *Viktimologiya = Victimology*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 137–147. (In Russ.)
9. Frank L. V. *Viktimologiya i viktimnost'* [Victimology and victimity] Dushanbe, 1977. 237 p.
10. Kozыrev G.I. Social constructing of victims image in the social-political conflicts. *Vestnik RGGU = Bulletin of the Bulletin of the Russian State Humanitarian University*, 2009, no. 2, pp. 11–27. Available at: https://www.rshu.ru/upload/main/vestnik/fsi/Vestnik-2_09.pdf (In Russ.). (Accessed July 27, 2023).

11. Emel'yanov N.S. Penitential conflictogenesis: problematic issues of determination of penitentiary conflicts. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service*, 2019, no. 2 (51), pp. 18–22.
12. Zimmel' G. Man as an enemy. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 1994, no. 2, pp. 114–119. (In Russ.)
13. Kravchuk A.A. Categories “challenge”, “danger”, “threat” in the national security theory. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = The Transbaikal State University Journal*, 2016, vol. 22, no. 11, pp. 65–74. (In Russ.)
14. Gromova O.N. Marginal victimization as a factor of system security. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situatsii = Right. Safety. Emergency Situations*, 2023, no. 2 (59), pp. 56–64. (In Russ.)
15. Piyukova S.S. Prevention of conflicts at the penal society. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2019, no. 4 (35), pp. 131–136. (In Russ.)
16. Sysoeva V.V. Prevention of the victim's syndrome of cultural identity. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka = Pedagogical Education and Science*, 2010, no. 5, pp. 101–103. (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМАШОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

ROMAN A. ROMASHOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, Head of the Department of the Theory and History of State and Law of the A. Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Статья поступила 13.08.2023

Научная статья

УДК 343.8:172.15

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.002

Национализм: сущность, проблемы профилактики и противодействия в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы России

СЕРГЕЙ САЯДОВИЧ ОГАНЕСЯННаучно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>*Реферат*

Введение: в статье рассматриваются проблемы националистических воззрений, возникшие в последние десятилетия не только в России, но и во многих государствах, что ставит под угрозу стабильность в различных регионах. *Цель:* показать, что понятие «национализм», являясь порождением современной ментальной цивилизации, напрямую связано с закономерным и неизбежным переходом человечества от жизни по религиозным канонам к жизни «по собственному разумению», определить пути противостояния формированию националистических взглядов в пенитенциарных учреждениях. *Результаты:* автор считает, что действенным методом противодействия националистическим воззрениям в уголовно-исполнительной системе России станет основанный на конкретных примерах рассказ сотрудников о становлении семьи, рода, племен, формировании обычаев и традиций. Необходимо понять, что насильственное навязывание другому этносу или народу своего языка, культуры, традиций, обычаев, ценностного мира и норм бытия противоречит тенденциям развития человечества. Показано, что понятия «национализм» в силу ряда объективных причин, связанных с исторически обусловленной цивилизационной ментальностью этносов и народов, не существовало в религиозных эпохах. *Вывод:* автор, отмечая актуальность исследуемой проблемы и ее многоаспектность, предлагает разработать специальную систему профилактики и противодействия национализму в уголовно-исполнительной системе России, требующую соответствующей подготовки сотрудников.

Ключевые слова: национализм; уголовно-исполнительная система России; профилактика и противодействие национализму.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Оганесян С. С. Национализм: сущность, проблемы профилактики и противодействия в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 357–364. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.002.

Original article

Nationalism: Essence, Issues of Prevention and Counteraction in Bodies and Institutions of the Russian Penal System

SERGEI S. OGANESYAN Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

Abstract

Introduction: the article considers problems of nationalist views that have recently arisen not only in Russia, but also in many states, which threatens stability in various regions. *Purpose:* to show that the concept of “nationalism”, being a product of modern mental civilization, is directly related to the natural and inevitable transition of mankind from life according to religious canons to life “according to their own understanding”. *Results:* the author believes that to effectively counter nationalist views in the Russian penal system, its employees should familiarize convicts with the formation of a family, clan, tribes, as well as customs and traditions. It is necessary to disseminate the idea that forcible imposition of one’s own language, culture, traditions, customs, the value world and norms of being on another ethnic group or people contradicts human development trends. The article shows that the concept of “nationalism”, due to a number of objective reasons related to the historically conditioned civilization mentality of ethnic groups and peoples, did not exist in religious epochs. *Conclusion:* the author, noting the relevance of the problem under study, points to its multidimensional nature and proposes, taking into account the results formulated in the article, to develop a special system of prevention and counteraction to nationalism in the Russian penitentiary system, with appropriate training and retraining of its employees.

Key words: nationalism; penal system of Russia; prevention and counteraction to nationalism.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Oganessian S.S. Nationalism: Essence, Issues of Prevention and Counteraction in Bodies and Institutions of the Russian Penal System. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 357–364. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.002.

Введение

Национализм, являясь порождением современной ментальной цивилизации, напрямую связан с неизбежным переходом человечества от жизни по религиозным канонам к жизни «по собственному разумению», включая разработку идеологических основ создания этносами и народами собственных суверенных государств. Поэтому ресоциализация националистов принципиально отличается от ресоциализации экстремистов и террористов, имеющих воззрения, истоки которых восходят к изживающим себя религиозным ментальным цивилизациям.

Нет необходимости доказывать, что сотрудники уголовно-исполнительной системы России обязаны знать специфику националистических воззрений и формы их проявления в современном мире, чтобы разработать эффективную систему профилактики негативного социального явления.

Данная проблема приобрела актуальность в связи с известными событиями на Украине, где националистические воззрения не только руководства страны, но и внушительной части населения привели к трагическим последствиям в Донецкой, Луганской и других областях, что вынудило Россию начать специальную военную операцию и включить проблемные регионы в свой состав. Всплеск националистических идей наблюдается не только на Украине, но и в Казахстане, а также некоторых других постсоветских республиках [1–3]. Эту ситуацию нельзя назвать случайной, поскольку связана она не только с процессом суверенизации народов данных республик, но и с закономерным переходом человечества к новой цивилизационной ментальности.

Напомним, что в соответствии с нашей концепцией о трех основных стадиях ментального развития человечества, которые последовательно сменяли друг друга, можно выделить ментальные эпохи многобожия, единобожия и научного мировосприятия, каж-

дая из которых имеет свои мировосприятие, нормы и правила поведения, ценностный мир, что проявляется во всех сферах жизни людей, начиная от отношений между членами семьи, рода и племени и заканчивая взаимодействием с представителями других племен (в современной терминологии – этносов и народов) [4; 5].

Переживаемая современным человечеством ментальная эпоха, названная нами эпохой научного мировосприятия, характеризуется тем, что именно разум (интеллект) человека, который принципиально отличается от ментальных способностей и возможностей всех иных живых существ нашей планеты, предопределяет не только переход человечества от религиозного восприятия мира к научному, но и самостоятельную разработку человеком норм и правил своего существования [1; 4; 5].

Напомним, что в предшествующие ментальные эпохи, которые являлись сугубо религиозными, мировосприятие, нормы и правила бытия людьми воспринимались как данные им (ниспосланные, преподнесенные) извне некими неподвластными человеку потусторонними высшими силами (богами). Их, согласно бытовавшим поверьям, нельзя было ни отменять, ни изменять, а следовало лишь неукоснительно и безусловно исполнять.

Методы исследования

В статье использовался комплекс методов. Первая группа включала логический, системный и концептуальный виды анализа современного состояния профилактики и противодействия националистической деятельности в уголовно-исполнительной системе и нерешенных проблем ресоциализации лиц с националистическими воззрениями, которые требуют своего осмысления и решения. Во вторую вошли герменевтический, сравнительно-сопоставительный и экзегетический методы исследования источников, которые предопределяют сознание, когнитивные

способности и поведение современных националистов.

Обсуждение

В эпохи многобожия и единобожия понятий национализма или националистического экстремизма не существовало. Более того, отсутствовало само понятие «экстремизм», которое возникло и стало активно употребляться лишь в последнюю ментальную эпоху. В частности, оно вошло в речевой оборот сперва в публицистической, а затем и в научной литературе в начале XX в. [6].

Явления, которые сегодня считаются экстремистскими и террористическими, в религиозные эпохи воспринимались не как отрицательные и противоправные, а напротив, как достойные уважения и почитания. Вспомним девиз «За Веру, Царя и Отечество», широко распространенный в период Российской империи, который обозначал то, что должен был знать каждый русский офицер: «Душу – Богу, сердце – женщине, долг – Отечеству, честь – никому» [7]. Причем понятие «Отечество» тесно связывалось с именем Божьего помазанника, то есть царя, которому именно Бог (Всевышний) вручил покровительство над государством (отечеством, родиной, страной).

Так, если обратиться к самой продолжительной по времени эпохе многобожия (язычества), охватывающей период от зарождения человечества до появления монотеистической Торы, то здесь морально-нравственные обязательства действовали только по отношению к членам семьи, рода и племени, поскольку каждый иноплеменник воспринимался в качестве потенциального врага, которого можно было унижать, оскорблять, грабить, убивать, то есть совершать в отношении его те деяния, которые современными уголовными кодексами большинства стран квалифицируются в качестве преступлений.

Ментальность язычников основывалась на их духовных (религиозных) воззрениях. Поскольку иноплеменники имели чуждых другим родам и племенам богов, которые считались врагами собственных богов, то их, по убеждению язычников, надлежало уничтожать. Исключение составляли лишь иноплеменники, с которыми был заключен мир. Другое поведение считалось отречением от своих богов, которые не прощают предательства. Никому из язычников не приходила мысль, что они, убивая по поводу или без повода иноплеменника, совершают безнравственный поступок [1].

Известный исследователь жизни древних людей Н. Д. Фюстель Де Куланж отмечает, что: «в отношении чужеземца не существовало таких понятий, как справедливо или несправедливо» [8, с. 207].

В ментальную эпоху монотеизма, когда было внедрено понятие единого для всех людей Бога, а также их общего происхождения от одного предка – Адама, рубеж между своими и чужими, врагами и братьями стал проходить не только между монотеистами и язычниками (многобожниками, политеистами, идолопоклонниками), но и монотеистами, по-разному трактовавшими постулаты веры в единого Бога. Непримиримая борьба между разными монотеистиче-

скими религиями и течениями за правильность веры была не менее ожесточенной, чем противостояние между языческими племенами [9].

Естественно, что в современную ментальную эпоху, когда основная масса людей отошла от религиозных канонов бытия и стала опираться в организации своей жизни не на тексты священных писаний, а на законодательные системы, которые являются плодом их собственной интеллектуальной деятельности, понятия «Бог», «божественная предопределенность», «жизнь ради Бога», как и необходимость исполнения именно Его воли, остались в историческом прошлом. Они перестали быть определяющей чертой жизни людей [4].

Сохранились лишь понятие «Отечество», воплощенное в государстве (стране, родной земле), и преданность ему. Надо ли пояснять, что пока есть народы, государства, страны, будет существовать и патриотизм, который в своей крайней форме ультрапатриотизма в известной степени совпадает с понятием «национализм». Согласно Большой российской энциклопедии, национализм – это политические идеология и практика, основанные на представлении о нации и ее интересах как высших ценностях. В зависимости от понимания, что такое нация, национализм имеет две основные формы – гражданский, или государственный, и этнический. Гражданский национализм возник в эпоху буржуазных революций и становления современных государств, основанных на представлении о нации и народе как согражданстве с общими самосознанием и историко-культурным наследием. Эта форма национализма направлена на обоснование легитимности государства, консолидацию гражданской нации, но зачастую содержит в себе установки на дискриминацию и ассимиляцию меньшинств, а также на государственную экспансию (мессионизм) или, наоборот, изоляционизм. Этот вид национализма широко используется государствами через официальную символику и идеологические институты (образование, социальные науки, СМИ и др.) с целью утверждения общегражданской лояльности («служение и любовь к Родине», «уважение к стране и прошлому» и др.) и распространения общегосударственных правовых норм и морально-культурных ценностей [10].

Именно приведенное определение национализма нам видится наиболее полным, точным и приемлемым для обозначения данного явления, поскольку не только включает в себя представление о нации как высшей ценности для государства, но и обращает внимание на две самые распространенные формы этого явления: во-первых, на ее гражданскую и этническую сущность со многими вытекающими отсюда крайностями, вплоть для экспансионизма и изоляционизма; во-вторых, на историческое время возникновения понятия «национализм». В частности, возникновение этого понятия связывается с эпохой буржуазных революций и становления современных государств, основанных на представлении о нации и народе как согражданстве с общими самосознанием и историко-культурным наследием [10]. А это полностью совпадает как с приведенной выше трех-

этапной периодизацией ментальных цивилизаций, так и со спецификой взаимоотношений в них между этносами и народами (в терминологии этнографов – родоплеменными взаимоотношениями).

Что касается понятия «нацизм», которым не только многие журналисты, но и обремененные научными познаниями и ответственностью перед обществом, но и отдельные государственные деятели стали обозначать проявления именно национализма в разных странах и регионах мира, например на Украине, то полагаем необходимым напомнить, что термин этот возник путем сокращения термина «национал-социализм» (национально ориентированный социализм). Впрочем, социалистический путь развития декларировался и в СССР [11]. Но если в Германии провозглашался национал-социализм, то в СССР – интернационал-социализм. При этом суть была одна: целью государства становились его социально ориентированные основы. Когда же армия Третьего Рейха вероломно перешла границы СССР, то возникла необходимость категорически отмежеваться от национал-социализма. Так и возникло сокращение «нацизм», к которому потом добавился термин «фашизм» в негативном его понимании. Таким образом, воевавшие бойцы Красной Армии уже бились с нацистами и фашистами, но никак не с социалистами [11].

После окончания Второй мировой войны термин «нацизм» стал синонимом таких слов, как «ксенофобия», «национализм», «шовинизм», «фашизм». Все эти слова в современном русском языке получили крайне негативное значение и поэтому, как правило, употребляются для унижения политических противников.

В последние десятилетия широкое распространение получил также термин «неонацизм» (новый нацизм, новый национал-социализм), под которым стали понимать движение, которое после Второй мировой войны объединило националистические организации, близкие по своим программным установкам к национал-социализму либо объявившие себя последователями Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) [11].

Хотя движение неонацизма неоднородно, но с 1962 г. большинство организаций, входящих в него, объединилось во Всемирный союз национал-социалистов (ВНСЧ; World Union of National Socialists, WUNS). К концу 2012 г. в нем официально было зарегистрировано 44 организации. Причем практически все они располагают собственными интернет-ресурсами и прессой. Сегодня ячейки ВНСЧ существуют в Бельгии, Болгарии, Боливии, Бразилии, Венесуэле, Великобритании и многих других странах. Неонацистские движения были созданы и в России (национал-социалистическое движение «Русский дивизион», всероссийское общественно-патриотическое движение «Русское национальное единство» (РНЕ), национал-социалистическое движение «Славянский союз», сообщество «Белая масть» и др.) [12]. Многие из них к 2010 г. были запрещены в нашей стране решениями судов разных инстанций.

Важно отметить, что после религиозных ментальных цивилизаций человечество не разом и не одновременно стало переходить к научному миро-

восприятию. Этот процесс, как известно, начался в XV–XVI вв. в государствах Европы, а затем распространился и на другие страны. В частности, в Италии, Англии, Франции и Германии стало активизироваться научное познание мира. Религиозное мировосприятие, изложенное в Священном Писании, а также религиозные нормы и догмы апологетами эпохи Просвещения (Вольтером, Дидро, Гольбахом, Локком и др.) были отвергнуты. Стало формироваться светское право, являющееся плодом интеллектуальной деятельности самих людей [1; 5].

Однако по нормам канонического (религиозного) права продолжали и все еще продолжают жить (или тяготеют к ним) многие государства современного мира, например Иран, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Пакистан, Тунис, Саудовская Аравия и др. Хотя и они под давлением изменившихся условий жизни вынуждены сегодня вносить изменения в свои законодательные нормы [5].

Таким образом, само понятие «экстремизм» как крайнее негативное явление социальной жизни народов возникло лишь в начале прошлого века. И только в конце 1990-х гг. ООН были приняты «Международная конвенция о борьбе с финансированием международного терроризма» (1998) и «Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом» (1997).

Совет Европы лишь в 2007 г. принял конвенцию «О предупреждении терроризма». До этого действовала конвенция «О пресечении терроризма» (1977), которой и поныне руководствуются практически все европейские страны [2].

В нашей стране в данной сфере действуют федеральные законы от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», а также от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Напомним также, что, согласно Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», которая была принята 15.06.2001, под названными деяниями понимаются насильственный захват власти или насильственное удержание власти, насильственное изменение конституционного строя государства, насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в этих целях незаконных вооруженных формирований или участие в них. В отечественном законодательстве, в частности федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», понятие экстремизма раскрывается через перечисление деяний, которые трактуются как экстремистские.

Итак, можно утверждать, что на всем протяжении своего существования человечество по-разному относилось к тем явлениям, которые сейчас воспринимаются в качестве экстремистских и террористических, поскольку каждая из ментальных эпох имела свое специфическое мировосприятие, нормы и правила поведения. Именно поэтому в религиозных ментальных цивилизациях не существовало таких явлений, как национализм, нацизм, неонацизм, фашизм, которые в наши дни воспринимаются и квалифицируются в качестве уголовно наказуемых деяний.

Но, с другой стороны, человечество никогда не было ментально однородным по своим духовным воззрениям: на протяжении столетий бок о бок жили как этносы, тяготеющие к родоплеменным (языческим) традициям организации своей жизни, так и те, которые отошли не только от языческих, но и от монотеистических воззрений. В качестве примера из современной жизни можно привести жителей Крайнего Севера, которые тяготеют к языческому мировосприятию, и людей с атеистическими воззрениями, проживающими, как правило, в крупных мегаполисах разных государств. Напомним, что число людей с атеистическими взглядами неуклонно растет, приближаясь уже к 17 % [13]. А те, кто считают себя верующими, имеют весьма смутное представление о Боге [4].

Именно поэтому в современном мире присутствуют как представители религиозных экстремистских воззрений, которые считают, что жизнь по священным писаниям является наиболее правильной и справедливой, и стремятся возродить традиции и обычаи религиозных эпох, нередко собственной жизни, так и их антиподы, каковыми являются националисты, которые, подавляя самобытность своих сограждан других этнических групп, насильственно навязывают им чуждые их ментальности и бытию воззрения, включая религиозные, неродной язык, а также традиции и обычаи жизни.

В чем же заключается ментальная специфика националистов по сравнению с носителями других видов экстремизма? И как это влияет на построение системы профилактики и противодействия национализму в уголовно-исполнительной системе России?

Несмотря на то, что эти вопросы крайне мало изучены, можно говорить о том, что ментальная специфика националистов проявляется не только в пропаганде идей превосходства одной нации над всеми остальными и обусловленных этими идеями действиях, которые направлены на уничтожение и насильственную ассимиляцию других народов, но и в призывах построить суверенное государство с доминированием одной нации (народа) со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для других этносов, вплоть до официального фиксирования (записи) в государстве всех граждан лицами титульной нации, в лучшем случае – указания их этнического происхождения (например, казах русского происхождения) [10–12].

Широко известны также случаи физического устранения националистами идеологических и политических противников не только в своей стране, но и за ее пределами. Всем памятно, например, убийства на Украине журналистов Олеса Бузины, Сергея Сухобочка, политика Олега Калашникова, в России – Дарьи Дугиной, военного блогера Владлена Татарского, а также покушения на убийство многих других.

И в этом отношении (в частности, по используемым методам достижения своих целей) националисты весьма схожи с экстремистами, исповедующими расизм и шовинизм, а также с теми, кто придерживается идей превосходства одного языка, культуры и религии над другими.

Сотрудникам уголовно-исполнительной системы в профессиональной работе следует учитывать, что мировосприятие и деятельность националистов противоположны тем идеям, которые исповедуют, например, религиозные экстремисты. Последние, как правило, одержимы идеей слияния всех этносов и народов в мировое братство по духовному, а не по национальному (этническому) признаку (например, создание мирового халифата, объединение всех христиан в единое мировое духовное братство («Нью Эйдж» и др.)) [1; 5].

Националисты даже религиозные воззрения сограждан пытаются использовать для своих изоляционистских устремлений. Показателен пример националистов Украины, которые инициировали получение Православной церковью Украины от Константинопольского патриархата томоса о предоставлении ей автокефалии [14; 15]. Это произошло в Стамбуле при президенте П. Порошенко 6 января 2019 г. Нет ничего удивительного и в том, что В. Зеленский предложил Верховной раде перенести дату празднования Рождества с 7 января на 25 декабря. В пояснительной записке отмечается, что предложенные изменения направлены на внесение поправок в ст. 73 Кодекса законов о труде Украины, то есть в сугубо светский документ. Поэтому основной причиной для изменения даты празднования Рождества Христова является стремление Украины отказаться от российского влияния и навязанной традиции празднования Рождества в январе [16]. Согласно предложению 25 декабря будет отмечаться Рождество Христово, 15 июля – День украинской государственности, 1 октября – День защитников и защитниц Украины [16].

Какими же методами, приемами и средствами целесообразно противостоять националистическим воззрениям в пенитенциарных учреждениях?

К сожалению, опыт мировых пенитенциарных систем и отечественной уголовно-исполнительной системы сегодня не позволяет представить достаточно эффективную апробированную на практике целостную систему профилактики националистических воззрений и противодействия им. Причины объективны. Во-первых, имеющаяся практика крайне скудна и недостаточна для научно обоснованного обобщения и распространения (как и по другим разновидностям экстремизма и терроризма). Во-вторых, мало изучены само явление национализма и его основные проявления. Так, например, к перечисленным выше особенностям националистов мы можем лишь добавить, что приверженцы данных воззрений весьма неоднородны и по устремлениям, и по степени вовлеченности в националистические организации и движения. Среди них можно найти различных по возрасту как фанатично настроенных людей, которые, как показывает наш опыт, практически не поддаются переубеждению, так и людей, неустойчивых в воззрениях или случайно оказавшихся в организациях националистов. В-третьих, крайне ограничен круг сотрудников, которые целенаправленно занимаются исследованием носителей и националистических, и иных радикальных идей.

Так, например, сотрудники оперативных, режимных, воспитательных и психологических служб должны не только знать устремления представителей экстремистских воззрений и специфику их ментальности, но и владеть навыками и приемами их распознавания, профилактики и противодействия им в своей служебной деятельности. Например, как при работе с религиозными экстремистами сотрудники уголовно-исполнительной системы обязаны знать содержание первоисточников монотеизма (Торы, Нового Завета и Корана), язычества и неоязычества, историю становления и развития различных этносов, так как при выявлении и ресоциализации националистов необходимо показывать им как формировался тот народ, который они считают лучшим. Следует учитывать, что националисты, как правило, имеют искаженные или вымышленные представления об исторических процессах, насаждаемые их идеологами [1; 4; 5].

Важно донести до националистов, что не авторитаризм и диктат, не воля вождя являются способом воздействия на мышление людей, решающим условием изменения их сознания и принятия ими тех или иных решений, включая вопросы взаимоотношений с другими этносами и народами, а доводы разума. Научное мировосприятие толерантно ко всем суждениям и позициям, гипотезам и теориям. Оно не может существовать без плюрализма мнений, различных точек зрения, диспутов, дискуссий. Именно новой ментальной цивилизацией определяется международное «право на самоопределение наций».

При этом сотрудники должны знать, что идеи, связанные с чувством национального достоинства и отстаивания национальной самобытности, присущи всем этносам и народам, поскольку являются формой самосохранения национальной идентичности. Эта форма может усиливаться или, напротив, угасать в разных исторических условиях в зависимости от угроз, которые исходят от окружающих этносов и народов.

Так, в частности, если речь идет о ресоциализации украинских националистов, то необходимо показать им весь путь, который прошли многочисленные и разные по своему этническому происхождению, языку и традициям племени кривичей, древлян, полян, радимичей, вятичей, тиверцев и других к тому племенному образованию восточных славян, которое сегодня лежит в основе белорусского, русского и украинского народов [17].

Важно показать, как влияют на становление конкретного народа геополитические и природно-климатические условия, как воздействуют на ментальность этносов религиозные воззрения и многое другое, что в конечном итоге предопределяет самобытность и уникальность того или иного народа в его современном состоянии.

Сотрудник уголовно-исполнительной системы на конкретных примерах обязан объяснить, как семьи, разрастаясь, приобретали статус рода; как роды объединялись в племена, как формировались их обычаи, традиции, что насильственное навязывание

другому этносу или народу своего языка, культуры, традиций, обычаев, ценностного мира и норм бытия противоречит тенденциям стратегического направления развития человечества. Причем демонстрировать становление тех или иных народов сотрудникам необходимо на примерах как из прошлых эпох, так и из современной жизни. В качестве примера можно привести ситуацию когда в наши дни формируется понятие «дагестанец», которое включает различные этнические группы, для которых объединяющим началом стал русский язык, а базовыми нормами и правилами поведения – положения Конституции Российской Федерации.

В распоряжении сотрудника также должны быть соответствующие учебные материалы и средства обучения. Это ставит принципиально новые задачи перед системой подготовки и переподготовки сотрудников ФСИН России, которые с учетом профиля их работы должны вести целенаправленную работу с лицами, имеющими националистические экстремистские и прочие деструктивные убеждения. Кроме того, необходимо создать в НИИ ФСИН России специальную группу (отдел), которая во взаимодействии с учебными заведениями ведомства, а также сотрудниками территориальных органов должна организовать экспериментальную работу по выявлению ментальной и идеологической специфики экстремистов и террористов всех разновидностей, а также противодействию их экстремистским воззрениям.

Передовой опыт профилактики и противодействия экстремистским и террористическим воззрениям в уголовно-исполнительной системе России важен, и его необходимо обобщать и распространять. Однако в соответствии с велениями новой научно ориентированной ментальной эпохи именно целенаправленная экспериментальная научно-исследовательская работа должна стать основой для выявления носителей экстремистских и террористических воззрений и ресоциализации осужденных.

Важно всем учебным заведениям ФСИН России сосредоточить усилия на подготовке и переподготовке сотрудников, компетентных осуществлять профилактику и противодействие не только националистическим, но и другим радикальным воззрениям осужденных.

Выводы

В статье кратко рассмотрены основные вопросы профилактики и противодействия националистическим воззрениям в отечественной уголовно-исполнительной системе. Перед пенитенциарными системами различных стран, включая Россию, стоят принципиально новые задачи, одной из которых является профилактика и противодействие национализму. Надеяться на то, что данные проблемы решатся сами собой или в рамках традиционных для уголовно-исполнительной системы подходов, методов и приемов, не приходится. Необходима целенаправленная работа всех структурных подразделений ФСИН России для решения принципиально новых задач, которые продиктованы временем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Оганесян С. С. Противостояние на религиозной почве как неизбежность для суверенизации этносов и народов // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2022. № 3 (194). С. 36–40.
2. Фуртат В. В. Противодействие экстремизму в ряде стран Европы // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 7. С. 117–120.
3. Кулагин В. «Русские здесь не дышат»: как Казахстан отдаляется от России. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/11/20_a_14226445.shtml (дата обращения: 16.07.2023).
4. Оганесян С. С. «Человек верующий» и «человек религиозный» – разные понятия современной ментальной эпохи // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2019. № 4. С. 28–34.
5. Оганесян С. С. Обусловленность законодательных систем цивилизационной ментальностью этносов и народов // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2021. № 7–8 (190–191). С. 18–23.
6. Бабашкина З. А. Возникновение понятия «экстремизм» // Вестник университета. 2013. № 5. С. 240–242.
7. Максимов С. Т. Национальный характер // Русские воинские традиции. М., 2010. 317 с.
8. Фюстель де Куланж. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2010. 414 с.
9. Религиозные войны в мировой истории. URL: <https://dzen.ru/a/W4WcBjI9QwCp8Plz> (дата обращения: 16.07.2023).
10. Национализм // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/natsionalizm-d9e9ff> (дата обращения: 16.07.2023).
11. Нацизм // Политический словарь. URL: <http://slovariki.org/politiceskij-slovar/3418> (дата обращения: 16.07.2023).
12. Кузьмин А. Г. Праворадикальное движение в современной России: особенности идеологии и перспективы развития // Политес. 2007. Т. 3, № 1. С. 99–109.
13. Филимонов С. Не верю: почему уровень религиозности снижается во всем мире. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/486214-ne-veru-pocemu-uroven-religioznosti-snizaetsya-vo-vsem-mire-i-v-rossii> (дата обращения: 16.07.2023).
14. Денисенко М. А. // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XIV. С. 391–403.
15. Архиерейский собор Русской православной церкви 31 марта – 5 апреля 1992 г. // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. III. С. 552–555.
16. Латышев А., Комарова Е. «Искоренить все русское»: Зеленский внес в Верховную раду законопроект о переносе Рождества с 7 января на 25 декабря. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/1167978-ukraina-zakonoproekt-rozhdestvo> (дата обращения: 16.07.2023).
17. Одинец Д. М. Возникновение государственного строя у восточных славян. Париж, 1935. 184 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/4712-odinets-d-m-vozniknovenie-gosudarstvennogo-stroya-u-vostochnyh-slavyan-parizh-1935> (дата обращения: 16.07.2023).

REFERENCES

1. Oganessian S.S. Confrontation on religious grounds as an inevitability for the sovereignization of ethnic groups and peoples. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problem = Representative Power – 21th Century: Legislation, Comments, Problems*, 2022, no. 3 (194), pp. 36–40. (In Russ.).
2. Furtat V.V. Countering extremism in several European countries. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2019, no. 7, pp. 117–120. (In Russ.).
3. Kulagin V. “Russkie zdes' ne dyshat”: kak Kazakhstan otdalyaetsya ot Rossii [“Russians do not breathe here”: how Kazakhstan is moving away from Russia]. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2021/11/20_a_14226445.shtml (accessed July 16, 2023).
4. Oganessian S.S. “A believer” and “a man of religion” – different concepts of the modern mental age. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika = Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, 2019, no. 4, pp. 28–34. (In Russ.).
5. Oganessian S.S. Conditionality of legislative systems by the civilizational mentality of ethnic groups and peoples. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problem = Representative Power – 21th Century: Legislation, Comments, Problems*, 2021, no. 7–8 (190–191), pp. 18–23. (In Russ.).
6. Babashkina Z.A. The emergence of the concept of “extremism”. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, 2013, no. 5, pp. 240–242. (In Russ.).
7. Maksimov S.T. National character. *Russkie voinskie traditsii = Russian Military Traditions*, Moscow, 2010. 317 p.
8. Fustel de Coulanges N.D. *Drevnii gorod. Religiya, zakony, instituty Gretsii i Rima* [Ancient city. Religion, laws, institutions of Greece and Rome]. Trans. by Igorevskii L.A. Moscow, 2010. 414 p.
9. *Religioznye voiny v mirovoi istorii* [Religious wars in world history]. Available at: <https://dzen.ru/a/W4WcBjI9QwCp8Plz> (accessed July 16, 2023).
10. Nationalism. In: *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/c/natsionalizm-d9e9ff> (Accessed July 16, 2023).
11. Nazism. In: *Politicheskii slovar'* [Political Dictionary]. Available at: <http://slovariki.org/politiceskij-slovar/3418> (Accessed July 16, 2023).
12. Kuz'min A.G. The right-wing radical movement in modern Russia: features of ideology and prospects of development. *Polites=Politics*, 2007, vol. 3, no. 1, pp. 99–109. (In Russ.).
13. Filimonov S. *Ne veruy: pochemu uroven' religioznosti snizaetsya vo vsem mire* [I do not believe: why the level of religiosity is declining all over the world]. Available at: <https://www.forbes.ru/forbeslife/486214-ne-veru-pocemu-uroven-religioznosti-snizaetsya-vo-vsem-mire-i-v-rossii> (accessed July 16, 2023).

14. Denisenko M.A. *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. XIV* [Orthodox Encyclopedia. Vol. 14]. Moscow, 2007. Pp. 391–403.
15. Bishops Council of the Russian Orthodox Church March 31 – April 5, 1992. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya T. III* [Orthodox Encyclopedia. Vol. 3]. Moscow, 2001. Pp. 552–555. (In Russ.).
16. Latyshev A., Komarova E. *“Iskorenit’ vse russkoe”: Zelenskii vnes v Verkhovnyu radu zakonoproekt o perenose Rozhdestva s 7 yanvarya na 25 dekabrya* [“Eradicate all Russian”: Zelensky submitted a draft law on transferring Christmas from January 7 to December 25 to the Verkhovna Rada]. Available at: <https://russian.rt.com/ussr/article/1167978-ukraina-zakonoproekt-rozhdestvo> (accessed July 16, 2023).
17. Odinets D.M. *Vozniknovenie gosudarstvennogo stroya u vostochnykh slavyan* [Emergence of the state system among the Eastern Slavs]. Paris, 1935. 184 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/4712-odinets-d-m-vozniknovenie-gosudarstvennogo-stroya-u-vostochnykh-slavyan-parizh-1935> (accessed July 16, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ САЯДОВИЧ ОГАНЕСЯН – доктор педагогических наук, профессор, государственный советник Российской Федерации 1 класса, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

SERGEI S. OGANESYAN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, 1st Class State Adviser of the Russian Federation, Chief Researcher at Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

Статья поступила 17.07.2023

Научная статья

УДК 342.553

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.003

«Избивал военнопленных за малейшие нарушения...»: практика привлечения немецко-фашистских пособников к уголовной ответственности (по материалам архива УФСБ России по Вологодской области)

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ КУЗЬМИНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Реферат

Введение: в статье рассмотрена практика привлечения к уголовной ответственности пособников немецко-фашистских оккупантов из числа советских граждан после окончания Великой Отечественной войны. *Цель:* на основе анализа архивно-следственного дела раскрыть механизм уголовного преследования коллаборационистов. *Методы:* теоретические методы формальной и диалектической логики, эмпирические методы описания и интерпретации, историко-биографический, текстологический и формально-юридический методы. *Результаты:* изучение материалов архивно-следственного дела демонстрирует трагизм судеб советских военнослужащих, попавших в немецкий плен в период Великой Отечественной войны. В отношении советских военнопленных нацистами был предусмотрен жестокий режим, обрекавший их на постепенную смерть от голода и бесчеловечного обращения. Лица, сотрудничавшие с нацистами, становились соучастниками преступной оккупационной политики. После разгрома германской армии и ее капитуляции большинство коллаборантов были направлены в специальные (проверочно-фильтрационные) лагеря НКВД. Органы военной контрразведки «Смерш» проводили оперативно-следственные мероприятия по установлению и документированию фактов измены Родине и сотрудничества с немецко-фашистскими оккупантами. Лица, чью преступную деятельность удалось подтвердить доказательной базой, предавались суду военного трибунала на основании ст. 58-1 «б» Уголовного кодекса РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Как правило, соучастники преступлений нацистов отбывали срок заключения в каторжных лагерях ГУЛАГа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; советские военнопленные; нацистская оккупационная политика; проверочно-фильтрационные лагеря; коллаборационисты; судебное преследование.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Кузьминых А. Л. «Избивал военнопленных за малейшие нарушения...»: практика привлечения немецко-фашистских пособников к уголовной ответственности (по материалам архива УФСБ России по Вологодской области) // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 365–373. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.003.

“He Beat Prisoners of War for the Slightest Violations ...”: Practice of Bringing Nazi Accomplices to Criminal Liability (Based on Archival Materials of the Federal Security Service of Russia in the Vologda Oblast)

ALEKSANDR L. KUZMINYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Abstract

Introduction: the article examines the practice of bringing to criminal liability of accomplices of Nazi occupiers from among Soviet citizens after the end of the Great Patriotic War. *Purpose:* based on the analysis of the archival case to reveal the mechanism of criminal prosecution of collaborators. *Methods:* theoretical methods of formal and dialectical logic, empirical methods of description and interpretation, historical and biographical, textual and formal legal methods. *Results:* the study of archival materials demonstrates the tragedy of the fate of Soviet servicemen who were captured by the Germans during the Great Patriotic War. In relation to Soviet prisoners of war, the Nazis provided for a cruel regime that doomed them to gradual death from starvation and inhuman treatment. Persons who collaborated with the Nazis became accomplices of the criminal occupation policy. After the defeat of the German army and its surrender, most collaborators were sent to special (screening and filtration) camps of the NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs). The Smersh Counterintelligence Department carried out operational and investigative measures to establish and document the facts of treason to the Motherland and cooperation with the Nazi occupiers. Persons whose criminal activity could be confirmed by evidence were tried by a military tribunal on the basis of Article 58-1 "b" of the Criminal Code of the RSFSR and Article 2 of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On penalties for Nazi villains guilty of murder and torture of Soviet civilians and captured Red Army soldiers, for spies, traitors to the Motherland from among Soviet citizens and for their accomplices" of April 19, 1943. As a rule, accomplices of Nazi crimes served their sentences in penal camps of the Gulag.

Keywords: Great Patriotic War; Soviet prisoners of war; Nazi occupation policy; screening and filtration camps; collaborators; prosecution.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Kuzminykh A.L. "He beat prisoners of war for the slightest violations ...": practice of bringing Nazi accomplices to criminal liability (based on archival materials of the Federal Security Service of Russia in the Vologda Oblast). *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 365–373. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.003.

Введение

В российской историко-правовой науке не ослабевают интерес к событиям Великой Отечественной войны, ее итогам и последствиям. В научный оборот вводятся ранее недоступные архивные документы, выявляются неизвестные факты, даются их трактовка и оценка, продолжают дискуссии по сложным и принципиальным вопросам. Одним из малоизученных аспектов минувшей войны являются специальные мероприятия органов НКВД–НКГБ и контрразведки «Смерш», получившие название государственной проверки или фильтрации советских граждан, оказавшихся на оккупированной противником территории.

Механизм фильтрации и деятельность специальных лагерей НКВД по проверке бывших военнопленных и репатриантов рассмотрены в работах А. Ф. Бичехвоста [1], А. В. Латышева [2–4], В. С. Христофорова [5], В. В. Шевченко [6], а также автора данной статьи [7–10]. В них раскрыты нормативно-правовые и организационно-структурные аспекты фильтрационных

мероприятий, численность и состав, жизнеобеспечение и трудовое использование спецконтингента, организация политической работы с фильтрантами. Гораздо менее изучены судьбы лиц, прошедших спецпроверку, а именно обстоятельства их попадания в немецкий плен, сотрудничества с нацистами и привлечения к уголовной ответственности за совершенные противоправные деяния.

Согласно четырехтомнику «Великая Отечественная война. 1941–1945» в регионах, захваченных немецко-фашистскими оккупантами, проживали почти 85 млн чел., то есть 45 % населения Советского Союза [11, с. 116]. Кроме того, в ходе боевых действий в немецком плену оказалось, по разным оценкам, от 4 до 6 млн военнослужащих Красной армии [12, с. 234; 13, с. 248; 14, с. 5; 15, с. 5; 16, с. 6]. Свыше 3 млн советских граждан активно участвовали в движении сопротивления, сражаясь в партизанских отрядах или группах подпольщиков. Миллионы соотечественников саботировали мероприятия оккупационных властей, снабжали продовольствием партизан, укрывали их.

вали подпольщиков [17, с. 153]. Однако находились и те, кто сотрудничал с немецкими властями и даже воювал на стороне противника. По данным исследователей, в вооруженных формированиях вермахта и учреждениях немецкой оккупационной администрации служило от 200 тыс. до 1,5 млн советских граждан [18, с. 154]. Природа, типология и проявления коллаборационизма в годы Второй мировой войны подробно исследованы в монографии доктора исторических наук, профессора М. И. Семиряги [19], поэтому мы не будем углубляться в описание военно-политической и социально-психологической сущности этого явления, а сосредоточимся исключительно на историко-правовых последствиях.

После освобождения оккупированных территорий перед органами внутренних дел и государственной безопасности была поставлена задача по проверке лиц, находившихся во вражеском плену или оккупации, с целью выявления предателей и изменников Родины, а также диверсантов и агентуры противника. С этой целью на основании постановления Государственного комитета обороны СССР № 1069сс от 27.12.1941 и приказа НКВД № 001735 от 28.12.1941 были сформированы специальные лагеря НКВД [7, с. 134, 194]. Приказом НКВД СССР № 00100 от 20.02.1945 спецлагеря были переименованы в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ), а отдел спецлагерей НКВД СССР – в отдел проверочно-фильтрационных лагерей (ОПФЛ НКВД СССР) [1, с. 73].

Всего, по оценке А. В. Латышева, с января 1942 г. по 1 марта 1946 г. в специальные и проверочно-фильтрационные лагеря было направлено 652 тыс. чел. [4, с. 16]. Большинство из них успешно проходили проверку и направлялись в местные райвоенкоматы, а затем в части действующей армии. Подозреваемых в предательстве и измене Родине подвергали аресту, а дела на них направляли на рассмотрение военных трибуналов НКВД СССР.

Одним из 69 специальных лагерей [4, с. 16], действовавших в СССР в 1942–1945 гг., являлся проверочно-фильтрационный лагерь № 0313, располагавшийся в Карело-Финской ССР. Он был организован по приказу НКВД № 001403 от 20.11.1944 для проверки и трудового использования военнопленных красноармейцев, ранее находившихся в финском плену. Первоначально лагерь дислоцировался в Петрозаводске и был рассчитан на размещение 4 тыс. чел. В соответствии с приказом НКВД № 00838 от 13.07.1945 лагерь был передислоцирован в Медвежьегорск для использования контингента на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Вместимость лагеря была увеличена до 9 тыс. чел., а в его структуре образованы четыре лагерных отделения. На 20 сентября 1945 г. в лагере содержалось 8282 чел., 2699 из которых относились к категории «власовцев» и служивших в немецких формированиях [20].

В архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области (УФСБ РФ по ВО) находится на хранении частично рассекреченное архивно-следственное дело на военнослужащего Н., уроженца Вологодской об-

ласти, проходившего проверку в ПФЛ № 0313 и осужденного за измену Родине и пособничество немецким оккупантам (Архив УСФБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84).

Структура дела включает постановление об избрании меры пресечения, постановление и ордер на арест, протокол обыска, анкету арестованного, протоколы допросов, постановление о предъявлении обвинения, обвинительное заключение по следственному делу, приговор военного трибунала. Возможно, в деле также содержатся протоколы допросов свидетелей, однако такого рода документы, вероятно, имеют ограничения по доступу.

Необходимо отметить, что архивно-следственные дела органов НКВД–НКГБ и военной контрразведки «Смерш» относятся к категории наиболее сложных для изучения исторических источников. Это обусловлено тем, что показания обвиняемых могут содержать искаженную или недостоверную информацию. Необходимо учитывать возможные факты физического и психологического давления на арестованных, их нахождения в условиях предварительного заключения. С другой стороны, данные документы содержат уникальные сведения, позволяющие выяснить предпосылки и причины, побудившие того или иного военнослужащего встать на путь сотрудничества с врагом, изучить механизм привлечения к судебной ответственности, уточнить его дальнейшую судьбу. Все это требует от исследователя знания особенностей советского судопроизводства [21; 22] и специфики делопроизводственной документации судебно-следственных органов НКВД–НКГБ [23].

Цель исследования заключается в раскрытии механизма уголовного преследования коллаборационистов на основе анализа конкретного архивно-следственного дела. Для реализации поставленной цели было необходимо выяснить особенности делопроизводственной документации судебно-следственных органов НКВД–НКГБ и военной контрразведки «Смерш», обстоятельства пленения военнослужащих Красной армии, мотивы сотрудничества с противником, организацию специальной проверки в лагерях НКВД, основания для привлечения бывших военнопленных к уголовной ответственности, содержание обвинительной базы, этапы следственных мероприятий, вердикт судебных органов.

Основными методами исследования являлись теоретические методы формальной и диалектической логики, эмпирические методы описания и интерпретации. Также применялись специальные научные методы, адаптированные под задачи историко-правового исследования, в частности историко-биографический метод, направленный на описание, реконструкцию и анализ обстоятельств жизни, составление социально-психологического портрета военнопленного-коллаборанта; текстологический метод, ориентированный на критический анализ содержащейся в тексте информации с учетом возможных искажений, противоречий и умолчаний; формально-юридический метод, заключающийся в интерпретации норм права и существующей юридической практики. Выбранная методология позволила реализовать цель и задачи исследования.

В целях защиты персональных данных фамилии и имена сотрудников правоохранительных органов, лиц, проходивших спецпроверку и привлекаемых к уголовной ответственности, а также свидетелей и очевидцев, упоминаемых в настоящей статье, не публикуются. Названия населенных пунктов приводятся в оригинале (со слов фигуранта уголовного дела), но сопровождаются необходимыми пояснениями и комментариями. При цитировании документа пропуски текста обозначены отточием, заключенным в квадратные скобки.

Основная часть

19 августа 1945 г. старший следователь отдела контрразведки «Смерш» проверочно-фильтрационного лагеря № 0313 подписал постановление на арест военнослужащего Н., 1921 года рождения, уроженца Устюженского района Вологодской области, подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «б» (под изменой Родине понимались действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи Советского Союза, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, в том числе: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу. Статья 58-1 «б» предусматривала высшую меру уголовного наказания – расстрел с конфискацией имущества) Уголовного кодекса РСФСР. В нем говорилось, что Н., находясь на фронте, попал в плен к немцам. Выполняя обязанности раздатчика продуктов в лагере, грубо обращался с военнопленными: не давал положенные продукты и систематически их избивал. Позднее служил в немецкой армии и за усердную службу награжден медалью. Изобличается показаниями свидетелей и своими признаниями (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 1).

Во избежание побега подозреваемого было решено поместить его под стражу. 28 августа 1945 г. Н. был арестован отделом контрразведки и переведен в следственный изолятор Беломорстроя НКВД (Медвежьегорск). В протоколе обыска указывается, что при задержанном ничего не было изъято (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 4, 5 об.).

В материалах на арестованного излагались его биографические данные: гражданин СССР, по национальности – русский, беспартийный, холостой, образование 4 класса, по профессии – пожарник, социальное происхождение – из крестьян, после революции – крестьянин-середняк, в контрреволюционных организациях не состоял, общественно-политической деятельностью не занимался, репрессиям при советской власти не подвергался. До 1940 г. работал в сельском хозяйстве: сначала в хозяйстве отца, затем в колхозе. В 1940 г. переехал в Чагодощенский район Вологодской области и до призыва в Красную армию работал на заводе (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 5, 9).

Первый протокол допроса датирован 14 августа 1945 г. и подписан старшим следователем отдела контрразведки «Смерш» 289-й стрелковой дивизии. Перед допросом Н. был предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР.

На просьбу следователя рассказать о службе в Красной армии Н. сообщил, что 24 октября 1940 г. был призван Чагодощенским райвоенкоматом и направлен в одну из стрелковых частей, дислоцировавшихся в Литве, наименование части не помнит. Там он прошел обучение, а затем был переведен в 232-ю стрелковую дивизию, в которой служил рядовым примерно до августа 1941 г. Принимал участие в боях с немцами в прибалтийских республиках. Летом 1941 г. под Старой Руссой попал в плен к немцам (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 6).

Обстоятельства пленения, по показаниям Н., выглядели следующим образом: «Мне, как станковому пулеметчику, командир отделения приказал держаться как можно дольше, чтобы прикрыть отступление дивизии. Когда люди отошли, по крайней мере, большинство из них, я со вторым номером погрузил пулемет на повозку, и сам хотел догнать дивизию, но было уже поздно. Немцы обошли нас. Я вынужден был, спасая свою жизнь, сдаться в плен» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 6 об.).

Далее вопросы следователя касались поведения Н. при пленении и его дальнейшего пребывания в немецких лагерях. По словам Н., при взятии в плен немцы его не допрашивали, а только произвели обыск, при котором изъяли часы и автомат с боекомплектом. До лета 1942 г. он находился в лагере военнопленных в дер. Починок (вероятно, речь идет о деревне Починок в Демянском районе Ленинградской области, с 5 июля 1944 г. – Новгородской области), затем был переведен в лагерь в деревню Пекашино (скорее всего, речь идет о деревне Пекашино в Демянском районе, в тексте встречаются разные варианты названия: Пекашино, Пекашино, Покашино) Ленинградской области, где пробыл до начала 1943 г. Будучи в лагерях военнопленных, работал при лагерной кухне сначала чернорабочим, затем раздатчиком хлеба, варил для немцев кофе. По поручению администрации лагеря стоял с винтовкой на посту, охраняя территорию, не имевшую ограждений, от проникновения посторонних лиц. В итоге получал большие привилегии: жил в отдельной землянке, без ограничения питался на кухне и имел право свободного нахождения за зоной, чем пользовался для общения с женщинами (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 7–7 об.).

Следователь поинтересовался: «Имея возможность свободного выхода из лагеря, почему Вы не бежали?». На это последовал откровенный ответ: «Не бежал потому, что работа была легкая, кормили хорошо, платили достаточно. Жил я лучше, чем в Красной армии, и не боялся за свою жизнь. Исходя из этого, я не стал бросаться в неизвестность» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 7 об.). Таким образом, главной причиной сотрудничества с немцами стал прагматический фактор, заключавшийся в стремлении сохранить жизнь и улучшить свое положение в плену посредством занятия привилегированной должности в лагерной обслуге.

Другая часть вопросов касалась отношений Н. с другими военнопленными. Первоначально допрашиваемый заявил, что «к военнопленным относился хорошо, ни с кем не ругался», но затем под давлением

следователя признал, что осенью 1942 г. несколько раз ударил военнопленного за то, что тот поднял с земли кость у лагерной кухни, а также «часто толкал военнопленных, оттесняя их от кухни» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 7 об.).

В завершение следователь попросил Н. раскрыть обстоятельства зачисления в рабочий батальон 30-й немецкой дивизии и службы в данном подразделении. Н. показал: «В феврале или марте 1943 г. лагерь военнопленных в дер. Пекашино был расформирован (в феврале 1943 г. территория Демянского района, на территории которого располагался лагерь, была освобождена советскими войсками). [...] Я в числе 10 человек был зачислен в рабочий батальон 30-й немецкой дивизии, где и служил по день капитуляции Германии, выполняя различные работы». Кроме того, Н. сообщил, что в 1943 г. принял присягу «честно служить немцам», а в 1945 г. «за честную работу» получил от немецкого командования бронзовую медаль 2-й степени (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 8).

В протоколе допроса от 28.08.1945 арестованный дал новые показания касательно обстоятельств своей сдачи в плен: «Наше отделение работало на станковом пулемете. Я был 1-м запасным номером и находился в траншее недалеко от пулемета. Когда немцы пошли в наступление и стали совсем близко, бойцы погрузили пулемет на повозку и стали догонять часть. Я же, струсив и боясь того, что меня могут убить во время перебежки, остался в траншее и при подходе немцев сдался им в плен». На вопрос следователя, почему он ранее давал неверные показания, Н. заявил, что «пытался скрыть факт добровольной сдачи в плен и тем самым уменьшить вину перед Родиной» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 10 об.).

Затем Н. уточнил дислокацию отделений немецкого лагеря военнопленных (его номер и название он не сообщил), которые в связи с приближением линии фронта несколько раз перебрасывались из одного населенного пункта в другой. По его словам, первую неделю плена он находился в г. Старая Русса, затем около месяца в деревнях в 45 км от Старой Руссы, до лета 1942 г. – в деревне Починок, затем два–три месяца – в деревне Обрани (вероятно, речь идет о деревне Обрыни в Демянском районе Ленинградской области, сейчас – Новгородской области) и далее до января–февраля 1943 г. в деревне Пекашино (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 11).

Далее усилия следователей были направлены на признание Н. своей вины и подтверждение фактов преступной деятельности в немецком плену. В протоколе допроса от 01.09.1945 зафиксированы следующие показания: «Работая раздатчиком хлеба в лагере военнопленных в деревнях Починок и Пекашино, я преступно использовал свое положение и грубо обращался с военнопленными, зачастую отталкивал их от кухни и нередко при этом наносил удары. Были случаи, когда, не имея достаточных оснований, я избивал военнопленных. Так, сейчас мне припоминаются следующие случаи. Примерно осенью 1942 г. я ударил три раза ногой [...] за то, что он попытался поднять кости около кухни. Как-то при разделе хлеба в дер. Пекашино я избил военнопленного Бориса за

то, что он высказал недовольство раздачей хлеба. [...] Весной 1942 г. я избил [...], который при раздаче хлеба также высказал недовольство. Помнится, что я ему нанес несколько ударов кулаком по спине. Возможно, были еще случаи, когда я избивал военнопленных, но сейчас не помню. Помимо избиения военнопленных, отталкивания их от кухни, я постоянно оскорблял их словами. Следует признать также, что по моей вине военнопленные не всегда получали положенную им норму хлеба. При раздаче добавочные куски к основной пайке хлеба сваливались в корзину, и, когда военнопленные делали мне замечания по этому поводу, я отталкивал их. Некоторым, настойчиво требующим правильной раздачи, я угрожал совершенно лишиться их хлеба, однако эти угрозы в исполнение ни разу не приводил. Однажды в Пекашино по моему доносу немцами был избит сержант, который особенно недовольствовался порядком раздачи хлеба. Говорили, что сержанта избивали перед строем, но сам я не видел. [...] Как раздатчик хлеба, я отличался немцами от других и вращался в их среде. Случалось, что ради забавы я с немцами бросал в толпу пленных куски хлеба и, смеясь над ними, говорил: русский швайн (свинья), вологодский – гуд (хорошо). За мое пристрастие к употреблению немецких слов, которые я знал, в лагере меня прозвали Францем. Я жил вместе с немцами, и мне наравне с ними военнопленные чистили сапоги» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 13–14).

В протоколах допросов также фигурируют отрывки из показаний свидетелей, зачитанные следователем. Так, свидетель [...] показал, что в декабре 1942 г., когда Н. нес к помойке миску горохового супа, он попросил отдать ему этот суп. В ответ на просьбу Н. обругал его и заявил, что «лучше отдаст суп собаке обер-лейтенанта, чем военнопленному». На это Н. сказал, что не помнит такой факт, но допускает его, «ибо немцы запрещали чем-либо помогать военнопленным» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 14–14 об.).

На вопрос следователя «Что побудило Вас встать на путь пособничества немцам и преступного обращения с советскими военнопленными?» Н. пояснил: «Став раздатчиком хлеба, я понял, что, чтобы удержаться на этом месте, надо угождать немцам и проводить их политику. В своем грубом обращении с пленными я следовал им. Кроме того, мою грубость в отношении к пленным определило также мое неверие в Победу Красной Армии над фашистской Германией» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 14 об.). Таким образом, помимо чисто корыстных соображений решение о сотрудничестве с оккупантами объяснялось военно-политическим и морально-психологическим факторами, а именно успешным наступлением вермахта и убеждением Н. в неспособности советских войск отразить вражескую агрессию.

В протоколе допроса от 02.09.1945 раскрыты обстоятельства поступления Н. на службу в немецкую армию. По его словам, в январе или феврале 1943 г. в лагере в деревне Пекашино немецкий обер-лейтенант объявил военнопленным, что они зачисляются в немецкую армию и будут распределены по подразделениям. Некоторое время пленные работали на заготовке леса, а потом были направлены в рабочий

(саперный) батальон 30-й немецкой пехотной дивизии. Там Н. принял присягу на верность немецкому командованию. Принятие присяги состоялось в деревне Суслово (вероятно, речь идет о деревне Суслово Старорусского района Новгородской области) под Старой Руссой. По словам Н., перед строем батальона немецкий лейтенант зачитал текст присяги антисоветского содержания, после чего каждый расписался в ее принятии. В рабочем батальоне Н. был рядовым, получал денежное вознаграждение в размере 68 марок в месяц и довольствовался по нормам питания немецкого солдата. Судя по протоколу допроса, Н. не имел оружия и не участвовал в боях против Красной армии и партизан. Личный состав батальона занимался строительством дорог и оборонительных сооружений в немецком тылу. По мере наступления Красной армии батальон отступал до Либавы (или Лиепая – город на юго-западе Латвии, на побережье Балтийского моря). Здесь 9 мая военнослужащие батальона после капитуляции немецких войск были переданы советскому командованию и в дальнейшем направлены в спецлагеря.

6 сентября 1945 г. заместитель начальника отдела контрразведки «Смерш» ПФЛ № 0313 утвердил постановление о предъявлении Н. обвинения по ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР. В нем говорилось, что Н. летом 1941 г. в районе Старой Руссы, участвуя в боях с немцами в качестве рядового 232-й стрелковой дивизии, по заранее обдуманному плану сдался им в плен. Во время пребывания в лагере военнопленных работал раздатчиком хлеба с лагерной кухни и нередко подменял немцев на посту по охране лагеря. Используя свое положение, грубо обращался с советскими военнопленными, обзывал и избивал их. С января–февраля 1943 г. до капитуляции Германии служил рядовым в рабочем (саперном) батальоне 30-й немецкой пехотной дивизии, где принял присягу и получил награду – бронзовую медаль 2-й степени. На документе имеется подпись обвиняемого. Копия постановления была направлена прокурору Петрозаводского гарнизона (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 17).

Во время допроса 6 сентября 1945 г., в котором принял участие заместитель военного прокурора Петрозаводского гарнизона, Н. признал все пункты обвинения и пояснил, что сдался в плен в целях сохранения своей жизни и всю дальнейшую преступную деятельность осуществлял в целях обеспечения себе хорошего положения у немцев.

Обвинительное заключение по следственному делу № 2170 от 14.09.1945, подписанное начальником ОКР «Смерш» ПФЛ № 0313 и военным прокурором Петрозаводского гарнизона, содержало все вышеперечисленные пункты обвинения. Кроме того, там указывалось, что в преступных действиях рядовой Н. изобличается свидетельскими показаниями и очной ставкой со свидетелем [...]. Считая следствие по делу законченным, а виновность Н. доказанной, на основании ст. 208-й Уголовно-процессуального кодекса РСФСР старший следователь ОКР «Смерш» Беломорского военного округа лейтенант [...] направил дело военному прокурору Петрозаводского гарнизона для предания обвиняемого суду военного трибу-

нала. Для дальнейшего содержания под стражей Н. был закреплен за Военным трибуналом Петрозаводского гарнизона (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 38–39).

18 сентября 1945 г. постоянная сессия Военного трибунала Беломорского военного округа в закрытом судебном заседании в г. Медвежьегорске в составе председательствующего капитана юстиции К., членов: капитана К. и красноармейца Н., при секретаре старшем лейтенанте юстиции К. рассмотрела дело № 0053 по обвинению бывшего красноармейца 232-й стрелковой дивизии Н. Материалами дела и судебным следствием постоянная сессия Военного трибунала установила, что подсудимый Н., находясь на передовой линии Западного фронта, в августе 1941 г. во время боя в районе Старой Руссы с имеющимся автоматом добровольно сдался в плен немцам, а затем был направлен в лагерь военнопленных. Будучи в лагере военнопленных, Н. в сентябре 1941 г. поступил работать на кухню в должности раздатчика хлеба военнопленным и в этой должности работал до февраля 1943 г., одновременно периодически выполнял должность охранника этого лагеря. Находясь на должности раздатчика хлеба, Н. жестоко обращался с советскими военнопленными и избивал их. Так, осенью 1942 г. нанес три удара пинком ноги военнопленному за то, что тот, будучи полуголодным, на кухне поднял кость от мяса и хотел ее съесть. В октябре 1942 г. избил кулаками двух военнопленных за то, что последние требовали выдачу полного пайка хлеба. Одновременно с этим Н. донес начальнику лагеря на военнопленного сержанта по имени Федор за то, что последний высказал недовольство питанием. За это военнопленный Федор был избит администрацией лагеря перед строем.

Издеваясь над советскими военнопленными, Н. систематически не выдавал положенные им нормы хлеба, а оставшиеся куски кидал в толпу военнопленных, обзывая их свиньями. Заслужив доверие от немцев, в феврале 1943 г. добровольно поступил на службу в немецкую армию – саперный батальон 30-й пехотной немецкой дивизии, за что получал вознаграждение 68 немецких марок (670 руб.) в месяц, где и служил до 9 мая 1945 г., то есть до дня капитуляции фашистской Германии. Во время нахождения в немецкой армии Н. в начале 1945 г. за хорошую службу от немецкого командования получил награду – бронзовую медаль 2-й степени – и принял присягу на верность несения службы фашистской Германии.

Признав Н. виновным в совершении преступления, но «не усматривая по обстоятельствам дела необходимости применения к подсудимому высшей меры уголовного наказания (расстрела)», постоянная сессия Военного трибунала на основании ст. 58-1 «б» УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» приговорила Н. к ссылке на каторжные работы сроком на 20 лет с последующим поражением в

правах на пять лет без конфискации имущества за отсутствием такового у осужденного. Начало срока отбытия меры уголовного наказания с учетом предварительного заключения было предписано исчислять с 28 августа 1945 г. Приговор объявлялся окончательным и кассационному обжалованию не подлежал (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 52–53 об.).

Заключение

Изучение материалов рассмотренного архивно-следственного дела наглядно демонстрирует трагизм судеб советских военнослужащих в начальный период Великой Отечественной войны. Летом–осенью 1941 г. немецко-фашистскими захватчиками были оккупированы северо-западные регионы СССР, включая территорию современных Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. Как и на других участках советско-германского фронта, здесь в первые месяцы войны в «котлах» оказалось большое количество советских солдат. Находясь во вражеском окружении, многие из них стремились любой ценой избежать фашистской неволи, однако далеко не всем удавалось пробиться к своим.

В отношении советских военнопленных нацистами был предусмотрен чрезвычайно жестокий режим, обрекавший их на смерть от голода и бесчеловечного обращения. В этих условиях находились те, кто предпочитал перейти на сторону врага, надеясь сохранить свою жизнь. Как правило, такие лица старались вы-

служиться перед немецкой лагерной администрацией, чтобы получить привилегированную должность в лагерной обслуге и регулярное питание. В некоторых случаях, как свидетельствует рассмотренное архивно-следственное дело, путь от добавочного черпака лагерной баланды к присяге на верность Гитлеру был довольно скоротечным, а цена предательства оказывалась непомерно высока. Лица, сотрудничавшие с нацистами, становились соучастниками преступной оккупационной политики, орудием убийств и истязаний своих соотечественников.

После капитуляции Германии большинство коллаборационистов были направлены в специальные (проверочно-фильтрационные) лагеря НКВД. Органы военной контрразведки «Смерш» проводили оперативно-следственные мероприятия по установлению фактов измены Родине и сотрудничества с немецко-фашистскими оккупантами. Лица, чью предательскую деятельность удалось подтвердить, предавались суду военного трибунала на основании ст. 58-1 «б» УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Как правило, соучастники преступлений нацистов отбывали срок заключения в каторжных лагерях ГУЛАГа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бичехвост А. Ф. К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных // История пенитенциарной системы России в XX веке : сб. материалов междунар. науч. семинара. Вологда, 2007. С. 62–73.
2. Латышев А. В. Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР: кадры, ведомственные интересы и проверка военнослужащих Красной Армии (1941–1945) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2015. № 6. С. 72–77.
3. Латышев А. В. Сеть проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР в 1942–1945 гг. // Клио. 2014. № 9. С. 48–52.
4. Латышев А. В. Система проверки военнослужащих Красной армии, вернувшихся из плена и окружения. 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 20 с.
5. Христофоров В. С. Органы государственной безопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. 430 с.
6. Шевченко В. В. Деятельность лагерей специального назначения НКВД СССР в 1941–1946 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010. 22 с.
7. Кузьминых А. Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы) : моногр. Вологда, 2016. 527 с.
8. Кузьминых А. Л. Специальные лагеря НКВД в годы Великой Отечественной войны // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2021. № 1 (1). С. 22–32.
9. Кузьминых А. Л., Старостин С. И. Специальные лагеря НКВД СССР на территории Вологодской области (1942–1943 гг.) // История отечественной уголовно-исполнительной системы : сб. науч. ст. М., 2008. С. 69–78.
10. Кузьминых А. Л., Старостин С. И. Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника // Российская история. 2010. № 3. С. 48–53.
11. Падерин А. А. Под пятой оккупантов // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Книга четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 115–130.
12. Дембицкий Н. П. Судьба пленных // Война и общество, 1941–1945 : в 2 кн. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2004. Кн. 2. С. 232–263.
13. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил : стат. исслед. / [Г. Ф. Кривошеев и др.] ; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. 607 с.
14. Шнеер А. И. Плен: советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М.; Иерусалим, 2005. 619 с.
15. Штрайт К. Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / [пер. с нем. И. Дьяконова]. М., 2009. 479 с.
16. Хавкин Б. Л. Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература // Проблемы военного плена: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 23–25 октября 1997 г.) : в 2 ч. Вологда, 1997. Ч. 2. С. 3–13.
17. Князьков А. С. Народная борьба с захватчиками // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Книга четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 130–153.

18. Раманичев Н. М. Сотрудничество с врагом // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Книга четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 153–167.
19. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. 862 с.
20. Петрозаводский ПФЛ № 0313 // Интерактивная карта советских лагерей : сайт. URL: <https://gulagmap.ru/camp634> (дата обращения: 25.08.2023).
21. Козинцев А. Я. Государственная политика в сфере юстиции в СССР. 30–50-е годы XX века : моногр. Куртамыш, 2008. 590 с.
22. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. 385 с.
23. Журавлев С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под ред. А. К. Соколова. М., 2004. С. 148–198.

REFERENCES

1. Bichekhovst A.F. On the history of the creation and functioning of special camps for Soviet prisoners of war. In: *Istoriya penitentsiarnoi sistemy Rossii v XX veke: sb. materialov mezhdunar. nauch. seminara* [History of the penitentiary system of Russia in the 20th century: collection of materials of the international scientific seminar]. Vologda, 2007. Pp. 62–73. (In Russ.).
2. Latyshev A.V. Checkup-filtration NKVD camps: staff, departmental interests and checkup of Red Army servicemen (1941–1945). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya" = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series "History"*, 2015, no. 6, pp. 72–77. (In Russ.).
3. Latyshev A.V. The network of screening and filtration camps of the NKVD of the USSR in 1942–1945. *Klio*, 2014, no. 9, pp. 48–52. (In Russ.).
4. Latyshev A.V. *Sistema proverki voennosluzhashchikh Krasnoi armii, vernuvshikh sya iz plena i okruzheniya. 1941–1945 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The system of verification of Red Army servicemen who returned from captivity and encirclement. 1941–1945: Candidate of Sciences (History) dissertation abstract]. Moscow, 2017. 20 p.
5. Khristoforov V.S. *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v 1941–1945 gg.* [State security bodies of the USSR in 1941–1945]. Moscow, 2011. 430 p.
6. Shevchenko V.V. *Deyatel'nost' lagerei spetsial'nogo naznacheniya NKVD SSSR v 1941–1946 godakh: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activity of special purpose camps of the NKVD of the USSR in 1941–1946: Candidate of Sciences (History) dissertation abstract]. Volgograd, 2010. 22 p.
7. Kuz'minykh A.L. *Voennyi plen i internirovanie v SSSR (1939–1956 gody): monogr.* Military captivity and internment in the USSR (1939–1956): monograph]. Vologda, 2016. 527 p.
8. Kuz'minykh A.L. Special camps of the NKVD during the Great Patriotic War. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, no. 1 (1), pp. 22–32. (In Russ.).
9. Kuz'minykh A.L., Starostin S.I. Special camps of the NKVD of the USSR on the territory of the Vologda region (1942–1943). In: *Istoriya otechestvennoi ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: sb. nauch. st.* [History of the Russian penal system: collection of scientific articles]. Moscow, 2008. Pp. 69–78. (In Russ.).
10. Kuz'minykh A.L., Starostin S.I. Special camps for former servicemen of the Red Army who were in captivity and surrounded by the enemy. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, 2010, no. 3, pp. 48–53. (In Russ.).
11. Paderin A. A. Under five occupiers. In: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voенно-istoricheskie ocherki: v 4 kn. Kniga chetvertaya. Narod i voina* [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays: in 4 books. Book 4. The people and the war]. Moscow, 1999. Pp. 115–130. (In Russ.).
12. Dembitskii N.P. The fate of prisoners. In: Sevost'yanov G.N. (Ed.). *Voina i obshchestvo, 1941–1945: v 2 kn. Kn. 2* [War and society, 1941–1945: in 2 books. Book 2]. Moscow, 2004. Pp. 232–263. (In Russ.).
13. Krivosheev G.F. et al. *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil: stat. issled.* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century. History of the armed forces: statistical research]. Moscow, 2001. 607 p.
14. Shneer A.I. *Plen: sovetskie voennoplennye v Germanii, 1941–1945* [Captivity: Soviet prisoners of war in Germany]. Moscow, 2005. 619 p.
15. Streit C. *Oni nam ne tovarishchi. Vermakht i sovetskie voennoplennye v 1941–1945 gg.* [No Comrades: The Wehrmacht and Soviet Prisoners of War, 1941–1945]. Transl. from German by D'yakonova I. Moscow, 2009. 479 p.
16. Khavkin B.L. German prisoners of war in the USSR and Soviet prisoners of war in Germany. The problem of staging. Sources and literature. In: *Problemy voennogo plena: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Vologda, 23–25 oktyabrya 1997 g.): v 2 ch. Ch. 2* [Problems of military captivity: history and modernity: proceedings of the international scientific and practical conference. (Vologda, October 23–25, 1997): in 2 parts. Part 2]. Vologda, 1997. Pp. 3–13. (In Russ.).
17. Knyaz'kov A.S. People's struggle against invaders. In: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voенно-istoricheskie ocherki: v 4 kn. Kniga chetvertaya. Narod i voina* [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays: in 4 books. Book 4. The people and the war]. Moscow, 1999. Pp. 130–153. (In Russ.).
18. Ramanichev N.M. Cooperation with the enemy. In: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voенно-istoricheskie ocherki: v 4 kn. Kniga chetvertaya. Narod i voina* [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays: in 4 books. Book 4. The people and the war]. Moscow, 1999. Pp. 153–167. (In Russ.).
19. Semiryaga M.I. *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow, 2000. 862 p.
20. Petrozavodsk screening and filtration camp No. 0313. *Interaktivnaya karta sovetskikh lagerei: sait* [Interactive map of Soviet camps: website]. Available at: <https://gulagmap.ru/camp634> (accessed August 25, 2023).

21. Kodintsev A.Ya. *Gosudarstvennaya politika v sfere yustitsii v SSSR. 30–50-e gody XX veka: monogr.* [State policy in the field of justice in the USSR. 1930-1950s: monograph]. Kurtamysh, 2008. 590 p.
22. Kudryavtsev V.N., Trusov A.I. *Politicheskaya yustitsiya v SSSR* [Political justice in the USSR]. Saint Petersburg, 2002. 385 p.
23. Zhuravlev S.V. Judicial-investigative and prison-camp documentation. In: Sokolov A.K. (Ed.). *Istochnikovedenie noveishei istorii Rossii: teoriya, metodologiya i praktika* [Source studies of the modern history of Russia: theory, methodology and practice]. Moscow, 2004. Pp. 148–198. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ КУЗЬМИНЫХ – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

ALEKSANDR L. KUZMINYKH – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Статья поступила 31.08.2023

Наказание, предупреждение и защита прав как направления борьбы с преступностью несовершеннолетних

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА КУНЦ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

Реферат

Введение: отмечается недостаточная эффективность уголовного наказания и традиционных способов противодействия преступности несовершеннолетних в условиях современной социально-экономической и общественно-политической действительности. Уголовное наказание оказалось неспособным не только решить задачу предупреждения преступного поведения несовершеннолетних, достичь цели уголовного наказания, но даже локализовать и сдержать криминальные угрозы, которые по-прежнему вызывают социальную напряженность. *Цель:* системное научное обоснование проблемы уголовного наказания, предупреждения и защиты прав несовершеннолетних осужденных, определение мер профилактики. *Методы:* методология характеризуется традиционными методами познания, опирается на современные принципы, доктринальные подходы, сложившиеся к настоящему времени и оправдавшие себя в гуманитарных и общественных науках, включая криминологию, уголовное право, юридическую психологию, социологию, уголовно-исполнительное право. Исследование носит междисциплинарный характер, применяются следующие исследовательские методы: сравнительно-исторический, системный, контент-аналитический, социологический, статистический, контекстный анализ, перспективный анализ. *Результаты:* предупреждение преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в том числе посредством уголовного закона, является сложным, многогранным и разноплановым явлением. От его эффективности зависит не только состояние преступности, но и достижение целей уголовной и уголовно-исполнительной политики государства. Основное внимание должно быть сосредоточено на предупредительной работе с несовершеннолетними, склонными к асоциальному и противоправному поведению. Как правило, речь идет о криминологической и виктимологической профилактике преступности несовершеннолетних. Немаловажными являются также вопросы, связанные с обеспечением личной безопасности, включающие в себя такой аспект, как отбывание наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях. Посредством изучения и анализа целого комплекса причин можно повысить эффективность профилактики преступлений. *Выводы:* ужесточение и интенсивность мер уголовной репрессии не приносят положительного результата, нередко приводят к еще худшим последствиям. Отсутствие надлежащей реабилитационной работы, ресоциализации и социальной адаптации несовершеннолетних, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы, является одной из причин их повторного преступного поведения. Высокая научная значимость проблемы опосредует нацеленность на получение новых выводов об уголовном наказании как социально-правовом феномене, включая психологические, политические, нравственные аспекты.

Ключевые слова: виктимологическая профилактика; воспитательная колония; наказание; несовершеннолетний осужденный; предупреждение; преступность несовершеннолетних.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кунц Е. В. Наказание, предупреждение и защита прав как направления борьбы с преступностью несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 374–381. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.004.

Punishment, Prevention and Protection of Rights as Areas of Combating Juvenile Delinquency

ELENA V. KUNTS

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

Abstract

Introduction: the article indicates insufficient effectiveness of criminal punishment and traditional methods of countering juvenile delinquency in the conditions of modern socio-economic and socio-political reality. Criminal punishment has proved unable not only to solve the problem of preventing minors from criminal activity and achieve the goal of criminal punishment, but even to localize and contain criminal threats that are causing social tension. *Purpose:* systematic scientific substantiation of problems of criminal punishment, prevention and protection of the rights of juvenile convicts, definition of preventive measures. *Methods:* the methodology is characterized by traditional methods of cognition, based on modern principles and doctrinal approaches successfully applied in human and social sciences, including criminology, criminal law, legal psychology, sociology, and penal law. The research is interdisciplinary in nature, the following research methods are used: comparative-historical, systematic, content-analytical, sociological, statistical, contextual analysis, and perspective analysis. *Results:* prevention of crimes committed by minors, including through criminal law, is a complex, multifaceted and diverse phenomenon. Not only the state of crime, but also the achievement of goals of the criminal and penal policy of the state depend on its effectiveness. The main attention should be focused on preventive work with minors who are prone to antisocial and illegal behavior. As a rule, we are talking about criminological and psychological prevention of juvenile delinquency. Issues related to ensuring personal security are also important, including such an aspect as serving a sentence of imprisonment in juvenile correctional facilities. By studying and analyzing a whole range of causes, it is possible to boost effectiveness of crime prevention. *Conclusion:* the tightening and intensity of criminal repression measures do not bring a positive result and often lead to even worse results. A lack of proper rehabilitation work, re-socialization and social adaptation of minors who have served a criminal sentence in the form of imprisonment is one of the reasons for their repeated criminal behavior. A high scientific significance of the problem mediates the focus on obtaining new conclusions about criminal punishment as a socio-legal phenomenon, including psychological, political, and moral aspects.

Key words: victimological prevention; juvenile correctional facility; punishment; juvenile convict; prevention; juvenile delinquency.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kunts E.V. Punishment, prevention and protection of rights as areas of combating juvenile delinquency. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 374–381. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.004.

Введение

Одним из признаков развития культуры, ответственности, духовности и общечеловеческих ценностей современного общества выступают показатели преступности несовершеннолетних. Поэтому борьба с преступностью несовершеннолетних и профилактика совершения данными лицами преступлений являются одной из важных задач современности и каждого развитого и гуманного общества.

Ежегодно в среднем шесть тысяч приговоров предусматривают условное осуждение [1]. Однако на практике распространено мнение, что назначение условного наказания не соответствует целям института наказания в отечественном уголовном праве, свидетельствует о безнаказанности несовершеннолетнего преступника, снижает авторитет власти, подрывая

основополагающий принцип неотвратимости наказания. Несмотря на то что уголовное законодательство содержит большое разнообразие видов наказаний, которые не связаны с лишением свободы и изоляцией от общества, на практике они не используются, что свидетельствует о проблемах правоприменения. Однако следует отметить, что значительное количество приговоров с условным отбыванием наказания обусловлено спецификой преступников несовершеннолетнего возраста.

Нередко при назначении наказания несовершеннолетнему отсутствует альтернативность санкций, что мешает судам назначать более мягкие виды наказаний, в то время как лишение свободы не создает в этом существенных препятствий. И такие обстоятельства напрямую противоречат международным

актам, например Минимальным стандартным правилам ООН, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Поэтому уголовный закон и суд должны располагать широким комплексом мер по отправлению наказания в отношении несовершеннолетних, которые не связаны с лишением свободы.

В уголовно-исполнительном законе также нет норм, которые бы регулировали особенности исполнения наказания в отношении несовершеннолетних, а именно: затруднена реализация обязательных и исправительных работ ввиду того, что не определены положения трудового законодательства в части организации работы несовершеннолетних; нет возможности реализовать альтернативное наказание в случае злостного уклонения несовершеннолетнего осужденного от отбывания наказания. В целом такие обстоятельства понижают эффективность уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики государства. Таким образом, можем выделить следующие проблемы: пробелы в правовом регулировании назначения и исполнения наказания несовершеннолетнему лицу; отсутствие единообразия судебной практики в части назначения и исполнения уголовного наказания, не связанного с лишением свободы; отсутствие законодательного закрепления особенностей несовершеннолетних лиц как социально-демографической группы. В силу вышеуказанных обстоятельств на практике судами применяется наказание в виде лишения свободы.

Успешное социально-экономическое развитие государства невозможно без учета благополучия граждан с точки зрения их правовой защищенности, уверенности в завтрашнем дне и т. д.

Следует не только учитывать имеющийся положительный исторический опыт, но и использовать современные научные достижения и технологии для распространения правомерного поведения среди несовершеннолетних.

Проблемы изучения преступности несовершеннолетних в России и за рубежом традиционно находятся в центре внимания ученых. Среди зарубежных исследователей выделим труды Э. Дюркгейма «Социология и философия», Г. Тарда «Молодые преступники», Э. Саттерленда «Социология преступности» и др.

Различные аспекты преступности несовершеннолетних рассматривали такие авторы, как Ю. М. Антонян, М. М. Бабаев, Р. А. Базаров, Л. И. Беляева, В. Ю. Голубовский, Л. В. Готчина, И. Я. Козаченко, М. Ф. Костюк, С. В. Максимов, И. М. Мацкевич, А. В. Наумов, Ю. Е. Пудовочкин, А. В. Шеслер, Д. А. Шестаков, В. Е. Эминов.

Основная часть

В основу профилактики преступности несовершеннолетних должен быть положен концептуальный подход, опирающийся на преимущества индивидуального подхода. Противодействие преступности несовершеннолетних следует рассматривать как совокупность междисциплинарных подходов, направленных на подавление, минимизацию и снижение потенциального асоциального и преступного влияния на данных лиц.

В 2022 г. отмечается снижение числа несовершеннолетних преступников, как и преступлений, совершенных при их участии (30 469) [2]. Снижению показателей преступности, на наш взгляд, способствовала деятельность правоохранительных органов и других субъектов по предупреждению противоправного поведения и защите от криминализации подростковой среды. Поиск эффективных путей предупреждения преступлений в настоящее время продолжается.

Так, МВД России предлагает наделить своих сотрудников новыми обязанностями, например следить за нарушителями общественного порядка, вести профилактические беседы с наркозависимыми. Соответствующие поправки планируется внести в приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности». Главная цель – устранить противоречия и юридико-технические ошибки в разных нормативных актах. В одном из пунктов поправок составители ссылаются на законодательную лакуну, согласно которой постановке на профилактический учет не подлежат лица, нарушившие ст. 19.3 КоАП РФ «Неповиновение законному требованию сотрудника полиции», а заодно занимающиеся «дискредитацией органов власти» и «публичным распространением экстремистских взглядов». Кроме того, участковым будет разрешено проводить профилактические беседы с наркоманами или выносить им официальные предостережения (в старой редакции приказа это касалось лишь больных алкоголизмом) [3].

Внесены изменения в уголовное законодательство, увеличившие количество уголовно наказуемых действий против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Так, в 2022 г. закреплен специальный рецидив, ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ изложены в новой редакции, распространяющей свое действие на защиту потерпевших до 18 лет (ранее было до 14 лет).

Как правило, эти преступления совершаются во внеурочное время из-за отсутствия занятости и организованного досуга детей, а также должного воспитания и присмотра со стороны родителей. Связь между избытком свободного времени, низкой культурой его использования, его неорганизованностью, незаполненностью с одной стороны и асоциальным поведением – с другой бесспорна. Данные факторы способствуют совершению несовершеннолетними преступлений.

Следует отметить существенный рост числа наркопреступлений, совершенных несовершеннолетними (2066). Число погибших от наркотиков детей и подростков с 2017 г. увеличилось в 2,5 раза [4]. Это может быть связано с появлением новых психоактивных веществ, в том числе синтетических, которые более доступны по сравнению с классическими видами. Их употребление приводит к тяжелым отравлениям, психозам и суицидам.

На рост числа несовершеннолетних наркоманов повлияло и общее увеличение потребления психоактивных веществ, находящихся в свободном обращении, а также транквилизаторов и седативных средств, обладающих психолептическими свойствами [5].

Все это крайне отрицательно отразилось на структуре распределения осужденных несовершеннолетних в зависимости от совершенных преступлений. Доля несовершеннолетних, отбывающих наказание за преступления, предметом которых выступают наркотические средства и психотропные вещества, составила 27,5 %.

Вызывает обеспокоенность практика судов относительно назначения несовершеннолетнему в приговоре суда принудительного лечения.

Таблица 1

Данные о назначении несовершеннолетним принудительного лечения по приговору суда (на 01.01.2023) (%)

	ВК	Мужчины	Женщины
Не назначено	97,8	98	94,6
Назначено страдающим психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости	2,2	2	5,4
Назначено страдающим психическим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаяющим вменяемости	–	–	–

Следует отметить негативную тенденцию, складывающуюся в некоторых воспитательных колониях, когда сотрудники администрации редко обращаются в суд для назначения принудительного лечения несовершеннолетним осужденным (табл. 2).

Таблица 2

Данные о назначении несовершеннолетним судом по представлению администрации исправительного учреждения принудительного лечения (на 01.01.2023) (%)

	ВК	Мужчины	Женщины
Не назначено	99,4	99,4	100
Назначено страдающим психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости	0,6	0,6	–
Назначено страдающим психическим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаяющим вменяемости	–	–	–

Наряду с решением социальных вопросов в настоящее время ведется планомерная работа по совершенствованию отечественного уголовного законо-

дательства и реализации программных документов, направленных на формирование безопасной, комфортной и доброжелательной среды для несовершеннолетних. Проводятся мероприятия по апробации и внедрению индекса благополучия детей, разработке методики расчета детского бюджета.

Несмотря на принимаемые меры в области защиты прав детей, проблемы сохраняют свою остроту и требуют пристального внимания и комплексного решения со стороны всех заинтересованных структур, ответственных за реализацию государственной политики в области защиты прав детей.

Распространенным явлением становятся факты насилия среди несовершеннолетних. В 2022 г. возбуждено 24 031 уголовное дело о преступлениях в отношении несовершеннолетних, это на 1,1 % меньше, чем в 2021 г. По результатам расследования в суды для рассмотрения по существу направлено 12 930 уголовных дел, что на 4,2 % больше, чем в 2021 г. [6].

В рамках социологического исследования проведен опрос родителей на тему физической и психической безопасности ребенка. Наиболее распространенные родительские страхи связаны с вопросами физической и психической безопасности. Уверенность респондентов в безопасности их детей зависит от того, с кем те находятся.

Исторически институт семьи являлся фактором стабильности государства. По отношению государства к семье можно судить о его развитии. В этой связи все проблемы, касающиеся создания, функционирования и распада семьи, всегда будут оставаться наиболее актуальными. Укрепление института семьи – это одновременно и защита прав несовершеннолетнего.

Стоит отметить, что возрастные характеристики учитываются многими авторами при формулировании типологий жертв. Так, например, Б. Мендельсон в качестве одной из категорий предлагает «полностью невиновную жертву». Такой жертвой, по мнению автора, может быть признан ребенок или полностью невменяемый человек. Г. Гентинг, исследуя отношения между жертвой и преступником, выделял три класса жертв: общий класс жертв, психологические типы жертв и активированное страдательное лицо. Первую категорию составляют молодежь и дети, они слабы физически и с наибольшей степенью вероятности могут стать жертвами нападений, а детство – это самый опасный период жизни [7, с. 71].

Несовершеннолетние являются категорией, обладающей повышенной виктимностью, так как не могут активно противодействовать совершению преступления, на что обращает внимание преступник при выборе объекта посягательства. Следует отметить, что наиболее важными субъектами виктимологической профилактики являются семья и учебное заведение. Именно семья как наиболее близкий социальный круг играет значительную роль в коррекции поведения несовершеннолетнего. Внимательное отношение близких родственников, а также грамотное профилактическое воздействие способны заметно снизить уровень склонности к виктимному поведению подростка. Учебное заведение, в профилактиче-

ской деятельности которого особое место занимает работа психолога, способно также диагностировать определенные, потенциально опасные особенности в поведении несовершеннолетнего. Мониторинг психологического состояния должен проводиться систематически. Работа психолога в данном случае должна быть направлена как на самого несовершеннолетнего, так и на его родителей, выяснение причин и условий развития потенциально опасных поведенческих особенностей и их коррекцию, а также при необходимости разъяснение механизма работы специализированных учреждений, оказывающих помощь несовершеннолетним (кризисные центры, службы доверия, центры психологической помощи и т. д.).

Представляется, что профилактике насилия способствует внесение в Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования изменений, предусматривающих обязательное изучение несовершеннолетними основных опасных ситуаций противоправного характера, овладение навыками оптимального поведения в опасных ситуациях и способами преодоления последних.

В вопросе профилактики и предупреждения насилия в отношении несовершеннолетних важную роль играет институт школьной медиации. Наиболее актуален этот вопрос в ситуациях, когда ребенок страдает от насилия со стороны сверстников, лиц, которые в силу своего возраста не могут быть привлечены к уголовной ответственности. Однако представляется, что данный институт будет эффективен и в ситуации применения насилия со стороны учителей. Тем не менее стоит обратить особое внимание на лиц, исполняющих функции медиатора. С целью эффективной и качественной работы последних в регионах необходимо организовать специальную психолого-педагогическую, а также правовую подготовку медиаторов, работающих в образовательных учреждениях и разрешающих споры между сверстниками и учителями.

Несмотря на многочисленные программные документы, принятые в сфере здравоохранения, неблагоприятные тенденции в обеспечении здоровья детей остаются актуальными. Проведенный анализ обеспечения прав ребенка на здоровье свидетельствует о необходимости принятия кардинальных мер по формированию у детей и подростков здорового образа жизни, повышению эффективности действующих профилактических мероприятий, привлечения родителей, учителей, специалистов в области здравоохранения, общественности к реализации совместных мероприятий, обеспечения регулярного мониторинга подверженности детей поведенческим, социальным и экологическим рискам.

Еще американский ученый-криминолог Р. Годдард в начале XX в. отмечал, что большинство преступников – это лица с ослабленной психикой, за что во многих более поздних исследованиях был подвергнут критике. Например, в Японии ослабленная психика занимает весьма небольшое место среди факторов делинквентности. Это объясняется совершенство-

ванием методов проверки интеллекта, внесением большей ясности в критерии оценок, заметным прогрессом в деле защиты лиц с ослабленной психикой, включением в планы программ совершенствования и развития специального воспитания таких лиц. Можно сказать, что проблема ослабленной психики и делинквентности связана скорее не со свойствами личности несовершеннолетних, а с социальными условиями их жизни [8, с. 222–223].

Духовный мир человека оказывает значительное влияние на его душевное и телесное здоровье. Это говорит о важности синтеза генетики с психологией, социологией, философией, правовой наукой, а также с психиатрией, особенно в той части, где речь идет об общественно опасных деяниях лиц с различными отклонениями от нормы в развитии психики либо с психическими заболеваниями [9, с. 267].

Психические заболевания чаще встречаются у тех несовершеннолетних, которые живут в городской среде, потому что инфраструктура города вредит психике. Урбанистическая среда более опасна для психического здоровья, чем сельская местность. В число регионов, где больше всего детей с психическими отклонениями, вошли г. Москва, Московская область, Алтайский край, г. Санкт-Петербург и Красноярский край. У подростков, живущих в сельской местности, чаще встречаются алкоголизм и наркомания [10], что влечет совершение преступлений на этой почве и впоследствии отбывание наказания в воспитательной колонии.

Показательным будет следующий пример. Пятнадцатилетний П. убил собственных родителей. Со слов П., родители его не любили, никакой заботы, ласки по отношению к нему не проявляли, употребляли алкоголь. Сам П. с девяти лет начал пробовать алкоголь. Половина жителей сельского поселения не работали, перебивались случайными заработками. При распитии спиртных напитков между отцом и сыном вспыхнула ссора, после чего П. нанес не менее трех ударов топором отцу и убил задремавшую мать [11].

Пьянство, алкоголизм, преступность – это антисоциальные явления, имеющие тесную связь [12].

Имеющиеся в настоящее время официальные формы статистической отчетности не содержат графу «сельская местность», что негативно отражается на исследовании показателей преступности несовершеннолетних там и, соответственно, своевременном реагировании на происходящие негативные процессы и формировании эффективных мер предупреждения данного вида преступности.

Психические расстройства осужденных существенно влияют на реализацию в отношении их режима содержания в воспитательных колониях. Бесспорно, каждый осужденный – это своеобразное направление в психологической профилактике [13, с. 61].

Распределение несовершеннолетних осужденных в зависимости от психического здоровья представлено в табл. 3.

Таблица 3
Распределение осужденных в зависимости от их психического здоровья (на 01.01.2023) (%)

Состояние психического здоровья осужденных	ВК	Мужчины	Женщины
Не страдает	97,8	98	94,6
Страдает олигофренией в стадии дебильности	0	0	0
Страдает иными психическими расстройствами	2,2	2	5,4

В настоящее время можно говорить о неполной эффективности уголовного наказания. Результаты переписи констатируют существенное ухудшение некоторых характеристик осужденных несовершеннолетних, отбывающих наказание, например по такому показателю, как тяжесть совершенного преступления, по сравнению с данными переписи 2009 г. [14, с. 30] (табл. 4).

Таблица 4
Распределение осужденных по категориям преступлений в воспитательных колониях (%)

Категория преступлений	Перепись 2009 г.			Перепись 2022 г.		
	ВК	Мужчины	Женщины	ВК	Мужчины	Женщины
Небольшой тяжести	1	1	0	18,5	0,8	0
Средней тяжести	11,1	11,5	6,3	4,5	5,5	5,6
Тяжкое	61,9	61,9	62,1	29,7	32,9	30,5
Особо тяжкое	26	25,6	31,6	47,3	60,8	63,9

Выводы

Для эффективной борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди несовершеннолетних важное значение имеет требование неотвратимости социальной, а при достижении установленного законом возраста и уголовной ответственности. При этом неотвратимость социальной ответственности выражается в соответствующей реакции на антиобщественное поведение, так как механизм воздействия такой реакции на поведение детей и подростков в значительной степени аналогичен механизму воздействия наказания. При этом применительно к уголовному праву речь идет о законодательном закреплении принципов неотвратимости и индивидуализации ответственности (наказания), так как уголовное право охраняет общественные отношения от посягательств, имеющих повышенную обществен-

ную опасность. Подобные деяния в большинстве своем являются результатом попустительства и безнаказанности в процессе воспитания детей и подростков до достижения возраста уголовной ответственности, поэтому принципы неотвратимости и индивидуализации ответственности, обязательного реагирования на нежелательные поступки в самых разнообразных формах (беседа, убеждение) должны действовать и в процессе воспитания детей и подростков, но уже как принципы не уголовного права, а правосознания и морали, неотвратимости и индивидуализации социальной ответственности, так как указанные требования не закрепляются в законе или каких-то иных нормативных актах и их реализация, в том числе и выбор форм и методов воздействия, лежит на совести воспитателя и зависит от его квалификации [15, с. 215].

Для правильного и разумного осуществления указанных требований в процессе профилактической работы с несовершеннолетними необходимо учитывать возрастные и психологические особенности. Воспитание ребенка начинается с момента его рождения. При этом в раннем детском возрасте преобладает конкретное мышление, где основную роль в воздействии на психику играют инстинктивные и рефлекторные реакции. С возрастом решающую роль начинает играть вторая сигнальная система, с развитием которой индивид уже может самостоятельно воспринимать и оценивать явления, принимать решения [15, с. 216].

Основным средством среди методов убеждения и принуждения в борьбе с нежелательными поступками, в том числе и наиболее общественно опасными деяниями, является повседневная воспитательная работа.

Наказание также является мерой, воздействующей на психологию и поведение людей, и в этом смысле оно может рассматриваться в системе мер воспитания. Процесс воспитания характеризуется, прежде всего, непрерывным взаимодействием между воспитателем и воспитуемым, которое находит выражение в том, что воспитуемый проявляет отношение к окружающей действительности через свои поступки, действия. Необходимо иметь в виду, что методы убеждения и принуждения являются различными, но взаимосвязанными.

Отечественные пенитенциарные учреждения в процессе исполнения уголовного наказания испытывают трудности в методическом, информационном и ресурсном обеспечении и остро нуждаются в нетрадиционных научно обоснованных алгоритмах деятельности, а также в совершенствовании нормативных правовых актов, прямо либо косвенно затрагивающих проблему уголовного наказания за преступления, совершенные несовершеннолетними.

Вышеизложенное порождает необходимость комплексных междисциплинарных исследований по проблемам назначения и исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних, предупреждения асоциального и противоправного поведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год. Форма № 12: Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. 2023 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.10.2023).
2. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 27.10.2023).
3. Участковые полиции займутся профилактикой наркомании и улучшат свой внешний вид. URL: <https://www.pnp.ru/social/uchastkovye-policii-zaymutsya-profilaktikoy-narkomanii-i-uluchshat-svoy-vneshniy-vid> (дата обращения: 02.10.2023).
4. В России за пять лет в 2,5 раза выросло число погибших от наркотиков детей и подростков. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16548601> (дата обращения: 02.10.2023).
5. Ментюкова М. А., Пустовалова О. С. Современная наркотическая ситуация как криминогенный фактор роста преступности // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 1. С. 119–127.
6. Опасный возраст. URL: <https://rg.ru/2023/05/31/опасnyj-voznrast.html> (дата обращения: 01.10.2023).
7. Варчук Т. В., Вишневецкий К. В. Виктимология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С. Я. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. 191 с.
8. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии / под общ. ред. и с вступ. ст. Н. Ф. Кузнецовой и В. П. Еремина. М., 1989. 256 с.
9. Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. 351 с.
10. Врач назвал регионы, где больше всего психически больных детей. URL: <https://ura.news/news/1052472206> (дата обращения: 02.10.2023).
11. Горький ответ на «горькую» // На переломе. Ижевск, 2002. С. 5.
12. Kostyuk M. F., Kunts E. V. The Impact of Deviant Behavior on Juvenile Delinquency: Current State of the Problem // *IusHumani*. 2022. Vol. 11, no 1. Pp. 15–27.
13. Голубовский В. Ю. Проблемы предупреждения рецидивной преступности // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Самара, 1–2 июня 2023 г.). Самара, 2023. С. 60–62.
14. Данилин Е. М., Селиверстов В. И. Осужденные в воспитательных колониях: по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. М., 2011. 88 с.
15. Фефелов П. А. Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы. М., 1992. 232 с.

REFERENCES

1. Summary statistical data on the state of criminal record in Russia for 2022. Form No. 12: Report on convicts who committed crimes at a minor age. 2023. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii: sait* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: website]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (In Russ.). (Accessed October 2, 2023).
2. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2022 goda* [The state of crime in Russia for January – December 2022]. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (accessed October 2, 2023).
3. *Uchastkovye politsii zaimutsya profilaktikoi narkomanii i uluchshat svoi vneshniy vid* [Local police officers will be engaged in drug addiction prevention and improve their appearance]. Available at: <https://www.pnp.ru/social/uchastkovye-policii-zaymutsya-profilaktikoy-narkomanii-i-uluchshat-svoy-vneshniy-vid> (accessed October 2, 2023).
4. *V Rossii za pyat' let v 2,5 raza vyroslo chislo pogibshikh ot narkotikov detei i podrostkov* [In Russia, the number of children and adolescents killed by drugs has increased 2.5 times for five years]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/16548601> (accessed October 2, 2023).
5. Mentyukova M.A., Pustovalova O.S. Modern drug situation as a criminogenic factor of crime growth. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 119–127. (In Russ.).
6. *Opasnyi voznrast* [Dangerous age]. Available at: <https://rg.ru/2023/05/31/опасnyj-voznrast.html> (Accessed October 2, 2023).
7. Varchuk T.V., Vishnevetskii K.V. *Viktimologiya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Victimology: textbook for university students]. Ed. by Lebedev S.Ya. Moscow, 2015. 191 p.
8. Ueda K. *Prestupnost' i kriminologiya v sovremennoi Yaponii* [Crime and criminology in modern Japan]. Ed. by Kuznetsova N.F., Eremin V.P. Moscow, 1989. 256 p.
9. Dubinin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. *Genetika, povedenie, otvetstvennost': o prirode antiobshchestvennykh postupkov i putyakh ikh preduprezhdeniya* [Genetics, behavior, responsibility: on the nature of antisocial acts and ways to prevent them]. Moscow, 1989. 351 p.
10. *Vrach nazval regiony, gde bol'she vsego psikhicheski bol'nykh detei* [The doctor named regions with a greater number of mentally ill children]. Available at: <https://ura.news/news/1052472206> (accessed October 2, 2023).
11. Bitter answer to “bitter”. *Na perelome = On the Fracture*, Izhevsk, 2002, p. 5. (In Russ.).
12. Kostyuk M.F., Kunts E.V. The impact of deviant behavior on ju-venile delinquency: current state of the problem. *IusHumani*, 2022, vol. 11, no 1, pp. 15–27. (In Russ.).
13. Golubovskii V.Yu. Problems of prevention of recurrent pregnancy. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt: materialy vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Samara, 1–2 iyunya 2023 g.)* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience: materials of the All-Russian research and practice conference with the international participation (Samara, June 1–2, 2023)]. Samara, 2023. Pp. 60–62. (In Russ.).

14. Danilin E.M., Seliverstov V.I. *Osuzhdennyye v vospitatel'nykh koloniyakh: po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, sodержashchikhsya pod strazhei, 12–18 noyabrya 2009 g.* [Convicts in juvenile correctional facilities: based on the materials of a special census of convicts and persons in custody, November 12–18, 2009]. Moscow, 2011. 88 p.
15. Fefelov P.A. *Mekhanizm ugovovno-pravovoi okhrany. Osnovnye metodologicheskie problem* [Mechanism of criminal law protection. Basic methodological problems]. Moscow, 1992. 232 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА КУНЦ – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, 73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

ELENA V. KUNTS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Penalties Related to Deprivation of Liberty and the Research in Penitentiary Crime of the Center for the Study of Security Problems in Institutions of the Penal System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

Статья поступила 13.10.2023

Профилактика пенитенциарной преступности: обуславливающие факторы, принципы, источники и их классификация

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ТЕПЛЯШИН

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия,
pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

Реферат

Введение: в статье показано особое место пенитенциарной преступности в криминологических исследованиях и правоохранительной деятельности, обоснована важность понимания методологических основ ее профилактики. *Цель:* определить теоретические предпосылки и структуру руководящих начал профилактики преступности в местах лишения свободы. *Методы:* методология исследования преимущественно охватывает анализ и синтез социально-правовых явлений, обобщение и конкретизацию, формально-логический и системно-структурный анализ правовой доктрины, герменевтическое исследование правовых норм, а также таксономическую классификацию. *Результаты:* особенности предупредительного воздействия на пенитенциарную преступность обусловлены рядом факторов, лежащих в плоскости теоретического понимания и практической значимости системы профилактики. Выявленные факторы обуславливают характер принципов профилактики пенитенциарной преступности. Следует выделять нормативные и доктринальные источники принципов профилактики пенитенциарной преступности. *Выводы:* обуславливающие факторы выражают объективно существующие проблемы пенитенциарной действительности, связанные, во-первых, с личностью осужденного как объекта профилактики, во-вторых, с реализацией профилактических функций субъектов профилактики и, в-третьих, с мерами профилактического воздействия на пенитенциарную преступность. Трансформация обуславливающих факторов приводит к объективной необходимости ревизии принципов профилактики пенитенциарной преступности. Классификация принципов обеспечивает понимание степени охвата соответствующих сфер, уровней и тенденций, отражающих объект системы профилактики пенитенциарной преступности, концептуальными положениями, руководствуясь которыми можно достигнуть эффективного профилактического воздействия. В условиях построения новой архитектуры безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации происходит объективный рост числа принципов профилактики пенитенциарной преступности и приобретение ими комплексного характера, при котором руководящие начала выражают особенности нескольких взаимосвязанных научных отраслей знания.

Ключевые слова: изоляция осужденных от общества; исправительно-предупредительное воздействие; криминальные угрозы; предупреждение рецидивной преступности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Тепляшин П. В. Профилактика пенитенциарной преступности: обуславливающие факторы, принципы, источники и их классификация // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 382–389. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.005.

Original article

Principles of Penitentiary Crime Prevention: Conditioning Factors, Sources and Their Classification

PAVEL V. TEPLYASHIN

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

Abstract

Introduction: the article shows a special place of penitentiary crime in criminological research and law enforcement and substantiates the importance of understanding methodological foundations of its prevention. *Purpose:* to determine theoretical prerequisites and the structure of crime prevention principles in places of deprivation of liberty. *Methods:* the research methodology mainly covers the analysis and synthesis of socio-legal phenomena, generalization and concretization, formal and system-structural analysis of legal doctrine, hermetic study of legal norms, as well as taxonomic classification. *Results:* the features of preventive impact on penitentiary crime are due to a number of factors that lie in the plane of theoretical understanding and practical significance of the prevention system. The identified factors determine the nature of penitentiary crime prevention principles. Normative and doctrinal sources of principles for the prevention of penitentiary crime should be singled out. *Conclusions:* conditioning factors express objectively existing problems of penitentiary reality, connected, first, with the personality of the convicted person as an object of prevention, second, with the implementation of preventive functions of subjects of prevention and, third, with measures of preventive impact on penitentiary crime. Transformation of conditioning factors leads to the objective need to revise principles of penitentiary crime prevention. The classification of principles provides an understanding of the extent of coverage of the relevant areas, levels and trends reflecting an object of the penitentiary crime prevention system, conceptual provisions, guided by which an effective preventive effect can be achieved. In the conditions of building a new security architecture of the penal system of the Russian Federation, there is an objective increase in the number of principles of the prevention of penitentiary crime and their acquisition of a complex character, in which the guiding principles express features of several interrelated scientific branches of knowledge.

Keywords: isolation of convicts from society; correctional and preventive impact; criminal threats; prevention of recidivism.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Teplyashin P.V. Principles of penitentiary crime prevention: conditioning factors, sources and their classification. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 382–389. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.005.

Введение

Пенитенциарная преступность занимает особое место в криминологических исследованиях и правоохранительной деятельности. Данный вид преступности обладает специфическими закономерностями, требует криминологических знаний для своего определения, приводит к подрыву значимости соответствующего вида деятельности государства. Совершаемые в местах лишения свободы преступления, как точно отмечают В. С. Ишигеев и А. А. Протасевич, «представляют серьезную научно-теоретическую и практическую проблему, поскольку соответствующие общественно опасные деяния подрывают авторитет уголовно-исполнительной системы, препятствуют достижению целей наказания, дестабилизируют обстановку в исправительных учреждениях, оказывают негативное воздействие на осужденных, снижая потенциал исправительно-профилактического воздействия на них» [1, с. 59]. В этой связи М. С. Красильникова верно обобщает, что преступность «осужденных в местах лишения свободы является в некоторой степени криминологическим феноменом, поскольку предназначение пенитенциарных учреждений состоит в целенаправленном исправительном воздействии на преступников» [2, с. 53]. Следовательно, необходимо понимать методологические основы профилактики пенитенциарной преступности, иметь представление об условиях ее осуществления и тем самым развивать валидные качества криминологии, которая, актуализируя соответствующие социально-правовые проблемы, «представляет собой совокупность идей, взглядов, теорий о закономерностях становления и развития пенальных преступ-

лений и преступности, причин, условий пенальных преступлений и преступности, лиц, совершающих пенальные преступления, и их жертв, предупреждения пенальных преступлений и преступности» [3, с. 85].

Анализ идей профилактики пенитенциарной преступности возможен на основе предпосылок их научного обоснования, которые с определенной долей условности и применительно к настоящему исследованию допустимо именовать обуславливающими факторами. Подобное научное обоснование позволяет не только очертить законодательно учтенные принципы рассматриваемой профилактики, но и предопределить перспективные доктринальные идеи, претендующие на включение в перечень фактически состоявшихся руководящих начал профилактики пенитенциарной преступности. Таким образом, особенности предупредительного воздействия на пенитенциарную преступность обусловлены рядом основных факторов, лежащих в плоскости теоретического понимания и практической значимости системы профилактики, построение и реализация которой базируется на соответствующих принципах.

Результаты

Учет обуславливающих факторов позволяет оптимизировать систему построения принципов профилактики пенитенциарной преступности.

Так, первый фактор указывает на существование определенной специфики и в некотором смысле закрытости соответствующего объекта предупредительного воздействия. Данная специфика проявляется в объективно-субъективных закономерностях формирования и постепенного видоизменения

пенитенциарной преступности. Кроме того, отмеченный объект существует на фоне стабильно повторяющейся взаимосвязи между государством и осужденным, который преимущественно находится в условиях изоляции от общества, что снижает транспарентность соответствующих явлений и процессов, сопровождающих криминальные проявления в пенитенциарной действительности. Кроме того, лица, отбывающие уголовное наказание в виде лишения свободы, прежде всего выступают объектом исправительного воздействия, тогда как профилактика совершения ими новых правонарушений обладает только вторичным характером. Такая профилактика должна быть ориентирована как на устранение криминальных наклонностей личности осужденного, которые привели его к совершению преступления и, соответственно, назначению уголовного наказания, так и на предупреждение причин и условий, которые могут детерминировать новые проявления его общественно опасного поведения в период содержания в местах лишения свободы.

Обозначенные особенности пенитенциарной преступности следует воспринимать через призму роста удельного веса осужденных, отбывающих лишение свободы в третий и более раз, что указывает на их значительную криминальную пораженность, субкультурную абсорбированность и личностную резистентность к исправительно-профилактическому воздействию.

Второй фактор заключается в том, что обнаруживается компетентностная рыхлость либо вторичность профилактических функций субъектов противодействия пенитенциарной преступности. Всесторонний анализ системы таких субъектов (как специализированных, частично специализированных, так и неспециализированных), а также их содержательных характеристик демонстрирует обособленность задач и функций профилактической деятельности как производных от основной компетенции. Так, применительно к исправительным учреждениям первичной компетенцией выступает исправление, применительно к органам исполнения уголовных наказаний – общее руководство и координация, прокуратуры – надзор за исполнением уголовных наказаний, следствия – расследование. Безусловно, оперативные отделы и отделы охраны исправительных учреждений ориентированы на приоритетную реализацию профилактических мероприятий, но эти подразделения, являясь структурными пенитенциарными единицами, тесно связаны с достижением первоочередной цели уголовно-исполнительного законодательства, закрепленной в ч. 1 ст. 1 УИК РФ, – исправления осужденных. Более того, реализация пенитенциарной пробации, регламентированной Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации), объективно потребует усилий всех подразделений исправительного учреждения.

Третий фактор предполагает оторванность официально закрепленных средств и форм профилактики правонарушений от фактически востребованного инструментария предупреждения рецидивной пре-

ступности в местах лишения свободы. Так, в ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон о профилактике) закреплены средства реализации основных направлений профилактики правонарушений в Российской Федерации. Однако как направления, так и средства их реализации недостаточно информативно коррелируют со спецификой пенитенциарной преступности. Ведь данный закон не ориентирован на закрытые социальные системы, в которых вектор интеграционных взаимоотношений соответствующей организации и среды направлен на межличностные взаимоотношения, каждая часть (уровень) организации осуществляет строго определенные функции и базируется на процедурной координации ее уровней, а одним из основных показателей эффективности выступает формирование социально адаптационных способностей лиц, покидающих ее. Принципиальное отличие закрытой социальной системы от открытой заключается в существенном игнорировании (применительно к показателям результативности ее функционирования) эффекта внешнего воздействия. Этот тезис подкрепляется и верным аргументом Ю. Ю. Тищенко, который отмечает, что: «Когда осужденный попадает в места лишения свободы, круг его общения значительно сужается» [4, с. 230]. Следовательно, уголовно-исполнительную систему в определенной степени допустимо считать закрытой социальной системой. Подобную критику представляется возможным экстраполировать и на формы профилактического воздействия, которые зафиксированы в ч. 1 ст. 17 Закона о профилактике. Кроме того, нельзя не заметить, что законодатель в ч. 2 указанной статьи отмечает право должностных лиц органов уголовно-исполнительной системы в пределах установленной компетенции осуществлять профилактику правонарушений в формах профилактического воздействия, предусмотренных п. 2–6 ч. 1 ст. 17 Закона о профилактике. Однако с учетом вступления 1 января 2024 г. в силу Закона о пробации требуется нормативно закрепить право должностных лиц органов уголовно-исполнительной системы в пределах установленной компетенции осуществлять профилактику правонарушений и в таких формах профилактического воздействия, как социальная адаптация, ресоциализация, социальная реабилитация (п. 7–9 ч. 1 ст. 17 Закона о профилактике). Ведь пенитенциарная пробация представляет собой совокупность мер, направленных как на исправление осужденных, так и на подготовку осужденных (что в той или иной мере предполагает осуществление социальной адаптации, ресоциализации, социальной реабилитации), отбывающих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, к освобождению из соответствующих учреждений.

Таким образом, изложенные обуславливающие факторы отражают объективно существующие проблемы объекта, субъекта и мер системы профилактики пенитенциарной преступности.

В контексте обозначенных выше факторов, лежащих в плоскости теоретического понимания и практической значимости элементов системы про-

филактики пенитенциарной преступности, существенный научный интерес представляют принципы такой профилактики. Данные принципы выступают теми основополагающими идеями, на основе которых достигается соответствующий конечный результат, скрепляется работа всех субъектов профилактической деятельности, синхронизируются применяемые ими меры воздействия. Структура и содержание принципов профилактики пенитенциарной преступности предопределяются как общими задачами предупреждения правонарушений, включая преступность, так и частными, отражающими специфику соответствующих уголовно-исполнительных отношений. Следовательно, нельзя не обратиться к принципам профилактики правонарушений, закрепленным в ст. 4 Закона о профилактике, который во многом носит рамочный характер и закрепляет общие установки воздействия на противоправное поведение. В этом случае источником соответствующих принципов выступает нормативный правовой акт.

При этом необходимо заметить, что с точки зрения юридической техники нормы, закрепляющие субъектов и основные направления профилактики правонарушений, законодатель поместил после ст. 4 Закона о профилактике, то есть вслед за принципами. Это свидетельствует о методологической приоритетности принципов профилактики правонарушений над элементами системы профилактики и подтверждает выдвинутый ранее тезис об основополагающей роли идей перед деятельностью субъектов по реализации соответствующих мер воздействия.

Законодатель перечисляет шесть пунктов, охватывающих соответствующие принципы профилактики правонарушений. В первых двух закрепляются общеправовые принципы – приоритет прав и законных интересов человека и гражданина при осуществлении профилактики правонарушений, законность. Следующие два пункта объединяют принципы, которые допустимо квалифицировать как системно-процедурные: обеспечение системности и единства подходов при осуществлении профилактики правонарушений, открытость, непрерывность, последовательность, своевременность, объективность, достаточность и научная обоснованность принимаемых мер профилактики правонарушений. Оставшиеся пятый и шестой пункты закрепляют идеи, отражающие основополагающие требования к субъектам профилактической деятельности: компетентность при осуществлении профилактики правонарушений, ответственность данных субъектов и их должностных лиц за обеспечение прав и законных интересов человека и гражданина.

Продолжая рассматривать в качестве источников соответствующих принципов нормативные правовые акты, следует указать, что, в соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона о пробации, одной из целей пробации выступает предупреждение совершения осужденными новых преступлений. Следовательно, при реализации пробации необходимо руководствоваться основополагающими идеями, закрепленными в ст. 3 Закона о пробации. В зависимости от функционального назначения закрепленных в обозначенной норме прин-

ципов пробации их можно разбить на следующие три группы: 1) принципы, характеризующие правовые основы реализации пробации (приоритет прав и законных интересов человека и гражданина, соблюдение законности); 2) принципы, отражающие статус ее участников, или организационно-правовые принципы (учет индивидуальных особенностей, обстоятельство и потребностей, добровольность); 3) принципы, характеризующие порядок реализации пробации, или процедурные принципы (гуманизм, рациональность применения мер принуждения, мер исправительного, социального и иного характера и мер стимулирования правопослушного поведения, открытость (прозрачность), преемственность, непрерывность). Как видно, данные основополагающие идеи несколько отличаются от принципов, закрепленных в ст. 4 Закона о профилактике.

Сопоставляя принципы двух законов, важно обратить внимание на следующие моменты. Так, с одной стороны, имеется теоретико-прикладная резонансность выработать выборку тех принципов пробации, которые ближе всего отражают фундаментальные идеи именно по предупреждению совершения осужденными новых преступлений. С другой стороны, все меры пробации – коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц – направлены в том числе на предупреждение совершения осужденными новых преступлений. Следовательно, принципы, лежащие в основе реализации данных мер, косвенно, но также являются постулатами пробационного предупредительного процесса.

Также требуется принять во внимание тот факт, что принципы пробации могут охватывать архитектуру профилактики в том числе пенитенциарной преступности в силу наличия такого вида пробации, как пенитенциарная, которая, согласно п. 3 ч. 1 ст. 5 Закона о пробации, применяется в отношении осужденных, отбывающих лишение свободы. В этой связи целесообразно заметить, что в современных зарубежных исследованиях также указывается на значительную роль успешной реабилитации заключенных в предупреждении рецидива преступлений [5; 6].

Можно резюмировать, что нормативная база источников профилактики пенитенциарных правонарушений, включая преступления, охватывает соответствующие положения как Закона о профилактике, так и Закона о пробации.

Однако источниками принципов профилактики пенитенциарной преступности могут быть не только нормативные правовые акты, но и соответствующие криминологическая и научно-отраслевая доктрины. На этом основании рассматриваемые принципы могут быть дополнены с учетом теоретических воззрений ряда исследователей и личного видения общей парадигмы вопроса.

Для познания социально-правовой действительности целесообразно использовать методологию таксономического исследования, поэтому в целях придания процессу анализа принципов профилактики пенитенциарной преступности ясности и науч-

ной репрезентативности представляется верным его провести через призму классификационного подхода. Данный подход уже использовался при группировке принципов, источниками которых выступали нормативные правовые акты.

Предварительно необходимо заметить, что доктринальное происхождение принципов профилактики пенитенциарной преступности зависит от различных оснований (критериев), количество которых по сути неограниченно и находится в перманентном состоянии ротации и увеличения. Так, на основании отраслевой правовой принадлежности профилактических мер можно говорить о существовании принципов профилактики пенитенциарной преступности, базирующихся на соответствующих отраслях права, законодательстве и науке. Например, допустимо формирование принципов оперативно-розыскной профилактики пенитенциарной преступности. В этой связи С. С. Галахов и Н. Б. Маликова справедливо указывают, что ими «являются основополагающие системные идеи (принципы), используемые при проведении оперативно-розыскных мероприятий в целях профилактики пенитенциарных правонарушений. Благодаря им совершенствуется процесс реализации функций, связанных с исполнением наказания в учреждениях УИС и обеспечением правопорядка и законности в них» [7, с. 31]. Применительно к науке уголовно-исполнительного права также допустимо говорить о наличии процесса трансформации принципов, которые в том числе ориентированы на руководящее обеспечение и обобщающие требования к результативной профилактике пенитенциарной преступности. В частности, в теоретической модели Общей части УИК РФ (далее – модель) в ст. 2 одной из целей уголовно-исполнительного законодательства, как и в действующем УИК РФ, закрепляется предупреждение совершения новых преступлений осужденными. Соответственно, в ст. 9 модели закрепляются принципы правового регулирования, среди которых можно встретить целесообразность, соединение наказания с исправительно-предупредительным воздействием [8, с. 63, 73–75, 77–79].

Следовательно, в силу отраслевого критерия принципы профилактики пенитенциарной преступности могут иметь также конституционное (административно-правовое), уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и, естественно, уголовно-исполнительное происхождение. При этом доктринальный характер источников соответствующих отраслевых принципов профилактики рассматриваемого вида преступности предполагает научную интерпретацию основополагающих идей, которые зафиксированы в нормах конкретных правовых актов (в частности, ст. 3 «Принципы оперативно-розыскной деятельности» Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). Здесь следует акцентировать внимание и на такой специально-юридической отрасли, как криминология, которая также вырабатывает принципы профилактики пенитенциарной преступности. Так, частным направлением данной научной юридической дисциплины выступает пенитенциарная конфликтология, в рамках которой

также разрабатываются руководящие начала профилактического воздействия на общественно опасные проявления в местах лишения свободы. Например, А. П. Детков констатирует, что, анализируя «природу пенитенциарных конфликтов, мы приходим к выводу, что в генезисе конфликтной ситуации может быть два и более предмета («принцип наложения»). В ходе конфликтной ситуации предметы конфликта могут коррелироваться, видоизменяться в зависимости от уровня сложности, им может придаваться ложный характер» [9, с. 38]. В свою очередь Дэвид Гарленд, известный зарубежный социолог, занимающийся исследованием криминологических проблем, предлагает в качестве действенного инструмента профилактики пенитенциарной преступности использовать криминологическую экспертизу соответствующих проблем с целью выработки конкретных предложений по снижению уровня криминальных проявлений в этой сфере, полагая, что она «также включает в себя практические знания о том, как работают учреждения уголовного правосудия» [10, с. 273].

Избрав такой критерий классификации, как криминологические особенности лиц, в отношении которых осуществляется профилактика пенитенциарной преступности, представляется возможным выделить группу общих основополагающих идей, на которые следует ориентироваться при профилактике правонарушающего поведения каждого осужденного, и группы специальных, задействованных в профилактической работе с отдельными категориями осужденных. Так, Е. Г. Телегина в разрезе концептуальных начал профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, закрепленных в ст. 2 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», обращает внимание «на основополагающие принципы, которые должна включать в себя правовая основа профилактики пенитенциарных преступлений среди подростков» [11, с. 96]. Соответственно, можно говорить о принципах профилактики правонарушений среди женщин, отбывающих лишение свободы, лиц, повторно содержащихся в исправительных учреждениях, с отдельными личностными особенностями и т. п.

В зависимости от механизма профилактического воздействия и конфигурации криминальных угроз можно говорить о существовании также различных групп принципов профилактики пенитенциарной преступности. В рамках обозначенной классификации К. А. Насреддинова указывает на целесообразность выделения принципов виктимологической профилактики в местах лишения свободы. По мнению исследователя, такая профилактика имеет свои особенности (в частности, наличие более широких возможностей взаимодействия с осужденными, связь с предупреждением «инверсионных» преступлений, где происходит смена ролей «преступник – жертва») и позволяет выдвигать основополагающие идеи реализации [12, с. 47–48]. Кроме того, можно выделить группу принципов прокурорского надзора за соблюдением законности в деятельности исправительных

учреждений или, например, как отмечает К. А. Кадырова, «принцип актов прокурорского реагирования» [13, с. 33]. Думается, что в данной классификации допустимо предусмотреть «принципы и правила осуществления миссионерской деятельности в местах лишения свободы» [14, с. 26–30], то есть основополагающие идеи мер духовно-нравственной профилактики пенитенциарной преступности.

На основании научно-отраслевой принадлежности профилактических мер допустимо утверждать наличие принципов профилактики пенитенциарной преступности, базирующихся на соответствующих отраслях знаний. Обозначенному критерию корреспондирует выделение соответствующих групп принципов в пенитенциарной психологии и педагогике [15], пенитенциарном управлении [16], архитектурной пенологии [17, с. 16–18; 18, с. 321–328], пенитенциарной экологии [19, с. 408–410] («зеленой» криминологии [20, с. 79–102]) и ряде иных отраслей знаний, используемых для общей и частной профилактики общественно опасных деяний, совершаемых в исправительных учреждениях и следственных изоляторах.

Исходя из криминологической и научно-отраслевой доктрины в качестве основы классификации принципов профилактики пенитенциарной преступности могут выступать крайне разнообразные критерии: уровень (иерархия) правовых актов, содержащих источники исходных начал, степень научной разработанности соответствующих руководящих положений, их юридическая значимость. Этот перечень критериев не является исчерпывающим. Появлению новых оснований предшествует расширение объема руководящих направлений профилактического воздействия на пенитенциарную преступность, что, в свою очередь, является ответной реакцией на рост практически значимых профилактических задач, трансформацию тенденций и потребностей развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и обеспечения общественной безопасности, появление новых вызовов и угроз, то есть на весьма широкий набор обстоятельств.

Выводы

Изложенный материал позволяет сформулировать ряд основных теоретически значимых выводов, которые демонстрируют наличие насущных исследовательских вопросов, относящихся к перспективам

дальнейшего результативного воздействия на пенитенциарную преступность:

1. Обуславливающие факторы выражают объективно существующие проблемы пенитенциарной действительности, связанные, во-первых, с личностью осужденного как объекта профилактики; во-вторых, с реализацией профилактических функций специализированных, частично-специализированных и неспециализированных субъектов профилактики; в-третьих, с мерами (средствами и формами) профилактического воздействия на пенитенциарную преступность.

2. Выявленные факторы обуславливают характер принципов профилактики пенитенциарной преступности. Данные факторы и основополагающие начала профилактического воздействия на криминальные проявления в местах изоляции осужденных от общества коррелируют между собой, поэтому трансформация соответствующих пенитенциарных проблем приводит к объективной необходимости ревизии принципов профилактики пенитенциарной преступности.

3. Следует выделять нормативные и доктринальные источники принципов профилактики пенитенциарной преступности. С позиции диалектического познания их имманентных свойств представляется возможным воспринимать нормативные источники как форму сущности профилактического воздействия на пенитенциарную преступность, тогда как доктринальные – как содержание.

4. Классификация рассмотренных принципов обеспечивает понимание степени охвата соответствующих сфер, уровней и тенденций, отражающих объект системы профилактики пенитенциарной преступности, руководящими положениями, с использованием которых можно достигнуть эффективного профилактического воздействия.

5. В условиях интенсивной трансформации пенитенциарных отношений, возрастания объема содержательных задач перед уголовно-исполнительной системой Российской Федерации и построения новой архитектуры ее безопасности происходят, во-первых, объективный рост числа принципов профилактики пенитенциарной преступности, во-вторых, приобретение ими комплексного характера, при котором руководящие начала выражают особенности нескольких взаимосвязанных научных отраслей знания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ишигеев В. С., Протасевич А. А. Видовое обособление преступлений, совершаемых в местах изоляции осужденных от общества: предложения в порядке *de lege ferenda* // Вестник Кузбасского института. 2022. № 4. С. 58–65.
2. Красильникова М. С. Преступность осужденных в исправительных учреждениях: криминологический анализ // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3. С. 52–63.
3. Орлов В. Н. Криминопенальная виктимология: основные понятия, безопасность уголовно-исполнительного процесса, современные угрозы // Актуальные вопросы обеспечения безопасности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2021. С. 85–87.
4. Тищенко Ю. Ю. Некоторые особенности профилактического воздействия на пенитенциарную преступность // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14 (1–4), № 3. С. 228–232.
5. Amali S. E., Sibanyoni E. K., Tshivhase T. Incarceration for Reformation or Deformation? // International Journal of Criminology and Sociology. 2021. No. 10. Pp. 562–571.
6. Pellegrina L. D., Saraceno M. Does the open cell regime foster inmates' legal capability? Evidence from two Italian prisons // European Journal of Law and Economics. 2021. Vol. 52, no. 1. Pp. 89–135.

7. Галахов С. С., Маликова Н. Б. Конституционные основополагающие системные идеи, используемые при проведении оперативно-розыскных мероприятий в профилактике пенитенциарных правонарушений (научно-прикладные проблемы конституционных принципов оперативно-розыскной профилактики) // Вестник Пермского института ФСИН России. 2021. № 3. С. 28–39.
8. Общая часть Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. 328 с.
9. Детков А. П. Теоретико-методологические основы пенитенциарной конфликтологии как науки // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 28–40.
10. Garland D. What's Wrong with Penal Populism? Politics, the Public, and Criminological Expertise // *Asian Journal of Criminology*. 2021. Vol. 16, no. 4. Pp. 257–277.
11. Телегина Е. Г. Правовое регулирование профилактики правонарушений и преступлений в воспитательных колониях (проблемные вопросы) // Правовые, экономические и гуманитарные вопросы современного развития общества: теоретические и прикладные исследования : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. В. Пономарева, Т. А. Куткович. Новороссийск, 2018. Вып. 1. С. 96–100.
12. Насреддинова К. А. Особенности виктимологической пенитенциарной профилактики в исправительных учреждениях // Вестник Самарского юридического института. 2011. № 2. С. 44–48.
13. Кадырова К. А. Акты прокурорского реагирования, их принципы воздействия в местах лишения свободы // *Перо науки*. 2019. № 17. С. 29–33.
14. Трудов П. В. Православная миссия в местах лишения свободы: основные проблемы и принципы осуществления // *Теология. Философия. Право*. 2019. № 3. С. 22–32.
15. Симакова Т. А. Методологические принципы психолого-педагогической науки по духовно-нравственному воспитанию осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Угрешский сборник. Труды преподавателей Николо-Угрешской православной духовной семинарии. 2017. № 8. С. 78–87.
16. Голодов П. В. Некоторые организационно-правовые принципы обеспечения прав осужденных в местах лишения свободы // *Ius Publicum et Privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2020. № 4. С. 32–36.
17. Esther van Ginneken, Palmén H. Is There a Relationship Between Prison Conditions and Recidivism? // *Justice Quarterly*. 2022. Vol. 40, no. 3. Pp. 1–23.
18. Jewkes Y. Just design: Healthy prisons and the architecture of hope // *Australian & New Zealand Journal of Criminology*. 2018. Vol. 51, no. 3. Pp. 319–338.
19. Bradshaw E. A. Tombstone Towns and Toxic Prisons: Prison Ecology and the Necessity of an Antiprison Environmental Movement // *Critical Criminology*. 2018. Vol. 26, no. 3. Pp. 407–422.
20. Lynch M., Stretesky P. Exploring green criminology: Toward a green criminological revolution. Abingdon-on-Thames, 2014. 225 p.

REFERENCES

1. Ishigeev V.S., Protasevich A.A. Specific isolation of crimes committed in places of isolation of convicts from society: proposals in the order of de lege ferenda. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2022, no. 4, pp. 58–65. (In Russ.).
2. Krasil'nikova M.S. Criminological analysis of the crime of convicts in the correctional institutions. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 3, pp. 52–63. (In Russ.).
3. Orlov V.N. Criminopenal victimology: basic concepts, security of the penal enforcement process, modern threats. In: *Aktual'nye voprosy obespecheniya bezopasnosti v ugovolno-ispolnitel'noi sisteme Rossiiskoi Federatsii: sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf.* [Topical issues of ensuring security in the penal system of the Russian Federation: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Saint Petersburg, 2021. Pp. 85–87. (In Russ.).
4. Tishchenko Yu.Yu. Some features of preventive action on penitentiary crime. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2019, vol. 14(1-4), no. 3, pp. 228–232. (In Russ.).
5. Amali S.E., Sibanyoni E.K., Tshivhase T. Incarceration for reformation or deformation? *International Journal of Criminology and Sociology*, 2021, no. 10, pp. 562–571.
6. Pellegrina L.D., Saraceno M. Does the open-cell regime foster in-mates' legal capability? Evidence from two Italian prisons. *European Journal of Law and Economics*, 2021, vol. 52, no. 1, pp. 89–135.
7. Galakhov S.S., Malikova N.B. Constitutional fundamental system ideas used in carrying out operational investigative measures in the prevention of penitentiary violations (scientific and applied problems of constitutional principles of operational investigative prevention). *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2021, no. 3, pp. 28–39. (In Russ.).
8. *Obshchaya chast' Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [General Part of the Penal Code of the Russian Federation: results and substantiations of theoretical modeling]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2017. 328 p.
9. Detkov A.P. Theoretical and methodological foundations of penitentiary conflictology as a science. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2011, no. 3, pp. 28–40. (In Russ.).
10. Garland D. What's Wrong with Penal Populism? Politics, the public, and criminological expertise. *Asian Journal of Criminology*, 2021, vol. 16, no. 4, pp. 257–277. (In Russ.).
11. Telegina E.G. Legal regulation of the prevention of violations and crimes in educational colonies (problematic issues). In: Ponomareva V.V., Kutkovich T.A. *Pravovye, ekonomicheskie i humanitarnye voprosy sovremennogo razvitiya obshchestva: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Legal, economic and humanitarian issues of modern development of society: theoretical and applied research: collection of scientific papers]. Novorossiisk, 2018. Pp. 96–100. (In Russ.).

12. Nasreddinova K.A. Features of victimological penitentiary prevention in correctional institutions. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2011, no. 2, pp. 44–48. (In Russ.).
13. Kadyrova K.A. Acts of prosecutor's response, their principles of influence in places of imprisonment. *Pero nauki = Feather of Science*, 2019, no. 17, pp. 29–33. (In Russ.).
14. Trudov P.V. Orthodox mission in places of detention of freedom: key challenges and principles of implementation. *Teologiya. Filosofiya. Pravo = Theology. Philosophy. Law*, 2019, no. 3, pp. 22–32. (In Russ.).
15. Simakova T.A. Methodological principles of psychological and pedagogical science on spiritual and moral education of convicts serving sentences in places of deprivation of liberty. In: *Ugreshskii sbornik. Trudy prepodavatelei Nikolozugreshskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii* [Ugresh collection. Works of the teachers of the Nikolo-Ugresh Orthodox Spiritual Seminary]. 2017. No. 8. Pp. 78–87. (In Russ.).
16. Golodov P.V. Some organizational and legal principles for ensuring the rights of convicts in prisons. *Ius Publicum et Privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2020, no. 4, pp. 32–36. (In Russ.).
17. Ginneken E., Palmen H. Is there a relationship between prison conditions and recidivism? *Justice Quarterly*, 2022, vol. 40, no. 3, pp. 1–23.
18. Jewkes Y. Just design: Healthy prisons and the architecture of hope. *Australian & New Zealand Journal of Criminology*, 2018, vol. 51, no. 3, pp. 319–338.
19. Bradshaw E.A. Tombstone towns and toxic prisons: prison ecology and the necessity of an antiprison environmental movement. *Critical Criminology*, 2018, vol. 26, no. 3, pp. 407–422. (In Russ.).
20. Lynch M., Stretesky P. *Exploring green criminology: toward a green criminological revolution*. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2014. 225 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ТЕПЛЯШИН – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

PAVEL V. TEPLYASHIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

Статья поступила 30.08.2023

Современные тенденции развития военного уголовного законодательства России

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА УТОРОВА

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, tatianautorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9625-7270>

СТЕПАН ПАВЛОВИЧ ШАЛЕГИН

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, stepan.shalegin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6452-6306>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу современных тенденций развития военного уголовного законодательства России через призму реформы 2022 г. *Цель:* исследовать изменения УК РФ, введенные законодателем в сентябре 2022 г., и выявить их положительные и отрицательные стороны: на основе обобщения советского и современного опыта некоторых постсоветских стран определять необходимые изменения для поддержания высокой боеспособности российской армии посредством улучшения поддержания воинского правопорядка. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, юридико-догматический метод и метод толкования правовых норм. *Результаты:* рассмотрение исторических и современных военных событий, социально-политической обстановки в целом показало достоинства внесенных законодателем изменений, однако имеется и необходимость их существенной доработки. *Выводы:* поскольку военная служба в военное время имеет первостепенное значение для безопасности страны, важно совершенствовать законодательство о преступлениях против военной службы, особенно в период мобилизации, и правоприменительную практику, что повысит защиту интересов государства в военное время. Следует ввести уголовную ответственность за уклонение от мобилизации и необоснованную сдачу средств ведения войны противнику. Это в том или ином виде обязательно повлияет на боеспособность армии России. Ужесточение ответственности за воинские преступления создаст превентивный эффект.

Ключевые слова: военная политика; военное уголовное право; реформа военного права; воинские преступления; ответственность военнослужащих; специальная военная операция; частичная мобилизация.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Уторова Т. Н., Шалегин С. П. Современные тенденции развития военного уголовного законодательства России // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 390–397. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.006.

Original article

Modern Trends in the Development of Military Criminal Law in Russia

TAT'YANA N. UTOROVA

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, tatianautorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9625-7270>

STEPAN P. SHALEGIN

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, stepan.shalegin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6452-6306>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the analysis of modern trends in the development of military criminal law in Russia through the prism of its September 2022 reform. *Purpose:* to study changes in the Criminal Code of Russia introduced by the legislator in September 2022 and to identify their positive and negative aspects. On the basis of generalization of Soviet and modern experience of some post-Soviet countries to determine necessary changes in the current domestic and international situation to maintain a high combat readiness of the Russian army by improving the maintenance of military law and order. *Methods:* historical, comparative-legal, empirical methods of description and interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic, legal-dogmatic method and a method of legal norm interpretation. *Results:* consideration of historical and contemporary military events and a socio-political situation in general shows merits of the changes introduced by the legislator, however, there is a need for their significant improvement. *Conclusion:* since military service during wartime is of paramount importance for national security, it is necessary to improve legislation on crimes against military service, especially during mobilization, and law enforcement practice, which would enhance protection of state interests during wartime. Evasion of mobilization and unjustified surrender of means of warfare to the enemy should be criminalized. This will in one way or another affect combat effectiveness of the Russian army. Stiffening responsibility for military crimes will have a preventive effect.

Key words: military policy; military criminal law; reform of military law; military crimes; responsibility of servicemen; special military operation; partial mobilization.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Utorova T.N., Shalegin S.P. Modern trends in the development of military criminal law in Russia. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 390–397. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.006.

Правоотношения, связанные с военной службой, особенно в военное время, крайне важны в силу ведущей роли армии в защите жизненно важных интересов общества и государства. Всестороннее изучение актуальных вопросов преступности среди военнослужащих является действенным средством решения военно-правовых проблем.

На протяжении многих лет преступления против порядка прохождения военной службы занимали незначительное место в структуре преступности в России. Однако положение изменялось с 24 февраля 2022 г., когда началась специальная военная операция, от хода которой зависит геополитическая ситуация в мире и России. Данным обстоятельством объясняются существенные изменения уголовного закона и правоприменительной практики.

Указ Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» должны были обеспечить надлежащую правовую охрану отношений, возникших в связи с ведением государством боевых действий, в частности исполнение государственного оборонного заказа, мобилизацию и связанный с ней порядок прохождения военной службы.

Учитывая важность внесенных поправок для обеспечения безопасности государства, спешку, в которой они принимались, требуется их научное осмысление с позиций доктрины уголовного права и

правоприменения, поскольку некоторые из них, к сожалению, имеют определенные изъяны.

В 2022 г. законодатель активно вносил изменения в уголовный закон, однако сентябрьский большой пакет поправок в УК РФ можно назвать реформой военного уголовного права.

Законодатель ввел уточнениеотягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «л» ст. 63 УК РФ, в виде совершения преступления не только в условиях вооруженного конфликта, но и «в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях ведения боевых действий»; обозначил квалифицированные и особо квалифицированные составы в виде совершения преступления в вышеуказанных условиях, а также криминализовал деяния в виде добровольной сдачи в плен, мародерства, нарушения условий договора и госконтракта по гособоронзаказу (ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УК РФ¹).

Главным образом изменения касались ужесточения ответственности за совершение преступлений в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Несмотря на наличие легальных определений введенных специальных обстоятельств, возможны проблемы в применении понятия «мобилизация», поскольку в законодательстве отсутствует момент ее окончания. Полагаем недостаточным одно лишь заявление высших долж-

¹ Поскольку указанные статьи имеют отношение лишь к исполнителям государственного контракта по государственному оборонному заказу, а не к военнослужащим, в данной работе они не будут рассмотрены.

ностных лиц о ее завершении – данный факт должен иметь юридическое оформление, например в виде указа Президента Российской Федерации.

Новые составы предусматривают более строгое наказание. При таких высоких сроках лишения свободы вероятность условного осуждения существенно снижается. Это объясняется повышенной общественной опасностью последствий совершения данных деяний при нынешней сложной военно-политической конъюнктуре. К примеру, массовое самовольное оставление позиций на линии фронта может привести к их занятию врагом, в результате чего необходимо возвращать их штурмовыми действиями, причем, как правило, с большими потерями, нежели у обороняющейся стороны. Потери при этом будут среди тех нужных Отечеству солдат, которые не поддались малодушию и не нарушили дисциплину. Оставленный на нейтральной линии фронта хотя бы один экземпляр новой техники может привести к ее захвату противником и в дальнейшем изучению реверс-инжинирингом, что позволит усовершенствовать тактику борьбы с ней. Все это может влиять даже на стратегическую обстановку на фронте, а значит, и на ход вооруженного конфликта и обороноспособность государства в целом.

Примерно такими причинами объяснял Я. Н. Ермолович выделение отягчающего признака совершения преступлений в военное время или в боевой обстановке в уголовном законодательстве [1].

Следующее изменение связано с корректировкой понятия «преступление против военной службы», закрепленного в ст. 331 УК РФ. Как известно, российское уголовное законодательство не содержало уголовно-правовой квалификации преступлений против военной службы, совершаемых в военное время или в боевой обстановке. Поправки внесены с целью устранения правовых пробелов в настоящем и будущем. Признав утратившим силу п. 3 ст. 331 УК РФ, законодатель восстановил принцип законности, подтвердив статус кодекса как единственного кодифицированного законодательного акта, устанавливающего преступность и наказуемость деяния. Принятие специального законодательства об уголовной ответственности за преступления против военной службы сейчас не требуется [2, с. 889]. Пункт 3 названной статьи в прошлой редакции отсылал к законодательству военного времени. Однако такого законодательства ни в 1996 г., на момент контртеррористической операции в Чечне, ни в сентябре 2022 г., на момент специальной военной операции, так и не было принято, но преступления, совершаемые с точки зрения закона в мирное время, но в условиях боевой обстановки, всегда имелись. Один из авторов законопроекта, депутат Эрнест Валеев, объяснил проблему так: «Когда принимали УК, то не были учтены моменты, что страна может проводить специальную военную операцию... теперь возникла необходимость учесть это в уголовном законодательстве» [3].

Так, по данным Х. А. Мусаева, в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе в 1999–2005 гг. военнослужащими было совершено свыше трех тысяч преступлений [4]. Ученый приводит пример из судебной практики, где

рядовой самовольно оставил самоходно-артиллерийский дивизион, находящийся на боевой позиции в районе аэропорта г. Грозного, и пытался выехать домой, но был задержан. В то же время суд квалифицировал описанное деяние как халатность по ст. 293 УК РФ, а не как преступление против военной службы, несмотря на то что он же ссылаясь на нарушение статей боевого устава, который, что уже очевидно даже из названия, действует в боевой обстановке. Автор, основываясь на статистике Главной военной прокуратуры Российской Федерации, согласно которой в органах военной прокуратуры было возбуждено 2290 дел по преступлениям, совершенным в боевой обстановке, делает вывод о коллизии норм права и правоприменения, когда деяния, признанные преступными только в мирное время, но фактически декриминализованные в военное время и в боевой обстановке, признаются преступлениями при наличии боевых действий [4].

Так, Х. А. Мусаев критикует актуальную (на момент до внесения новых поправок в УК РФ) правоприменительную практику, указывая на коллизии между общими нормами права и реальной ситуацией в боевой обстановке, где многие деяния по сути декриминализуются, хотя формально признаются преступлениями. Суть проблемы – несоответствие между правовой квалификацией таких деяний и спецификой их совершения в условиях боевых действий.

Теперь же термин «боевая обстановка», упоминавшийся лишь в ч. 3 ст. 331 УК РФ, для применения которого требовался специальный закон, отсутствует, а на замену ему пришли понятия «условия вооруженного конфликта» и «ведение боевых действий» в квалифицированных и особо квалифицированных составах преступлений против военной службы. Отсутствие законодательного определения указанных терминов восполнила высшая судебная инстанция, предусмотрев их толкование в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» и устранив правовую неопределенность.

Восстановив принцип единого уголовного законодательства, состоящего только из УК РФ, Федеральным законом от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» законодатель ввел новые нормы уголовного права без внесения поправок в УК РФ, что, по нашему мнению, противоречит ст. 1 кодекса. Кроме того, следует обратить внимание на нарушение законодательной техники при изложении ст. 1 закона, указывающей на регулирование отношений, связанных только с освобождением от уголовной ответственности, в то время как в ст. 5 речь идет об освобождении от наказания. Не считая необходимым законодатель и предусмотреть практику применения уголовно-правового института отсрочки исполнения наказания военнослужащим в военное время, доказавшую свою ценность и эффективность еще в годы Великой Отечественной войны.

Отдельно необходимо остановиться на изменении ст. 332 УК РФ. Отныне факт неисполнения приказа в период военного положения, в военное время либо

в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий является деянием, влекущим уголовную ответственность независимо от наступления последствий, а при их наступлении наказание уже составляет до 10 лет лишения свободы, что в два раза больше по сравнению с максимальной санкцией данной статьи до внесения поправок.

Выделение деяния в форме отказа от участия в военных или боевых действиях оправдано в связи с возникшими в большом количестве отказами военнослужащих от отправки в зону проведения специальной военной операции.

Следует отметить, что законодатель путем введения примечания 2 к ст. 337 УК РФ установил проходящим военные сборы гражданам, пребывающим в запасе, ответственность за самовольное оставление части или места службы наравне с военнослужащими-контрактниками.

УК РФ пополнился и новыми составами в виде добровольной сдачи в плен (ст. 352.1) и мародерства (ст. 356.1) в разделе преступлений против мира и безопасности человечества. Необходимость введения ст. 352.1 связана с текущим состоянием специальной военной операции. Длительное время ведения боевых действий, а также серьезные потери за последние 30 лет истории вооруженных конфликтов побуждают противника к агитации о сдаче солдат армии России в плен. Это производится различными способами: от испытанного временем распространения агитационных листовок до запуска целых проектов по обеспечению сопровождения предателя, начиная с изъявления желания сдаться и заканчивая переходом в окопы украинских воинских формирований. Случаи добровольной сдачи в плен могут деморализовать остальных военнослужащих и использоваться пропагандой неприятеля и их союзников для дискредитации боевых способностей Вооруженных Сил Российской Федерации. Более того, в дальнейшем пленник добровольно или после шантажа может перейти в коллаборационистские формирования, которые уже созданы, и стать боевой единицей неприятеля, что происходило и в годы Второй мировой войны.

Ввиду отсутствия до внесения поправок состава преступления «добровольная сдача в плен» существовали трудности в исследовании уголовно-правовой характеристики данного деяния [5]. В результате этого возникли и проблемы квалификации указанного состава, который можно было считать как дезертирством (ст. 338 УК РФ) [6], так и государственной изменой (ст. 275 УК РФ), отсылку к которой и имеет нынешняя ст. 352.1 УК РФ.

Дискуссионным остается и вопрос применения к военнослужащим положений УК РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, таких как крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, так как не ясно, исключает ли участие в боевых действиях превалирование такого блага, как жизнь, над остальными. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», к сожалению, не раскрывает данные обстоятельства.

В целом изменения и дополнения направлены на ликвидацию некоторых правовых пробелов, которые в нынешнее время стали как никогда актуальными, а также ужесточение ответственности с целью усиления общей превенции деяний, имеющих повышенную общественную опасность в условиях ведения боевых действий.

На первый взгляд, объемные изменения уголовного закона не охватили своей охраной такое важное и предусмотренное Конституцией России правоотношение, как исполнение гражданской обязанности по защите Отечества. До настоящего времени обязанность прибыть по повестке есть, а ответственности лиц, подлежащих мобилизации, за уклонение от нее нет. На данный момент составы, предусмотренные гл. 33 УК РФ, к уклонистам от мобилизации не могут быть применены. Исходя из ст. 331 УК РФ субъектами воинских преступлений могут быть только военнослужащие, проходящие военную службу по призыву либо по контракту, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Сейчас ответственность за неявку по повестке в период мобилизации предусмотрена лишь ст. 21.5 «Неисполнение гражданами обязанностей по воинскому учету» и ст. 21.6 «Уклонение от медицинского обследования» КоАП РФ. Диспозиция ст. 328 УК РФ предусматривает ответственность за уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы. Однако п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2008 № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» предписано, что субъектами этого преступления являются граждане мужского пола, достигшие установленного законом возраста, с которого они подлежат призыву на военную службу, состоящие или обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе, подлежащие в установленном законом порядке призыву на военную службу. Верховный Суд Российской Федерации указывает, что после достижения предельного возраста призыва на военную службу уголовному преследованию за уклонение от призыва на военную службу могут подлежать только лица, совершившие это преступление до достижения ими указанного возраста, при условии, что не истекли сроки давности привлечения их к уголовной ответственности.

Таким образом, ст. 328 УК РФ предусматривает ответственность за уклонение от срочной или альтернативной гражданской службы. В данный момент нет не только судебной, но и следственной практики за неоднократную неявку по повестке в военкомат без уважительных причин находящимся в запасе лицом в период мобилизации. Так, например, первое уголовное дело, возбужденное Зареченским межрайонным следственным отделом СУ СК России по Пензенской области 28 сентября 2022 г. за уклонение от призыва в период мобилизации, было прекращено в связи с признанием прокуратурой Пензенской области незаконным постановления о возбуждении [7]. Отсутствие ответственности подтвердил и глава ко-

митета Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству Андрей Клишас: «Вопрос о необходимости внесения каких-либо изменений в законодательство в этой части подлежит детальному обсуждению с Государственной Думой» [8]. Сейчас гражданин может понести ответственность лишь в рамках ст. 337 УК РФ, если он прошел медицинскую комиссию, на него был издан приказ о зачислении в ряды Вооруженных Сил Российской Федерации, но он решил сбежать, тем самым действительно совершив самовольное оставление части или места службы. Однако здесь солдат уже прошел этап призыва и потому не является уклонистом от мобилизационных мероприятий. В данный момент власти, официально успешно завершив частичную мобилизацию, вряд ли будут вносить изменения в УК РФ и вышеуказанное постановление Пленума Верховного Суда. Единственное, что сейчас восполняет данный пробел, – это прецедент Пензенской областной прокуратуры, поэтому необходимо внести определенность на уровне закона.

Создание и поддержание эффективной системы обороны являются залогом суверенитета и безопасности любого государства. Мобилизация на военную службу играет важную роль в обеспечении боеспособности вооруженных сил страны. Наличие уголовной ответственности за уклонение от призыва по мобилизации служит сдерживающим фактором для потенциальных уклонистов и содействует обеспечению обороноспособности страны.

Таким образом, для устранения правового пробела необходимо ввести уголовную ответственность за уклонение от призыва по мобилизации отдельной статьей УК РФ, ранжировав ответственность при совершении уклонения в военное время.

Предусмотренное в ст. 328 УК РФ наказание за совершение преступления в данных условиях не отвечает принципу соразмерности. Вносить изменения в Постановление Пленума Верховного Суда от 03.04.2008 № 3 в настоящее время нецелесообразно ввиду мягкого наказания, предусмотренного действующим законодательством, которое не отвечает принципу справедливости и не способно реализовывать предупредительную задачу. Предполагаем, что для некоторых лиц более привлекательным является понести наказание, нежели принять участие в военных действиях [9].

Заслуживает внимания в этой части опыт стран постсоветского пространства, к примеру Белоруссии. Так, ст. 435 УК Беларуси – аналог ст. 328 УК РФ – предусматривает ответственность за «уклонение от мероприятий по призыву на воинскую службу» в виде наказания общественными работами, или штрафом, или арестом, или ограничением свободы на срок до 2 лет, или лишением свободы на тот же срок. При этом «уклонение от мероприятий по призыву на военную службу по мобилизации» в УК Беларуси выделено в отдельную статью (ст. 434) и наказывается уже лишением свободы на срок от 2 до 7 лет.

Статья 336 УК Украины за «уклонение от призыва на военную службу по мобилизации в особый период, на военную службу по призыву лиц из числа ре-

зервистов в особый период» предусматривает лишение свободы на срок от 3 до 5 лет. Считаем, что отнесение таких деяний к категории преступлений средней тяжести, как это закреплено в УК Украины, не соответствует реальному характеру общественной опасности данного деяния. Поэтому предлагаем взять в качестве ориентира советское уголовное законодательство. Статья 81 УК РСФСР 1960 г. за уклонение от призыва по мобилизации предусматривала лишение свободы на срок от 3 до 10 лет, но то же деяние, а также уклонение от дальнейших призывов для укомплектования Вооруженных Сил СССР, совершенные в военное время, наказывались уже лишением свободы на срок от 5 до 10 лет или смертной казнью.

Полагаем, что введение данного состава с аналогичным наказанием в виде лишения свободы сможет обеспечить серьезное отношение к необходимости исполнения мобилизационных мероприятий или создаст эффективную общую превенцию. Введение уголовной ответственности за уклонение от мобилизации будет способствовать равному и справедливому распределению бремени несения воинской обязанности для защиты интересов государства и его народа между гражданами. Это предотвратит безнаказанный уход от данной обязанности.

Также следует дифференцировать максимальные сроки наказания для уклонистов. Введение различных сроков наказания отражает тяжесть совершенного преступления и учитывает конкретные обстоятельства, при которых произошло уклонение. В период участия в вооруженном конфликте политическая ситуация в государстве становится более напряженной, а потребность в военнослужащих для защиты национальных интересов еще более острой. Так, ужесточение наказания за уклонение от службы в особые военные периоды является разумной мерой, призванной обеспечить выполнение гражданами своего долга перед Отечеством в период обострения угрозы национальной безопасности.

Поэтому предлагаем дополнить УК РФ ст. 328.1 «Уклонение от мероприятий по призыву на военную службу по мобилизации» следующим содержанием:

«1. Уклонение от призыва по мобилизации на военную службу в ряды Вооруженных Сил Российской Федерации –

наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

2. То же деяние, а также уклонение от дальнейших призывов для укомплектования Вооруженных Сил Российской Федерации, совершенные в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

Конечно же, длительный срок лишения свободы и отнесение данного преступления к категории тяжких существенно сократят число уклонистов, но все же будут те, кто готов отбыть наказание в виде лишения свободы. В данной ситуации следует обратить внимание на ст. 46 УК РСФСР «Отсрочка исполнения

приговора военнослужащему или военнообязанному в военное время» и закрепить аналогичный институт в УК РФ в виде ст. 82.2 с современными формулировками, отвечающими реалиям участия в военных противостояниях, а именно:

«1. В период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий суд может отсрочить реальное отбывание наказания, вынесенного в отношении военнослужащего или военнообязанного, подлежащего призыву или мобилизации, до окончания военных действий с направлением осужденного в действующую армию, а именно с дальнейшей отправкой в зону боевых действий. Суд может в этих случаях отсрочить исполнение и дополнительных наказаний.

2. Если осужденный, направленный в действующую армию, был поощрен командиром в соответствии с Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации или награжден государственной наградой, то по представлению соответствующего военного командования суд может освободить его от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо заменить оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания.

3. Если в период отсрочки отбывания наказания осужденный, указанный в части первой настоящей статьи, совершает новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 настоящего Кодекса».

Еще одной проблемой является халатное отношения на поле боя к продукции военно-промышленного комплекса. Так, по данным телеграм-канала «Военный Осведомитель» 24 февраля во время обеспечения высадки десанта на аэродром Гостомель вертолет Ка-52 был подбит из ПЗРК. Экипаж совершил вынужденную посадку в поле неподалеку от аэродрома и был успешно эвакуирован. Однако в дальнейшем борт пробыл на земле почти 40 дней до отступления ВС РФ из-под Киева, где впоследствии и был найден солдатами ВСУ. Каких-либо попыток эвакуации борта или хотя бы его уничтожения не предпринималось, в то время как украинцы вывозят даже обломки подбитой современной техники. Вертолет был оставлен со всей технической составляющей. После обнаружения противник увез его и, вероятнее всего, совместно со специалистами из стран НАТО приступил к его тщательному изучению [10].

Данная потеря как минимум может помочь врагу и его союзникам в борьбе с вертолетными подразделениями российской армии, а как максимум в дальнейшем содействовать развитию военного вертолетостроения и военно-промышленного комплекса противника в целом. В подтверждение возможности наступления данных последствий можно привести публикацию «Свободной прессы». Так, сбитый и поднятый со дна моря в марте 2023 г. американский БПЛА MQ-9 Reaper дал профильным подразделениям российского оборонного ведомства весомую информацию о характеристиках ряда критически важных

радиоэлектронных узлов данного разведывательно-ударного беспилотника [11].

Для предотвращения подобных последствий предлагаем ввести в УК РФ ст. 340.1, предполагающую такой состав, как «сдача или оставление противнику средств ведения войны», по аналогии с ним, как это сделали Казахстан и Украина, взяв формулировку из ст. 261 УК РСФСР.

Общественная опасность преступления «сдача или оставление врагу средств ведения войны» является очевидной, поскольку посягает на возможность начальника в любых условиях выполнять свои обязанности и решительно руководить действиями подчиненных в интересах военного правопорядка [12].

В советском законодательстве сдача противнику начальником вверенных ему военных сил, а равно не вызванное боевой обстановкой оставление противнику укреплений, боевой техники и других средств ведения войны, если указанные действия совершены не в целях содействия врагу, наказывались лишением свободы на срок от трех до десяти лет или смертной казнью.

В УК Украины данное деяние закреплено в ст. 427, которая аналогична вышеуказанной статье, за исключением наличия высшей меры наказания. В УК Казахстана та же диспозиция статьи, однако санкция предусматривает уже лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет либо пожизненное лишение свободы с лишением гражданства Республики Казахстан или без такового.

Предлагаем дополнить УК РФ ст. 340.1 следующего содержания: «Сдача противнику начальником вверенных ему военных сил, а равно не вызывавшееся боевой обстановкой оставление противнику укреплений, боевой техники и других средств ведения войны при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 275 настоящего Кодекса».

Санкция при этом должна быть не мягче аналогичной нормы советского уголовного закона, за исключением смертной казни.

Подводя итог, следует отметить, что военная служба во время военных конфликтов имеет первостепенное значение для защиты жизненно важных интересов общества и государства, а потому и правовые отношения, связанные с ней, обладают особой важностью. Тема преступлений против военной службы как в целом, так и совершенных в период или в связи с мобилизацией остается актуальной в свете участия России в вооруженных конфликтах на пространстве бывшего Советского Союза и в других горячих точках мира. Все это требует постоянного комплексного исследования, в том числе с учетом современных вызовов и угроз в военной сфере.

Можно прогнозировать дальнейшее разрастание уголовного законодательства, которое не всегда успевает за меняющимися общественными отношениями, оставаясь несовершенным.

В частности, необходимо решить вопрос введения уголовной ответственности за уклонение от мобилизации, особенно когда страна нуждается в пополнении рядов вооруженных сил. Вероятно, в сложившейся сентябрьской социально-политической

конъюнктуре 2022 г. законодатель не хотел вводить сразу же уголовную ответственность за уклонение от мобилизации, чтобы не спровоцировать обострение внутривойсковой ситуации, связанной с неодобрением частью населения мобилизационных мероприятий, введенных впервые после Великой Отечественной войны. Однако в современной геополитической ситуации введение ответственности за уклонение от мобилизации необходимо для подготовки к возможным военным конфликтам большего масштаба, при которых качество проведения мобилизационных мероприятий на первых этапах войны способно сыграть решающую роль.

Для формирования ответственного отношения к продукту военно-промышленного комплекса и национальной безопасности непосредственно на поле боя требуется введение состава, предусматривающего наказание за необоснованную сдачу или оставление противнику средств ведения войны. Грамотное

обращение со средствами ведения боя не позволит противнику получить доступ к технологиям российского оружия.

Ужесточение ответственности за воинские преступления является обоснованным в плане создания превентивного эффекта для населения страны, который, несомненно, сработает в отношении той или иной части неустойчивых лиц, повысит бдительность органов власти.

Важно отметить, что совершение преступлений против военной службы в период мобилизации подрывает боевую готовность армии и создает угрозу национальной безопасности государства. Поэтому уголовно-правовая охрана военной службы в период мобилизации нуждается в дальнейшем совершенствовании на уровне как законодательства, так и правоприменительной практики с целью повышения уровня правовой защиты государственных интересов в военное время.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ермолович Я. Н. О признании совершения преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий обстоятельством, отягчающим наказание // *Право в Вооруженных Силах*. 2017. № 5. С. 81–86.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. 11-е изд., перераб. и доп. М., 2023. 896 с.
3. В России вводят наказания за преступления во время военной операции и мобилизации / А. Никольский, М. Сидорова, Е. Мухаметишина, В. Сергеев. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/09/21/941797-prestupleniya-vo-vremya-voennoi-operatsii> (дата обращения: 08.07.2023).
4. Мусаев Х. А. Понятие и значение боевой обстановки в уголовном праве // *Общество и право*. 2014. № 1 (47). С. 107–110.
5. Агешин А. А. О некоторых уголовно-правовых и криминалистических аспектах добровольной сдачи в плен военнослужащих // *Вестник адъюнкта*. 2019. № 1 (3). С. 5.
6. Агешин А. А. К вопросу о добровольной сдаче в плен военнослужащих // *Вестник военного права*. 2019. № 1. С. 46–50.
7. Адвокат добился отмены постановления по делу об уклонении от мобилизации. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilysya-otmeny-postanovleniya-po-delu-ob-uklonenii-ot-mobilizatsii/> (дата обращения: 08.07.2023).
8. Клишас: вопрос об уголовном наказании за отказ от мобилизации подлежит обсуждению с Думой. URL: <https://tass.ru/politika/15984327> (дата обращения: 08.07.2023).
9. Шалегин С. П. Пределы действия ст. 328 Уголовного кодекса Российской Федерации в условиях мобилизационных мероприятий // *Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2022 : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов (Минск, 10–11 ноября 2022 г.)*; [редкол.: А. В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. Минск, 2023. 663 с.
10. Единственный трофейный Ка-52, попавший в руки ВСУ. URL: <https://t.me/milinfolive/94761> (дата обращения: 08.07.2023).
11. Американский «Жнец» сдал российским спецам урожай военных секретов. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/367984/> (дата обращения: 08.07.2023).
12. Владимирова В. Витоки кримінальної відповідальності за здачу або залишення ворогові засобів ведення війни // *Підприємництво, господарство і право*. 2020. № 5. С. 242–245.

REFERENCES

1. Ermolovich Ya.N. On the recognition of the commission of a crime in conditions of armed conflict or military operations as a circumstance aggravating punishment. *Pravo v voozruzhennykh silakh = Law in the Armed Forces*, 2017, no 5, pp. 81–86. (In Russ.).
2. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)]. Ed. by Esakov G.A. Moscow, 2023. 896 p.
3. Nikol'skii A., Sidorova M., Mukhametishina E. et al. *V Rossii vvodyat nakazaniya za prestupleniya vo vremya voennoi operatsii i mobilizatsii* [Russia introduces penalties for crimes during military operations and mobilization]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/09/21/941797-prestupleniya-vo-vremya-voennoi-operatsii> (accessed July 8, 2023).
4. Musaev Kh.A. Definition and meaning of fighting situation in criminal law. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2014, no 1(47), pp. 107–110. (In Russ.).
5. Ageshin A.A. Some criminal legal and criminalistic aspects of voluntary surrender of servicemen. *Vestnik ad'yunkta = Bulletin of the Adjunct*, 2019, no 1 (3), pp. 5.

6. Ageshin A.A. On the issue of voluntary surrender of servicemen. *Vestnik voennogo prava = Bulletin of War Law*, 2019, no 1, pp. 46–50. (In Russ.).
7. *Advokat dobilsya otmeny postanovleniya po delu ob ukloenii ot mobilizatsii* [The lawyer has achieved the cancellation of the decision in the case of evasion from mobilization]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilsya-otmeny-postanovleniya-po-delu-ob-ukloenii-ot-mobilizatsii/> (accessed July 8, 2023).
8. *Klishas: vopros ob ugovnom nakazanii za otkaz ot mobilizatsii podlezhit obsuzhdeniyu s Dumoi* [Klishas: the question of criminal punishment for refusal to mobilize its subject to discussion with the Duma]. Available at: <https://tass.ru/politika/15984327> (accessed July 8, 2023).
9. Shalegin S.P. Limits of Article 328 of the Criminal Code of the Russian Federation in the conditions of mobilization measures. In: Shidlovskii A.V. (Ed.). *Molodezhnaya yuridicheskaya nauka Alma Mater – 2022: materialy mezhdunar. nauch. konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov, Minsk, 10–11 noyabrya 2022 g.* [Youth legal science Alma Mater – 2022: proceedings of the international science conference of students, undergraduates and postgraduates, Minsk, November 10–11, 2022]. Minsk, 2023. 663 p.
10. *Edinstvennyi trofeinyi Ka-52, popavshii v ruki VSU* [The only captured Ka-52 that fell into the hands of the AFU]. Available at: <https://t.me/milinfofive/94761> (accessed July 8, 2023).
11. *Amerikanskii "Zhnets" sdal rossiiskim spetsam urozhai voennykh sekretov* [The American "Reaper" handed over to Russian specialists a harvest of military secrets]. Available at: <https://svpressa.ru/war21/article/367984/> (accessed July 8, 2023).
12. Vladimirova V. Vitoki kriminal'noi vidpovidal'nosti za zdachu abo zalishennya vorogovi zasobiv vedennya viini. *Pidpriemnitstvo, gospodarstvo i pravo*, 2020, no. 5, pp. 242–245.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА УТОРОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, tatianautorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9625-7270>

СТЕПАН ПАВЛОВИЧ ШАЛЕГИН – студент 3 курса Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, stepan.shalegin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6452-6306>

TAT'YANA N. UTOROVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, tatianautorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9625-7270>

STEPAN P. SHALEGIN – 3rd year student of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, stepan.shalegin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6452-6306>

Статья поступила 10.07.2023

Уголовная регистрация на службе пенитенциарной системе

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЕЦ

Российская таможенная академия, Люберцы, Россия, koshka997@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются проблемы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, затрагиваемые в диссертациях, защищаемых в диссертационных советах при образовательных и научных организациях ФСИН России. Особое внимание уделяется использованию персональных биометрических данных лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Анализируется довольно продолжительная историческая ретроспектива применения уголовной регистрации в пенитенциарной практике. Эта работа оценивается с точки зрения получения результатов оперативно-розыскной деятельности и позиционируется как информационная основа оперативно-розыскной идентификации. Оценивается правовая база современной уголовной регистрации в уголовно-исполнительной системе. Рассматриваются современные аппаратно-программные комплексы, предназначенные для идентификации личности, а также вопросы взаимодействия ФСИН России с другими ведомствами, в первую очередь органами внутренних дел, в решении данных вопросов. *Цель:* на основе ретроспективного анализа сущности и содержания уголовной регистрации в уголовно-исполнительной системе сформулировать вывод о перспективах ее развития в современный период и на обозримую перспективу. *Методы:* всеобщий метод познания – диалектический материализм, основывающийся на законах диалектики; формально-логические методы – анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, аналогия; общенаучные методы – наблюдение, сравнение, описание и др.; частнонаучный метод исторической аналогии. *Результаты:* анализ развития уголовной регистрации в пенитенциарной системе показывает, что дальнейшее совершенствование этого направления информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности связывается с применением современной аппаратно-программной базы и налаживанием тесного межведомственного взаимодействия. *Выводы:* современной российской уголовно-исполнительной системе необходимо обеспечить дальнейшее развитие уголовной регистрации с учетом опыта, накопленного в этой области другими правоохранительными органами и спецслужбами, в том числе зарубежными. Необходимо также инициировать принятие нормативно-правовых актов, регулирующих межведомственное взаимодействие в рассматриваемой области.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; уголовная регистрация; пенитенциарное законодательство; персональные биометрические данные; оперативно-розыскная идентификация; межведомственное взаимодействие.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Яковец Е. Н. Уголовная регистрация на службе пенитенциарной системе // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 398–408. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.007.

Criminal Registration in the Service of the Penitentiary System

EVGENII N. YAKOVETS

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Abstract

Introduction: the article deals with problems of information and analytical support of law enforcement intelligence operations conducted by bodies and institutions of the penal system, considered in dissertations defended in dissertation councils at educational and scientific organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Specific attention is paid to the use of personal biometric data of persons held in places of deprivation of liberty. The author analyzes a fairly long historical retrospective of the use of criminal registration in penitentiary practice. This work is evaluated from the point of view of obtaining results of law enforcement intelligence operations and is positioned as an informational basis for operational investigative identification. The legal basis of modern criminal registration in the penal system is evaluated. The author also considers modern hardware and software complexes designed for personal identification, as well as issues of interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and other departments, primarily internal affairs bodies, in addressing these issues. *Purpose:* based on a retrospective analysis of the essence and content of criminal registration in the penal system, to make a conclusion about prospects for its development in the modern period and foreseeable future. *Methods:* universal method of cognition – dialectical materialism based on the laws of dialectics; formal logical methods – analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, analogy; general scientific methods – observation, comparison, description, etc.; and private scientific method of historical analogy. *Results:* the analysis of the criminal registration development in the penitentiary system shows that further improvement of this area of information support for operational investigative activities is associated with the use of modern hardware and software and the establishment of close interdepartmental interaction. *Conclusions:* the modern Russian penal system needs to ensure further development of criminal registration, taking into account the experience gained in this area by other law enforcement agencies and special services, including foreign ones. It is also necessary to initiate the adoption of normative legal acts regulating interdepartmental interaction in the field under consideration.

Keywords: penal system; criminal registration; penitentiary legislation; personal biometric data; operational search identification; interdepartmental interaction.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Yakovets E.N. Criminal registration in the service of the penitentiary system. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 398–408. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.007.

Введение

Автору данной статьи неоднократно доводилось выступать в качестве официального оппонента по кандидатским и докторским диссертациям, где в том или ином аспекте затрагивались проблемы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности (ОРД) органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Эти научные исследования носили, как правило, закрытый характер, в связи с чем названия последних, а также данные их авторов в данной статье не приводятся. Тем не менее некоторые вопросы в рамках открытой публикации рассмотреть возможно.

Речь пойдет о проблемах уголовной регистрации арестованных и осужденных в условиях их содержания в учреждениях ФСИН России. К сожалению, практически все соискатели в ходе своих научных исследований в той или иной мере дистанцируются от рассмотрения вопросов, связанных с получением персональных биометрических данных указанных

категорий лиц. Слабо разработаны и вопросы организации информационного взаимодействия в этом аспекте с другими правоохранительными органами и спецслужбами, заинтересованными в создании единого идентификационного учета представителей криминалитета.

Краткая историческая ретроспектива применения уголовной регистрации

При рассмотрении ранних стадий развития информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности уголовно-исполнительной системы соискатели по непонятным причинам упускали из вида то обстоятельство, что основные виды и методы уголовной регистрации зародились именно в местах лишения свободы и применялись исключительно для постановки на криминалистический учет осужденных. Лишь позднее, после их апробации в тюремной системе, они стали заимствоваться полицией и другими правоохранительными органами для установления и розыска подозреваемых.

Как известно, родоначальником уголовной регистрации в пенитенциарной системе явился англичанин Дж. Уилкинсон, который в 1774 г. издал двухтомный «Справочник Ньюгейтской тюрьмы» с подробным описанием наиболее тяжких преступлений, совершенных ее обитателями в XVII–XVIII вв. Подобные справочники впоследствии стали издаваться и другими тюрьмами Англии [1, с. 241]. Аналогичный реестр лиц, подвергшихся уголовному наказанию, был введен во второй половине XVIII в. и парижской префектурой. В 1790 г. этот реестр был реорганизован в особое бюро справок. По действовавшему тогда закону в каждом французском исправительном суде заводился свой уголовный реестр, составлявшийся в алфавитном порядке. Подобные справочники или картотеки со сведениями об осужденных и подследственных, в частности картотеки предварительной регистрации и розыска, получили распространение и в других странах [2, с. 9].

Указанные организационные меры способствовали в дальнейшем разработке метода уголовной регистрации по способам совершения преступлений (*modus operandi*), который был широко востребован пенитенциарной и полицейской практикой, поскольку демонстрировал высокую эффективность в процессе установления преступников-профессионалов, особенно «гастролеров».

В 1860 г. начальник тюрьмы в г. Лувене (Бельгия) Стивенс для опознания заключенных ввел в их регистрационные карты результаты измерений определенных частей тела. Он приказал своим подчиненным фиксировать размеры головы, ушей, ног, груди, а также длину тела осужденных [3]. По сути, эта мера явилась прологом к созданию научного антропометрического метода уголовной регистрации, разработанного в 1882 г. французским криминалистом А. Бертильоном, который в 1885 г. в дополнение к антропометрии разработал также метод словесного портрета (*Portrait Parle*), а в развитие последнего создал особую, так называемую опознавательную или сигналетическую фотографию, для классификации которой использовал схему составления словесного портрета [4, с. 22–23]. В 1888 г. система Бертильона получила одобрение правительства и стала распространяться в пенитенциарных учреждениях и уголовной полиции Франции, а также других стран [2, с. 22].

Примерно в этот же период английский чиновник У. Гершель, работавший в Индии, впервые предложил использовать для идентификации заключенных в одной из индийских тюрем отпечатки пальцев рук, которые начали на регулярной основе получать в ходе регистрации последних [5, с. 32–36]. Почти одновременно с Гершелем к выводу о возможности использования отпечатков пальцев рук для установления личности заключенных пришел и английский физиолог Г. Фольдс, работавший в Японии. Несколько позже этой проблемой на фундаментальном уровне занялся и английский ученый-естествоиспытатель Ф. Гальтон. В 1895 г. система Гальтона приобрела в Англии официальное признание, получив название «дактилоскопия», и в сочетании с антропометрией

стала широко использоваться для регистрации преступников [6, с. 243–258].

В процессе уголовной регистрации накапливалась система знаний, отображавшая морфологические признаки лиц, совершавших противоправные деяния. Полученные сведения использовались для отождествления последних в случае совершения ими новых преступлений. К началу XX в. все указанные выше научные методы уголовной регистрации преступников начали применяться и в Российской империи. В использовании ее результатов были крайне заинтересованы в первую очередь полицейские и служащие тюремного ведомства. В 1907–1910 гг. в недрах Департамента полиции МВД Российской империи стали появляться специализированные структуры – регистрационные бюро, призванные наряду с систематическим сбором данных о конкретных преступниках и совершавшихся преступлениях проводить регулярный анализ иных поступавших к ним сведений криминального характера.

Активизация деятельности регистрационных бюро сыскной полиции в этот период была связана со вступлением в силу Закона Российской империи от 06.06.1908 «Об организации сыскной части», который предписывал «в составе полицейских управлений Империи образовать сыскные отделения четырех разрядов для производства розыска по делам общего уголовного характера, как в городах, так и в уездах». Сыскные отделения были созданы в 89 крупных губернских и уездных центрах России. Их внутренняя структура определялась «Инструкцией чинам сыскных отделений российской полиции», изданной 9 августа 1910 г. В § 29 данной инструкции отмечалось, что «главную часть внутренней организации сыскного отделения составляет справочное регистрационное бюро». В § 30 определялся подробный регламент их работы.

Однако еще раньше уголовная регистрация преступников, связанная главным образом с применением дактилоскопии, была официально введена в российской пенитенциарной службе. С целью ознакомления с системой дактилоскопической регистрации в 1906 г. в Германию были командированы чиновники тюремного ведомства, представившие по возвращении в Россию доклад, в котором были наглядно показаны преимущества данного метода. В итоге 16 декабря 1906 г. по распоряжению министра юстиции И. Г. Щегловитова при Главном тюремном управлении было создано Центральное дактилоскопическое бюро (ЦДБ) под руководством Н. Ф. Лучинского, а также утверждены «Правила о производстве и регистрации дактилоскопических снимков», в соответствии с которыми обязательному дактилоскопированию подлежали лица, обвинявшиеся в тяжких преступлениях и бродяжничестве [7].

Для Центрального дактилоскопического бюро в здании Главного тюремного управления было выделено специальное помещение, в котором располагались 4 шкафа с 24 ящиками в каждом для хранения дактилокарт и один шкаф с 24 ящиками для алфавитной картотеки, содержавшей анкетные и антропометрические данные заключенных, а также их фотогра-

фии, изготовленные по правилам сигналетической фотосъемки. Были заготовлены 1024 папки, лупы, буквенные и цифровые знаки, а также другие канцелярские материалы. В мастерских Петербургской одиночной тюрьмы было изготовлено около тысячи комплектов дактилоскопических принадлежностей (металлическая пластинка на дереве, каучуковый валик, коробка с типографской краской), а также отпечатано до 10 тыс. экземпляров бланков дактилоскопических листков и необходимое количество инструкций.

Данные комплекты вместе с указанными выше правилами были разосланы губернаторам и градоначальникам в соответствии с количеством мест заключения в качестве приложения к циркуляру Министерства юстиции от 30.12.1906 № 32 «О введении дактилоскопии в тюремном ведомстве для регистрации преступников». В нем сообщалось об успешном применении дактилоскопии и ее преимуществах по сравнению с другими видами уголовной регистрации (антропометрией и словесным портретом) в борьбе с рецидивной преступностью и бродяжничеством. В циркуляре также говорилось о необходимости создания в Центральном дактилоскопическом бюро единого централизованного дактилоскопического учета всех осужденных [8]. Бюро фактически осуществляло комплексную уголовную регистрацию осужденных и тесным образом взаимодействовало с Центральным регистрационным бюро Департамента полиции Министерства внутренних дел, созданным 9 апреля 1907 г.

Таким образом, именно тюремная система явилась колыбелью, если так можно выразиться, уголовной регистрации в мировой криминалистической практике, и именно она предопределила дальнейшее использование соответствующих результатов Департаментом полиции МВД, Отдельным корпусом пограничной стражи, Департаментом таможенных сборов Министерства финансов и другими силовыми структурами Российской империи. И это не случайно, поскольку в местах лишения свободы объективно существуют все необходимые организационно-правовые предпосылки для уголовной регистрации в интересах как уголовно-исполнительной системы, так и других силовых ведомств.

Кстати, так называемые донаучные методы уголовной регистрации – калечение (отсечение у осужденных определенных частей тела) и клеймение – одновременно выполняли две основные функции: дополнительное наказание за содеянное и выделение среди общей людской массы криминально опасных лиц [9, с. 20–21], что косвенно свидетельствовало об общих интересах карательных и пенитенциарных органов.

Известный советский ученый-криминалист И. Н. Якимов в качестве базиса для систематизации учетно-регистрационной информации в период бурного развития уголовной регистрации выделял основные элементы состава преступления – субъект, объект и преступное деяние. Он же подразделял учетно-регистрационную информацию на три основные группы.

В первую группу (сведения, характеризующие личность преступника) ученый включал материалы дактилоскопии, антропометрии, словесного описания портрета и сигналетической фотосъемки, а также так называемых малопрактикуемых методов регистрации (особые приметы; отпечатки ладоней; данные на лиц, ранее судимых, привлекаемых к расследованию, разыскиваемых, отбывающих наказание и подвергаемых приводу; клички и прозвища).

Ко второй группе учетно-регистрационной информации (сведения, характеризующие признаки объекта преступления) были отнесены материалы, касающиеся так называемых парных систем – предметов, добытых преступным путем, и потерпевших, неопознанных трупов и лиц, пропавших без вести, и др.

Третью группу учетно-регистрационных данных (сведения, характеризующие признаки преступного деяния) составляли материалы, относившиеся к классификации преступлений по их видам, категориям, способам совершения, приемам и почерку [10, с. 29, 97–98].

Эти принципы применительно к систематизации учетно-регистрационных данных во многом актуальны и сегодня. К сожалению, в последующие периоды развития отечественной криминалистической науки, а затем и теории оперативно-розыскной деятельности многие научные подходы, связанные с комплексной уголовной регистрацией, были во многом утрачены [11, с. 174–176], а единый для всех силовых структур оперативно-розыскной учет, в котором должны содержаться персональные биометрические данные уголовно-преступного элемента, так и не был создан.

Уголовная регистрация и результаты оперативно-розыскной деятельности

В отдельных оппонировавшихся диссертациях данные, получаемые в ходе уголовной регистрации, не связывались соискателями с понятием результатов оперативно-розыскной деятельности, хотя именно таковыми по существу они и являются. Кроме того, рассматривая сущность учетно-регистрационной информации, используемой в деятельности оперативных подразделений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, диссертанты, как правило, рассуждали об информации вообще, не раскрывая при этом ее конкретного содержания.

Для того чтобы разобраться в этих вопросах, следует кратко коснуться сущности как учетно-регистрационной информации, так и самой современной уголовной регистрации. Понятие учетно-регистрационной информации (сведений, данных) основано на двуединстве ее самой и материального носителя, на котором она отображается в виде символов, знаков, букв, волн или другими способами. В результате документирования происходит как бы материализация и овеществление информации, которая закрепляется (фиксируется) на материальном носителе или привязывается к нему, обособляясь при этом от своего создателя [12, с. 23–24].

Содержание любой оперативной информации (и учетно-регистрационные сведения в данном случае не исключение) отражает состояние зафиксирован-

ных на материальных носителях объектов, представляющих оперативно-розыскной интерес. Внешним проявлением отображаемых объектов является совокупность их признаков (характерных особенностей). Поэтому уголовная регистрация, производимая в сфере правоохранительной деятельности, должна осуществляться в соответствии с требованиями криминалистической науки и теории оперативно-розыскной деятельности, где выделяется ряд категорий объектов, информация о которых должна накапливаться и в дальнейшем анализироваться в целях противодействия преступности. В первую очередь это физические лица, предметы (в том числе сложные), трупы, животные, вещества, здания, сооружения, участки местности, события, явления, психические акты человека. Представляется, что по каждому направлению правоохранительной деятельности сущность и совокупность этих объектов могут уточняться, исходя из компетенции того или иного ведомства.

Состояние отображаемых объектов, которое, собственно, и является предметом оперативно-розыскного анализа, характеризуется изменением совокупности присущих статических и динамических признаков, без изучения которых невозможно вести речь об обработке, фиксации и дальнейшем анализе поступающей информации, включая и такую ее разновидность, как учетно-регистрационные данные. В этой связи нельзя утверждать, как отмечали некоторые соискатели, что системой признаков обладает в целом информация, используемая в сфере оперативно-розыскной деятельности. Конкретным набором характерных особенностей обладает не информация, а объекты, фигурирующие в определенной информации. Причем конкретный признак того или иного объекта следует рассматривать в качестве единицы информации, связывающей его с субъектом оперативно-розыскной деятельности. Таким образом, именно изучение признаков позволяет последнему анализировать состояние того или иного объекта.

Вполне очевидно, что выбор носителя учетно-регистрационных данных определяется методом уголовной регистрации. Как уже отмечалось, в донаучный период результаты уголовной регистрации отображались непосредственно на теле осужденного. На ранней стадии развития криминалистической науки, нацеленной, прежде всего, на обеспечение эффективности розыскной деятельности и идентификацию задержанных и осужденных преступников, практиковались такие методы, как антропометрия, дактилоскопия, словесный портрет, сигналетическая фотосъемка и метод уголовной регистрации по способам совершения преступления, результаты которых отображались на бумажных носителях. Сегодня специалисты используют для фиксации подобной информации аудио-, видео-, фото- компьютерную (цифровую) запись и другие современные виды фиксации информации, предусматривающие использование соответствующих носителей, которые обеспечивают более эффективную интеграцию и изучение учетно-регистрационных данных.

Представляется закономерным, что в ходе уголовной регистрации, осуществляемой в интересах оперативно-розыскной деятельности, могут использоваться как легальные, так и оперативные способы получения учетно-регистрационных данных, в связи с чем она может носить гласный или негласный (зашифрованный) характер.

Уголовная регистрация предполагает следующие основные стадии: поиск и сбор учетно-регистрационной информации (то есть получение либо добывание необходимых сведений посредством исследования определенных информационных полей). После завершения данных процессов полученная регистрационная информация поступает на обработку (индексирование) к сотрудникам, занимающимся формированием оперативно-розыскного учета. В данной связи крайне важно, чтобы представляемые сведения содержали хотя бы минимальный объем регистрационных признаков для индексирования (отбора необходимого и достаточного количества последних) и дальнейшей их фиксации, то есть закрепления на соответствующих материальных носителях.

Целью уголовной регистрации в оперативно-розыскной деятельности является создание ее субъектами с использованием соответствующих методов и способов учетно-регистрационных документов, фиксирующих объекты оперативной заинтересованности при условии достаточности числа их регистрационных признаков, которые предназначены для размещения в оперативно-розыском учете.

Учетно-регистрационные документы, поступающие в этот информационный массив, являются не чем иным, как задокументированными результатами оперативно-розыскной деятельности, которые могут быть получены как гласным, так и негласным (зашифрованным) путем.

Результаты уголовной регистрации как информационная основа оперативно-розыскной идентификации

В ходе анализа сущности и содержания информационно-аналитического сопровождения оперативно-розыскной деятельности уголовно-исполнительной системы соискателями нередко выделялась практически единственная форма аналитической работы – прогнозирование изменений оперативной обстановки, практикуемое для подготовки обзоров, рекомендаций, информационных бюллетеней и т. п. Подобный подход заметно снижает возможности аналитической деятельности, поскольку наряду с организационно-аналитическим объективно существует и другое, наиболее важное направление аналитической деятельности – оперативно-розыскной анализ, объектами которого являются криминогенно активные лица и противоправные деяния. В этом контексте весьма значимой является такая формы аналитической работы, как оперативно-розыскная идентификация [11, с. 69–86]. Именно для ее обеспечения и необходима уголовная регистрация. Причем, по авторитетному мнению профессора Т. А. Седовой, главным объектом любых идентификационных исследований как в криминалистике, так и в оперативно-розыскной деятельности, по отношению к ко-

тому все прочие объекты идентификации играют второстепенную роль, является их обладатель или пользователь – человек [13, с. 86].

Оперативно-розыскная идентификация представляет собой форму аналитической работы оперативных подразделений, в том числе органов и учреждений ФСИН России, которая заключается в соотношении признаков идентифицируемых объектов, представляющих интерес для решения задач оперативно-розыскной деятельности, с идентифицируемыми объектами – отображениями устойчивых признаков физических лиц, предметов, документов, событий и др. на соответствующих носителях в виде следов, изображений, мысленных образов, описаний – и установлении на этой основе тождества, различия или групповой принадлежности этих объектов. При осуществлении оперативно-розыскных мероприятий идентификационного характера могут использоваться криминалистические и другие научные методы исследования. Субъектом оперативно-розыскной идентификации может являться исключительно субъект оперативно-розыскной деятельности, а ее результаты можно рассматривать в качестве результатов оперативно-розыскной деятельности с двух позиций:

1) они могут играть вспомогательную роль, лишь указывая дознанию, следствию или суду, где и как искать источники фактических данных процессуальным путем;

2) при определенных условиях они могут являться поводом и основанием для возбуждения уголовных дел, а также основой для получения дополнительных доказательств по уже возбужденным уголовным делам (п. 6, 14 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд; ст. 11 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

В этой связи достаточно сложно согласиться с высказываниями некоторых диссертантов относительно допустимости использования в определенных случаях результатов идентификационной деятельности оперативными подразделениями органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в качестве доказательств по уголовным делам без процессуальной проверки последних. С целью использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела, а также в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств, они должны пройти обязательную процессуальную проверку посредством проведения необходимых следственных действий. Образно выражаясь, их в этом случае необходимо пропустить через «сито процессуальных действий» с тем, чтобы в соответствии с положениями ст. 84 УПК РФ они могли быть приняты органами предварительного расследования или судом в качестве доказательств.

Оперативно-розыскная идентификация заключается в проведении одного из следующих оперативно-

розыскных мероприятий: исследование предметов и документов (в части проведения идентификационных исследований); отождествление личности; наведение справок в учетах. Причем каждое из них может являться элементом любого другого оперативно-розыскного мероприятия, предусмотренного ч. 1 ст. 6 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также того или иного оперативно-розыскного метода.

Наиболее распространенным видом оперативно-розыскной идентификации в деятельности оперативных подразделений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы является отождествление личности, которое базируется на теоретических основах частной криминалистической теории – габитоскопии. Наряду с различными видами экспертиз последняя систематизирует формы отображения внешнего облика человека (мысленные образы, материальные субъективные отображения, изображения человека и др.), а также все специальные технико-криминалистические средства и методы собирания данных о внешнем облике человека (составление словесного портрета, изготовление субъективных портретов, посмертных масок и т. д.). Ее методы широко используются как в криминалистической практике, так и в оперативно-розыскной деятельности.

Следует констатировать, что диссертантами в значении отождествления личности нередко ошибочно используется термин «распознавание» («оперативное распознавание»), который не носит идентификационного характера, а обозначает один из видов оперативно-розыскной диагностики.

Следует подчеркнуть, что объекты оперативного распознавания заранее не известны оперативному сотруднику, осуществляющему их установление в ходе оперативного поиска. Он располагает лишь стереотипным перечнем статических и динамических признаков, которые характерны для изучаемой категории объектов. Этим данный метод, также имеющий эмпирический характер, принципиально отличается от отождествления личности, в ходе которого признаки идентифицируемого объекта, зафиксированные в памяти или на определенных отображениях, оперативному сотруднику известны заранее.

В местах лишения свободы, например, можно говорить о распознавании преступной квалификации и криминального опыта того или иного заключенного, а также отношения последнего к той или иной иерархической группе в зависимости от его авторитета и реального влияния в криминальной среде [14, с. 19] по нанесенным на его тело татуировкам.

Правовая основа современной уголовной регистрации

Если в анализируемых выше диссертациях необходимость создания в местах лишения свободы баз персональных биометрических данных подследственных и осужденных все же признавалась, то возможность осуществления этой меры тем не менее ставилась под сомнение вследствие комплекса ограничений, предусмотренных нормативными правовыми актами, действующими в сфере обеспечения информационной безопасности. Вместе с тем это

утверждение не вполне оправданно. Правовая основа уголовной регистрации существует и является достаточно универсальной. Не располагая возможностью подробного ее анализа ввиду ограниченного объема данной статьи, отметим лишь, что нормативные правовые источники, регламентирующие применение информационных технологий, связанных с ней, а также с формированием оперативно-розыскного учета для решения задач в сфере оперативно-розыскной деятельности уголовно-исполнительной системы, подразделяются на четыре основные категории. Первая группа объединяет международные нормативные правовые акты, легитимизирующие использование персональных данных в интересах правоохранительной деятельности; вторая – основные федеральные законы, направленные на создание информационной основы правоохранительных органов (сюда же следует отнести и те законы, которые вводят основные понятия, связанные с этим процессом); третья – федеральные законы, имеющие отношение к созданию информационной основы оперативно-розыскной деятельности непосредственно в органах и учреждениях ФСИН России; четвертая – подзаконные и ведомственные (межведомственные) нормативные правовые акты, имеющие отношение к деятельности правоохранительных органов (включая и органы уголовно-исполнительной системы) в области создания оперативно-розыскного учета.

Объектами правового регулирования во всех этих случаях являются сами информационные технологии, а также получаемая и накапливаемая при этом учетно-регистрационная информация. Наибольший интерес в рассматриваемом аспекте представляют положения ст. 10, 11, 14 и 22 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», где отмечается, что обработка персональных данных граждан, включая их специальные и биометрические категории, может осуществляться без согласия их субъектов в целом ряде случаев, в том числе предусмотренных законодательством Российской Федерации об обороне, безопасности, противодействии терроризму, коррупции, транспортной безопасности, оперативно-розыскной деятельности, об исполнительном производстве, а также уголовно-исполнительным законодательством. Кроме того, право субъектов на доступ к своим персональным данным может быть ограничено в случаях, если обработка персональных данных, включая персональные данные, полученные в результате оперативно-розыскной, контрразведывательной и разведывательной деятельности, осуществляется в целях обороны, безопасности государства и охраны правопорядка. По этим же основаниям не требуется регистрация подобных баз данных в Роскомнадзоре.

Отдельно следует выделить положения п. «ж» ст. 9 Федерального закона от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», где отмечается, что граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, подозреваемые в совершении преступления, обвиняемые в совершении преступления, осужденные за совершение преступле-

ния, подлежат обязательной дактилоскопической регистрации.

Согласно положениям Федерального закона от 06.02.2023 № 8-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной геномной регистрации в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» обязательной геномной регистрации теперь подлежат все без исключения категории лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений, а также все лица, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений (п. 1, 3 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»).

Согласно ст. 9 указанного закона обязательная государственная геномная регистрация лиц, определенных в п. 1 ч. 1 ст. 7, проводится учреждениями, исполняющими уголовные наказания в виде лишения свободы, совместно с подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации, к компетенции которых относится указанный вид деятельности.

Безусловно, следует упомянуть в рассматриваемом контексте и Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», в п. 7 ст. 14 которого отмечается, что учреждениям, исполняющим наказания, предоставляется право осуществлять регистрацию осужденных, а также их фотографирование, звукозапись, кино- и видеосъемку и дактилоскопирование.

Таким образом, при наличии достаточных оснований государственные органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, включая органы уголовно-исполнительной системы, вправе осуществлять поиск, сбор, добытие, хранение, обработку и предоставление информации, в том числе конфиденциальной и подпадающей под специальные режимы регулирования, которая касается различных объектов оперативно-розыскной деятельности. Непременными условиями для вовлечения таких сведений в информационные технологии должны являться, во-первых, гарантированное соблюдение статуса последних как информации ограниченного доступа и, во-вторых, соответствующие правовые основания их получения и использования. Эти условия конкретизируются в ведомственных нормативных правовых актах, которые носят закрытый характер и в рамках данной статьи не рассматриваются.

Вместе с тем достаточно серьезной проблемой остается на сегодняшний день отсутствие правового регулирования, связанного с формированием единого для всех оперативно-розыскных органов интегрированного банка данных оперативно-розыскного назначения (ИБДОРН), включающего персональные биометрические данные представителей криминалитета.

Современные аппаратно-программные комплексы для идентификации личности и вопросы межведомственного взаимодействия в данной сфере

В диссертациях, которые были представлены для подготовки отзыва официального оппонента, далеко

не всегда рассматривалась проблема использования современных аппаратно-программных средств, способных осуществлять в режиме реального времени оперативное распознавание противоправных деяний в учреждениях уголовно-исполнительной системы и отождествление участвующих в них злоумышленников по их статическим и динамическим признакам. Подобные комплексы, основанные на применении искусственного интеллекта, анализирующего персональные биометрические данные, уже используются российскими и зарубежными правоохранительными органами для борьбы с уголовными, экономическими, таможенными и другими преступлениями, а также с целью задержания подозреваемых, находящихся в розыске. Поэтому было бы вполне оправданным шире внедрять их и в деятельность учреждений ФСИН России для обеспечения постоянного контроля за поведением арестованных и осужденных [15, с. 150]. В данной связи следует подчеркнуть, что с помощью автоматизированных логико-аналитических систем (АЛАС) могут распознаваться и идентифицироваться не только физические лица, но и нематериальные объекты – события, явления, психические акты человека, характеризующиеся набором особых идентификационных признаков. Данное обстоятельство способствует определению криминалистически значимых оснований для систематизации совершаемых в учреждениях преступлений с учетом конкретного места последних в их родовой системе [16, с. 180].

Как уже отмечалось, диссертантами недостаточно четко формулировались принципы межведомственного информационного взаимодействия в целях создания единого оперативно-розыскного учета, систематизирующего персональные биометрические данные лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. В этой связи следует подчеркнуть, что в постсоветский период наиболее грамотно с научной точки зрения осуществление уголовной регистрации было организовано в специализированных подразделениях ГУ МВД России по г. Москве. В середине 1990-х гг., когда осуществлялось их создание и становление, последние назывались информационно-аналитическими подразделениями криминальной милиции. В 2003 г. они были переименованы в подразделения оперативно-розыскной информации. В начальный период на всех уровнях службы криминальной милиции ГУВД г. Москвы (город – административный округ – муниципальный район) были созданы автоматизированные банки оперативно-розыскной и иной информации, в том числе содержавшие персональные биометрические данные лиц, представлявших оперативный интерес. В целях обеспечения комплексной уголовной регистрации последних в муниципальных ОВД создавались кабинеты уголовной регистрации личности. В целом по городу для целей уголовной регистрации было задействовано около 450 сотрудников. Во всех окружных УВД трудилось около 120 сотрудников. В головной структуре – Информационно-аналитическом отделе КМ ГУВД г. Москвы – работало 25 чел.

В главке был развернут автоматизированный программный комплекс (АПК) «Криминал», состоявший

из автоматизированной системы оперативной дактилоскопической идентификации (АСОДИ) «Узор-3», автоматизированной системы оперативной портретной идентификации (АСОПИ) «Фигурант», рассчитанных на размещение учетно-регистрационных данных в отношении 100–200 тыс. подучетных лиц, а также АЛАС «Криминал», позволявшей в режиме реального времени проводить аналитическую обработку свыше миллиона полнотекстовых документов на естественном русском и иностранных языках. Здесь же формировался банк данных на членов организованных преступных формирований, преступников-гастролеров, лиц, совершивших серийные преступления, а также без вести пропавших.

На уровне ОУВД планировалось развернуть АПК «Криминал», состоявший из АСОДИ «Узор-3» и АСОПИ «Фигурант», рассчитанных на размещение учетно-регистрационных данных в отношении 50–60 тыс. фигурантов, а также АЛАС «Криминал», позволяющей в режиме реального времени проводить аналитическую обработку свыше 500 тыс. полнотекстовых документов. В окружных УВД планировалось сформировать банк данных на лиц, проживавших на территории округа или имевших к ней притяжение, ранее судимых либо проходивших по оперативной информации.

В муниципальных ОВД предусматривалось оснащение кабинетов уголовной регистрации специализированным оборудованием для сигналетической фотосъемки и дактилоскопирования. В этом же кабинете должен был размещаться одномашинный сетевой вариант АСОПИ «Фигурант».

Предполагалось, что автоматизированные аппаратно-программные комплексы, размещенные в ГУВД г. Москвы, окружных УВД и муниципальных ОВД, благодаря подключению к оптоволоконной сети составят единое информационное пространство московской криминальной милиции, в результате чего процесс установления подозреваемых по конкретным преступлениям значительно ускорится. Специалисты подсчитали, что одновременное комплексное внедрение указанных систем позволило бы поставить на оперативный учет в масштабе города более 600 тыс. криминальных элементов. В дальнейшем объем интегрированного банка данных планировалось довести до 1,5 млн подучетных лиц. По самым осторожным прогнозам, через полтора года после ввода данной системы в эксплуатацию реальную раскрываемость преступлений в городе удалось бы повысить на 10–15 %.

Многие из этих подходов были реализованы и продолжают применяться в деятельности подразделений оперативно-розыскной информации г. Москвы. Некоторые проблемы в силу ряда объективных и субъективных причин решить не удалось. Вместе с тем на всех этапах становления данной методики проведения уголовной регистрации, которая, кстати, была заимствована у регистрационных бюро сыскной полиции Российской империи, изыскивались возможности обеспечения координации в этом плане с оперативными подразделениями ФСИН России. Для установления подобного взаимодействия

в некоторые территориальные органы уголовно-исполнительной системы направлялись сотрудники Управления оперативно-розыскной информации МВД России. Впрочем, эти контакты в силу межведомственной разобщенности не привели к каким-либо результатам. Следует отметить, что во второй половине 1990-х гг., когда уголовно-исполнительная система организационно еще входила в состав МВД России, специалистами Главного управления уголовного розыска и Главного управления исполнения наказаний вопросы, связанные с созданием совместного учета, практически были согласованы в рамках проекта соответствующего приказа министерства. Однако в 1998 г. ГУИН в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 28.07.1998 № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации» было передано в состав Минюста России, в связи с чем данный вопрос автоматически был снят с повестки дня и в дальнейшем при разработке межведомственных приказов не поднимался.

Как уже отмечалось, в целом межведомственное информационное взаимодействие российских правоохранительных органов и спецслужб организовано на недостаточно высоком уровне, чего нельзя сказать о зарубежной практике. Следует отметить, что государства, входящие в Европейский Союз, уже давно организовали единую межведомственную систему учета оперативно значимых сведений. Для этого в каждом из этих государств создан централизованный банк электронных данных, в котором наряду с криминалистической и криминологической информацией хранятся сведения о лицах и событиях, представляющих оперативный интерес. Каждый правоохранительный орган или спецслужба государства – члена Европейского Союза, имея компьютерную связь с централизованным банком данных, располагает возможностью постоянного получения необходимых сведений, использование которых является, по мнению некоторых специалистов, даже эффективнее мер пограничного контроля. Таким образом, Запад интенсивно развивает структуры, позволяющие осуществлять эффективную полицейскую разведку [17, с. 224].

Интеграцией сведений, представляющих оперативный интерес для различных силовых ведомств, в каждом европейском государстве занимается Национальный департамент по оперативным данным (НДОД). Он укомплектован представителями различных правоохранительных органов и спецслужб (пограничная служба, исправительные учреждения, таможенные органы, финансовая разведка, береговая охрана, полиция, службы разведки и безопасности, налоговые органы и др.), которые в рамках применяемой в Европейском Союзе модели полицейской деятельности на основе оперативных данных и информации (ПДОДИ) имеют доступ к оперативным сведениям своего ведомства и правомочны осуществлять информационный обмен с представителями других заинтересованных структур, представленных

в НДОД. Последний также отвечает за ведение национальной базы оперативных данных о преступности и проведение стратегического и оперативного анализа, включая оценку угроз, возникающих на национальном уровне, оказывает помощь региональным (местным) подразделениям в анализе оперативной информации.

К этому необходимо добавить, что на уровне государств – членов Европейского Союза функционируют взаимозависимые, совместимые между собой или одноплатформенные информационно-телекоммуникационные системы (ИТКС), поддерживающие интегрированный банк данных, а также внедрены соответствующие механизмы защиты оперативной информации [18, с. 48–49].

Таким образом, на Западе единый межведомственный информационный массив правоохранительных органов давно уже создан и эффективно используется в интересах всех заинтересованных ведомств. Для российских правоохранителей, включая сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, это пока еще не решенная проблема.

Заключение

Подводя итоги рассуждениям, представленным в данной статье, можно прийти к следующим основным выводам.

1. С учетом имеющихся оперативных возможностей и исторического опыта уголовной регистрации приоритетное внимание в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы должно уделяться вопросам получения и систематизации персональных биометрических данных арестованных и осужденных.

2. На различных уровнях управленческой вертикали ФСИН России эти данные в совокупности с другими оперативно значимыми сведениями должны систематизироваться и интегрироваться с соответствующими сведениями других силовых структур, в первую очередь органов внутренних дел.

3. Проблема формирования единого для всех оперативно-розыскных органов ИБДОРН, содержащего персональные биометрические данные лиц, представляющих оперативный интерес, федеральным законодательством не решена, хотя ряд объективных предпосылок к этому имеется.

4. В качестве интегрированного банка персональных биометрических данных, функционирующего на едином информационном пространстве правоохранительных органов и спецслужб, следует рассматривать совокупность соответствующих баз данных, технологий их ведения и использования, а также защищенных ИТКС, функционирующих на основе общих принципов и правил.

5. Создание подобной информационной структуры, действующей при посредничестве специального органа – аналога европейского НДОД, позволит решить многие проблемы в сфере оперативно-розыскной деятельности уголовно-исполнительной системы.

6. Созданию эффективного ИБДОРН для оперативного распознавания и идентификации объектов

оперативной заинтересованности с учетом текущей оценки и прогнозирования их состояния по соответствующим признакам призвано способствовать применению АЛАС, основанных на использовании искусственного интеллекта.

7. Рассмотренные в данной статье вопросы необходимо более четко обозначать и анализировать в диссертациях, защищаемых в диссертационных советах при образовательных и научных организациях ФСИН России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999. 486 с.
2. Криминалистика: техника и тактика расследования преступлений / под ред. А. Я. Вышинского. М., 1938. 538 с.
3. Антропометрия // Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. URL: <https://www.rulit.me/books/kriminalisticheskaya-enciklopediya-read-75154-6.html> (дата обращения: 04.08.2023).
4. Ялышев С. А. Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы : моногр. М., 1998. 138 с.
5. Торвальд Ю. Век криминалистики / под ред. и со вступ. ст. Ф. М. Решетникова. 2-е изд. М., 1990. 323 с.
6. Локар Э. Руководство по криминалистике / под ред. С. П. Митричева. М., 1941. 544 с.
7. Корельцева М. А. Становление криминалистической регистрации // Молодой ученый. 2018. № 22 (208). С. 234–236.
8. Карпеченко С. В. Дактилоскопия – наука об отпечатках пальцев // МВД по Республике Карелия : офиц. сайт. URL: https://10.mvd.rf/mvd/history/museum/2_1 (дата обращения: 04.08.2023).
9. Евреинов Н. Н. История телесных наказаний в России. СПб., 1913. Т. 1 [единственный]. 215 с.
10. Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925. 430 с.
11. Яковец Е. Н. Проблемы аналитической работы в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : моногр. М., 2005. 218 с.
12. Копылов В. А. Информационное право : учеб. пособие. М., 1997. 472 с.
13. Седова Т. А. Криминалистическая идентификация // Криминалистика / под ред. проф. И. Ф. Крылова. Л., 1976. С. 79–105.
14. Кузьмин С. И., Якушина Е. С. Иерархическая структура в криминальном сообществе // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 1 (49). С. 18–24.
15. Саргсян А. А. Перспективы цифровизации назначения и исполнения уголовного наказания // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 146–152.
16. Акчурин А. В. Виды криминалистических методик расследования пенитенциарных преступлений по степени общности // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 176–184.
17. Донован Дж. Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абеля / пер. с англ. М., 1992. 368 с.
18. Руководство ОБСЕ по полицейской деятельности на основе оперативных данных и информации. Вена, 2017. Т. 13. 104 с.

REFERENCES

1. Belkin R.S. *Istoriya otechestvennoi kriminalistiki* [History of domestic criminology]. Moscow, 1999. 486 p.
2. *Kriminalistika i taktika rassledovaniya prestuplenii* [Criminalistics: techniques and tactics of crime investigation]. Ed. by Vyshinskii A.Ya. Moscow, 1938. 538 p.
3. Anthropometry. In: Belkin R.S. *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* [Criminalistic encyclopedia]. Available at: <https://www.rulit.me/books/kriminalisticheskaya-enciklopediya-read-75154-6.html> (In Russ.). (Accessed August 4, 2023).
4. Yalyshev S.A. *Kriminalisticheskaya registratsiya: problemy, ten-dentsii, perspektivy: monogr.* [Criminalistic registration: problems, trends, prospects: monograph]. Moscow, 1998. 138 p.
5. Thorwald J. *Vek kriminalistiki* [The age of criminology]. Ed. by Reshetnikov F.M. Moscow, 1990. 323 p.
6. Locard E. *Rukovodstvo po kriminalistike* [Guide to forensics]. Ed. by Mitrichev S.P. Moscow, 1941. 544 p.
7. Korel'tseva M.A. Formation of forensic registration. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2018, no. 22 (208), pp. 234–236.
8. Karpechenko S.V. Fingerprinting – the science of fingerprints. *MVD po Respublike Kareliya: ofits. sait* [Ministry of Internal Affairs of the Republic of Karelia: official website]. Available at: https://10.mvd.rf/mvd/history/museum/2_1 (In Russ.). (Accessed August 4, 2023).
9. Evreinov N.N. *Istoriya telesnykh nakazanii v Rossii. T. 1* [History of corporal punishment in Russia. Vol. 1]. Saint Petersburg, 1913. 215 p.
10. Yakimov I.N. *Kriminalistika. Rukovodstvo po ugovolnoi tekhnike i taktike* [Criminalistics. Manual of criminal techniques and tactics]. Moscow, 1925. 430 p.
11. Yakovets E.N. *Problemy analiticheskoi raboty v operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del: monogr.* [Problems of analytical work in the operational investigative activities of internal affairs bodies: monograph]. Moscow, 2005. 218 p.
12. Kopylov V.A. *Informatsionnoe pravo: ucheb. posobie* [Information law: textbook]. Moscow, 1997. 472 p.
13. Sedova T.A. Criminalistic identification. In: Krylov I.F. (Ed.). *Kriminalistika* [Criminalistics]. Leningrad, 1976, pp. 79–105. (In Russ.).
14. Kuz'min S.I., Yakushina E.S. Hierarchical structure in the criminal community. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 1 (49), pp. 18–24.
15. Sargsyan A.A. Prospects for digitalization of sentencing and execution of punishment. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 146–152.

16. Akchurin A.V. Types of forensic methods for investigating crimes committed in penitentiary institutions by degree of generality. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 176–184. (In Russ.).
17. Donovan J. *Neznakomtsy na mostu: Delo polkovnika Abelya* [Strangers on a bridge: the case of Colonel Abel]. Transl. from English. Moscow, 1992. 368 p.
18. *Rukovodstvo OBSE po politseiskoi deyatel'nosti na osnove operativnykh dannykh i informatsii. T. 13* [OSCE Guidebook on intelligence-led policing. Vol. 13]. Vena, 104 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЕЦ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Российской таможенной академии, Люберцы, Россия, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

EVGENII N. YAKOVETS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Статья поступила 14.08.2023

Научная статья

УДК 342

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.008

Реформа государственной регламентации образовательной деятельности и ее влияние на систему высшего образования ФСИН России

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА МОТОРОВАВологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Реферат

Введение: в последние годы происходят серьезные изменения в системе государственной регламентации образовательной деятельности. Меняется модель контрольно-надзорных мероприятий за счет введения риско-ориентированного подхода, организации постоянного мониторинга системы образования, осуществления профилактических мероприятий в отношении деятельности образовательных организаций. Реорганизации подверглась и процедура государственной аккредитации образовательных программ, реализуемых с целью подготовки специалистов с высшим образованием: разработаны новые аккредитационные показатели, вводится аккредитационный мониторинг системы высшего образования. Указанные изменения нацелены на уменьшение административного воздействия на сферу высшего образования за счет снижения числа проверочных мероприятий с соответствующими процедурными правилами и документационным обеспечением. Контрольные мероприятия замещаются постоянным наблюдением за осуществлением образовательной деятельности вузами, ее соответствием установленным требованиям, оказанием консультативной помощи и корректировкой возможных отклонений. В данных условиях возрастает роль самоконтроля образовательных организаций за процессами реализации образовательных программ и саморегуляции в данной области. Система высшего образования ФСИН России функционирует в рамках системы образования Российской Федерации и подвержена влиянию любых изменений. Государственные органы (Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Рособрнадзор), новые стандарты образовательной деятельности, контрольные мероприятия, мониторинг и др. выступают значимыми факторами внешней среды. Изменения в системе государственной регламентации образовательной деятельности оказывают существенное воздействие на функционирование системы ведомственного образования и требуют детального изучения с целью определения направлений совершенствования. *Целью* данного исследования являются анализ современных механизмов государственной регламентации образовательной деятельности и формулирование предложений по совершенствованию отдельных аспектов функционирования системы высшего образования ФСИН России. *Методы:* общенаучные (индукции и дедукции, системного анализа, синтеза и обобщения, сравнения) и специальные (сравнительно-правовой, формально-юридический) методы познания позволили обеспечить комплексный подход к настоящему исследованию. *Результаты:* на основе анализа трансформации государственной регламентации образовательной деятельности в Российской Федерации и ее влияния на систему высшего образования ФСИН России сформированы предложения по совершенствованию практической деятельности образовательных организаций. Обосновывается необходимость разработки приказа ФСИН России, утверждающего порядок аккредитационного мониторинга системы высшего образования ФСИН России с определением соответствующих критериев, переработки нормативных основ организации и проведения инспектирования образовательных организаций. *Выводы:* реформирование государственной регламентации образовательной деятельности определяет приоритетные направления развития системы высшего образования ФСИН России, побуждая к выстраиванию новых интеграционных связей между ее элементами – образовательными организациями и ФСИН России.

Ключевые слова: аккредитация; аккредитационный мониторинг; государственная регламентация; качество образования; образовательная деятельность; образовательные организации.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Моторова Н. В. Реформа государственной регламентации образовательной деятельности и ее влияние на систему высшего образования ФСИН России // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 409–418. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.008.

Original article

On Reforming State Regulation of Educational Activities and Its Impact on the Higher Education System of the Federal Penitentiary Service

NATAL'YA V. MOTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Abstract

Introduction: the system of state regulation of educational activities has recently undergone changes. The control and supervision model is changing due to the introduction of a risk-oriented approach, organization of constant monitoring of the education system, and conduct of preventive measures in relation to activities of educational organizations. The procedure for state accreditation of higher education programs is also reorganized, in particular, new accreditation indicators are developed and accreditation monitoring of the higher education system is introduced. These changes are aimed at reducing the administrative impact on the sphere of higher education by reducing verification measures with appropriate procedural rules and documentation support. Control measures are replaced by constant monitoring of the implementation of educational activities by universities, their compliance with established requirements, provision of advisory assistance, and correction of possible violations. In these conditions, the role of self-control of educational organizations over the implementation of educational programs and self-regulation in this area is increasing. The higher education system of the Federal Penitentiary Service operates within the framework of the education system of the Russian Federation and is subject to any changes. State bodies (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal Service for Supervision of Education and Science), new standards of educational activities, control measures, monitoring, etc. are significant factors of the external environment. Changes in the system of state regulation of educational activities have a significant impact on functioning of the departmental education system and require detailed study in order to determine directions of its improvement. The *purpose* of this study is to analyze modern mechanisms of state regulation of educational activities and formulate proposals for improving certain aspects of functioning of the higher education system of the Federal Penitentiary Service. *Methods:* general scientific (induction and deduction, system analysis, synthesis and generalization, comparison) and private (comparative legal, formal legal) methods of cognition allowed us to provide an integrated approach to this study. *Results:* based on the analysis of transformation of the state regulation of educational activities in the Russian Federation and its impact on the higher education system of the Federal Penitentiary Service, proposals for improving practical activities of educational organizations are formed. The necessity of developing an order of the Federal Penitentiary Service approving the procedure for accreditation monitoring of the higher education system of the Federal Penitentiary Service with the definition of appropriate criteria, revision of the regulatory framework for the organization and inspection of educational organizations is substantiated. *Conclusion:* the reform of state regulation of educational activities determines priority directions to develop the higher education system of the FPS of Russia, encouraging construction of new integration links between its elements – educational organizations and the Federal Penitentiary Service.

Keywords: accreditation; accreditation monitoring; state regulation; quality of education; educational activities; educational organizations.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Motorova N.V. On reforming state regulation of educational activities and its impact on the higher education system of the Federal Penitentiary Service, *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 409–418. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.008.

Введение

Важным элементом развития системы высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), требующим повышенного внимания, является контроль качества подготовки специалистов для учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (УИС). Эффективная система оценки уровня подготовки выпускников способствует достижению основных целей функционирования системы ведомственных образовательных организаций высшего образования, а именно: пополнению кадрового состава высококвалифицированными специалистами на плановой основе, повышению качества образовательных программ в различных областях, внедрению современных образовательных технологий, приближению обучения к реальным потребностям практической деятельности.

Качество образования и основные направления деятельности по его обеспечению

Система высшего образования ФСИН России должна функционировать в полном соответствии с едиными требованиями осуществления образовательной деятельности, устанавливаемыми государством, и обеспечивать определенный уровень качества образования. Термин «качество образования» имеет несколько вариантов значений [1–3]. Различные дефиниции предлагаются исследователями, изучающими проблемы юриспруденции [4], педагогики [5–7], управленческие процессы [8], при этом «данная категория интерпретируется в различных дисциплинарных контекстах: философском, социологическом, психологическом, экономическом» [9, с. 21]. Учитывая разнообразие подходов, в рамках данного исследования считаем необходимым использование нормы-дефиниции Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании), согласно которой качество образования – это «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам (далее – ФГОС), образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям (далее – ФГТ) и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы».

Анализ представленной в законе категории позволяет выделить два основных направления деятельности по обеспечению соответствия образовательной деятельности указанной комплексной характеристике. С одной стороны, система высшего образования ФСИН России, деятельность входящих в нее образовательных организаций должны соответствовать установленным ФГОС, образовательным стандартам, ФГТ, с другой – подготовка кадров ведомственной системой высшего образования должна удовлетворять потребности ведомства, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, и потребности обучающихся. Соответ-

ственно, и контрольные мероприятия в отношении образовательных организаций высшего образования ФСИН России включают два блока: 1) регулирующую, контрольно-надзорную деятельность в сфере образования и науки со стороны федеральных органов государственной власти, обладающих соответствующими полномочиями в сфере образования; 2) оценку подготовки кадров заинтересованными субъектами – заказчиками на подготовку кадров, в качестве которых выступают ФСИН России и территориальные органы, обучающимися – будущими сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Рассмотрим систему государственной регламентации и контрольных мероприятий в отношении образовательных организаций высшего образования ФСИН России в свете современных тенденций изменения принципов контрольно-надзорной деятельности со стороны государства и развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. При этом следует подчеркнуть, что рамки настоящей публикации не позволяют представить детальный анализ государственной регламентации образовательной деятельности, и наше внимание будет сосредоточено на результатах исследования с целью формулирования предложений по совершенствованию практической деятельности образовательных организаций ФСИН России в соответствии с обновленными требованиями законодательства.

Основные направления государственной регламентации образовательной деятельности

Со стороны государства в лице уполномоченных органов осуществляется государственная регламентация образовательной деятельности, и образовательные организации высшего образования ФСИН России, реализуя подготовку обучающихся по определенным специальностям и направлениям, являются объектами управленческих процессов. Государственная регламентация образовательной деятельности направлена на установление единых требований осуществления образовательной деятельности и процедур, связанных с установлением и проверкой соблюдения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, этих требований. Государственная регламентация образовательной деятельности включает в себя: 1) лицензирование образовательной деятельности; 2) государственную аккредитацию образовательной деятельности; 3) государственный контроль (надзор) в сфере образования, что и закреплено в Законе об образовании.

Образовательная деятельность подлежит лицензированию. Согласно положениям Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» лицензирование – это деятельность лицензирующих органов по предоставлению лицензий, продлению срока действия лицензий в случае, если ограничение срока действия лицензий предусмотрено федеральными законами, оценке соблюдения соискателем лицензии, лицензиатом лицензионных требований, приостановлению, возобновлению, прекращению действия и аннулированию лицензий, формированию и ведению реестра

лицензий, формированию государственного информационного ресурса, а также по предоставлению в установленном порядке информации по вопросам лицензирования. Лицензия – это специальное разрешение на право осуществления юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем конкретного вида деятельности (выполнения работ, оказания услуг, составяющих лицензируемый вид деятельности), которое подтверждается записью в реестре лицензий. Лицензирование образовательной деятельности осуществляется по видам образования, уровням образования, профессиям, специальностям, направлениям подготовки, научным специальностям (для профессионального образования), подвидам дополнительного образования. Образовательные организации высшего образования ФСИИ России осуществляют подготовку специалистов на основании полученных в установленном порядке лицензий.

Государственная аккредитация образовательной деятельности проводится по основным образовательным программам высшего образования с целью подтверждения аккредитационным органом соответствия качества образования в организации, осуществляющей образовательную деятельность, установленным аккредитационным показателям. Аккредитационные показатели представляют собой совокупность обязательных требований, которые установлены законом к качеству образования. Аккредитационные показатели, методика их расчета и применения утверждаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере высшего образования (Минобрнауки России), по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере образования (Рособрнадзор). 18 апреля 2023 г. принят приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 409 «Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования, методики расчета и применения аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования».

Государственная аккредитация проводится аккредитационным органом – Рособрнадзором – по заявлениям организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Государственная аккредитация проводится по результатам аккредитационной экспертизы, которая основана на принципах объективности и ответственности экспертов. Порядок проведения определен Постановлением Правительства Российской Федерации от 19.05.2023 № 797 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации образовательной деятельности и о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 14 января 2022 г. № 3». Государственная аккредитация образовательной деятельности действует бессрочно.

Государственная регламентация образовательной деятельности включает и государственный кон-

троль (надзор). Согласно положениям Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» под государственным контролем (надзором) в Российской Федерации понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов, посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений. В отношении образовательных организаций высшего образования предметом государственного контроля (надзора) выступают соблюдение обязательных требований, установленных законодательством об образовании, в том числе лицензионных требований к образовательной деятельности, требований, установленных ФГОС, требований к выполнению аккредитационных показателей, требований по обеспечению доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и предоставляемых услуг. Реализация контрольных полномочий возложена на Рособрнадзор.

В целом анализ нормативных предписаний свидетельствует о том, что в структуре государственной регламентации образовательной деятельности выделяются такие самостоятельные элементы, как лицензирование, государственная аккредитация, требования к контрольно-надзорной деятельности в сфере образования. Лицензирование образовательной деятельности есть не что иное, как «входной фильтр», препятствующий выходу недобросовестных субъектов на рынок образовательных услуг. Государственная аккредитация направлена на подтверждение соответствия образовательной деятельности ФГОС и ФГТ, а контроль и надзор в сфере образования ориентированы на оценку качества образовательной деятельности и ее законности [10]. Каждое из названных направлений государственной регламентации содержит элементы проверочных, контрольных мероприятий.

Обозначенные направления государственной регламентации образовательной деятельности по-прежнему находятся в поле зрения ученых-юристов, анализирующих процедуры лицензирования [11–14], процессы аккредитации [15–17] и контрольно-надзорной деятельности [18–20]. Всесторонний углубленный анализ современной модели государственной регламентации высшего образования мог бы стать предметом отдельного исследования. В рамках же данной работы проанализируем отдельные аспекты указанного вида деятельности с целью определения его влияния на развитие и функционирование системы высшего образования ФСИИ России, при этом учитывая позиции ученых, затра-

гивающие отдельные аспекты деятельности ведомственных вузов.

Преобразование отдельных направлений государственной регламентации образовательной деятельности и его влияние на систему высшего образования ФСИН России

Система высшего ведомственного образования функционирует в рамках системы образования Российской Федерации и подвержена влиянию любых изменений. Государственные органы (Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Рособrnадзор), новые стандарты образовательной деятельности, контрольные мероприятия, мониторинг и др. выступают значимыми факторами внешней среды. Обучение будущих сотрудников по различным специальностям осуществляется на основании соответствующих лицензий, образовательные программы высшего образования строятся в соответствии с ФГОС, и в вузах создаются все необходимые условия (материальные, финансовые, информационно-технические и др.) для осуществления образовательной деятельности. Контрольно-надзорные мероприятия со стороны Рособrnадзора в отношении образовательных организаций высшего образования ФСИН России проводятся в соответствии с установленными правилами. В силу указанных обстоятельств система высшего образования ФСИН России постоянно получает внешние импульсы управленческого характера, видоизменяется и подстраивается под условия внешней среды.

Например, лицензирование и аккредитация образовательной деятельности как направления государственной регламентации оказывают серьезное воздействие на систему высшего образования. Образовательные организации высшего образования ФСИН России имеют лицензии по реализуемым образовательным программам, подавляющее большинство из которых имеют бессрочную государственную аккредитацию. При этом в ходе своей деятельности образовательные организации соблюдают лицензионные требования и ведут постоянную работу по достижению соответствия образовательной деятельности критериям аккредитации, а также усовершенствованию соответствующих показателей.

Отдельные ведомственные вузы расширяют свои возможности по подготовке специалистов для учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, получая разрешения на осуществление образовательной деятельности по новым направлениям подготовки или специальностям. Так, например, в 2022 г. ВИПЭ ФСИН России получена лицензия на право осуществления образовательной деятельности по двум программам высшего образования (38.05.01 Экономическая безопасность и 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка), а также двум программам среднего профессионального образования [21]. В 2022 г. Университет ФСИН России расширил сферу образовательных услуг, получив право на осуществление образовательной деятельности по образовательной программе высшего образования по специальности 20.05.01 Пожарная безопасность [22]. Приступив к реализации новых образовательных

программ, указанные образовательные организации совершенствуют свою работу с целью прохождения в ближайшем будущем аккредитации образовательной деятельности по данным направлениям подготовки специалистов. Следовательно, лицензирование и аккредитация определяют необходимость поддержания должного уровня функционирования в соответствии с лицензионными требованиями, аккредитационными показателями, а также устанавливают рамки развития отдельных элементов системы – образовательных организаций.

Значимое воздействие на развитие системы высшего образования ФСИН России оказывает и перестройка принципов аккредитации. С 2022 г. начала действовать обновленная модель, согласно которой качество реализуемых образовательных программ будет оцениваться по аккредитационным показателям, которые утверждены Минобрнауки России, вводится аккредитационный мониторинг, а полученная по образовательным программам государственная аккредитация считается бессрочной. Введение показателей изменило подходы к проведению государственной аккредитации, так как «согласно действующей до 1 марта 2022 года редакции ст. 92 Закона об образовании, государственная аккредитация проводилась с целью подтверждения соответствия федеральным государственным образовательным стандартам образовательной деятельности и подготовки обучающихся» [16, с. 180] и имела срочный характер, то есть проверки проводились с определенной периодичностью. Отдельные авторы считают, что изменение критериев качества образования ведет к созданию ситуации, при которой получение государственной аккредитации не будет зависеть от выполнения подавляющего большинства требований образовательных стандартов. Так, И. Ю. Гольяпина отмечает, что «механизм “регуляторной гильотины” для сферы образования был явно преждевременным... Наиболее негативное влияние внедрения такого механизма будет очевидно лишь спустя годы его реализации, поскольку при отсутствии контроля и возможности привлечения к ответственности образовательные организации будут работать на выполнение показателей аккредитационного мониторинга, а не над содержанием образовательных программ» [16, с. 181]. На наш взгляд, новеллы образовательного законодательства все же должны способствовать совершенствованию управленческих процессов в сфере образования и в результате приведут к сокращению бюрократической нагрузки на образовательные организации. Рассмотрим более детально отдельные аспекты данного вида государственной регламентации образовательной деятельности.

Аккредитационные показатели, утвержденные приказом Минобрнауки России от 18.04.2023 № 409, представляют собой совокупность обязательных требований, которые установлены к качеству образования в соответствии с Законом об образовании. Ранее было принято решение о том, что государственная аккредитация становится бессрочной для всех организаций, имеющих ее на 1 марта 2022 г., а также

для организаций, которые успешно пройдут процедуру аккредитации после этого срока.

Организации, имеющие государственную аккредитацию, автоматически попадают в аккредитационный мониторинг, который является удаленным наблюдением за образовательной организацией, проводится один раз в три года с целью анализа качества образования и направления соответствующих рекомендаций. Данная процедура будет проходить без взаимодействия с образовательной организацией [10]. Согласно приказу Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Министерства просвещения Российской Федерации, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.04.2023 № 660/306/448 «Об осуществлении Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки, Министерством просвещения Российской Федерации и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации аккредитационного мониторинга системы образования» первый аккредитационный мониторинг будет проведен с 1 сентября 2023 г. и нацелен на анализ деятельности образовательных организаций, ее соответствия аккредитационным показателям. При выявлении проблемных аспектов для образовательных организаций будут сформулированы рекомендации по повышению качества образования. Предполагается, что участниками мониторинга станут 1398 вузов (749 головных вузов и 649 филиалов) [23].

Согласно положениям нормативных правовых актов о мониторинге системы образования аккредитационному мониторингу не подлежат федеральные государственные организации, находящиеся в ведении Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Службы внешней разведки Российской Федерации, в том числе и федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний (ФСИН России), и реализующие основные профессиональные образовательные программы, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, при этом мониторинг федеральных государственных организаций проводится федеральным государственным органом, осуществляющим функции и полномочия учредителя в отношении этих организаций. Данные полномочия определяются Постановлением Правительства Российской Федерации от 05.08.2013 № 662 «Об осуществлении мониторинга системы образования», в котором также определяется, что порядок мониторинга, в том числе аккредитационного, федеральных государственных организаций устанавливается федеральным государственным органом, осуществляющим функции и полномочия учредителя в отношении этих организаций.

Таким образом, на сегодняшний день ведомственные вузы не вошли в число образовательных организаций, подпадающих с 1 сентября 2023 г. под процедуры аккредитационного мониторинга, при этом не определены и четкие критерии его проведения со стороны федеральных органов государственной

власти, осуществляющих функции и полномочия учредителя. Сложившееся состояние дел порождает необходимость создания нормативных правовых актов о регулировании данных вопросов в отношении образовательных организаций, осуществляющих подготовку кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка. Подключиться к данной нормотворческой деятельности должна и Федеральная служба исполнения наказаний.

Образовательные организации высшего образования как подведомственные учреждения подвергаются постоянной проверке и оценке эффективности деятельности со стороны ФСИН России – инспектированию.

Инспектирование включает комплекс мер по изучению, проверке и оценке состояния образовательной, научно-исследовательской, финансово-экономической деятельности, служебной и физической подготовки сотрудников образовательных учреждений ФСИН России и проводится каждые пять лет. Порядок организации работы по инспектированию деятельности ведомственных образовательных организаций устанавливается приказом ФСИН России от 28.08.2010 № 385 «Об утверждении Порядка организации работы по инспектированию деятельности образовательных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний». Однако анализ указанного нормативного правового акта показывает, что четких критериев и показателей оценки качества реализации образовательных программ он не содержит. Соответственно, использование процедур инспектирования ведомственных вузов взамен аккредитационного мониторинга на основании действующих ведомственных актов невозможно, так как показатели оценки образовательной деятельности и периодичность не совпадают с установленными Минобрнауки России (аккредитационный мониторинг проводится каждые три года).

На основании вышеизложенного видится целесообразным издание приказа ФСИН России, утверждающего порядок аккредитационного мониторинга системы высшего образования ФСИН России с определением соответствующих критериев. При этом необходима переработка нормативных основ инспектирования ведомственных вузов с целью увеличения сроков (не реже одного раза в шесть лет) и корректировки отдельных критериев на предмет их соответствия аккредитационным показателям. Принятие указанных ведомственных правовых актов позволит организовать аккредитационный мониторинг каждые три года: один раз как отдельную процедуру, а затем в рамках инспектирования деятельности ведомственных вузов. Предлагаемые к разработке нормативные правовые акты, на наш взгляд, станут правовой основой для организации контроля качества образования в ведомственных вузах.

Определившись с вопросами организации мониторинга системы высшего образования ФСИН России, исследуем содержательные аспекты обязательных требований, на основе которых признается удовлетворительным качество образования по опре-

деленным образовательным программам высшего образования.

Аккредитационные показатели по образовательным программам высшего образования утверждены приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 18.04.2023 № 409 «Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования, методики расчета и применения аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования» и включают шесть позиций, показатели аккредитационного мониторинга несколько шире – включают восемь позиций. Проанализируем отдельные показатели, являющиеся наиболее значимыми факторами влияния на систему высшего образования ФСИН России и поэтому представляющие наибольший интерес применительно к нашему исследованию.

Первым аккредитационным показателем (АП1) выступает средний балл единого государственного экзамена (ЕГЭ) обучающихся, принятых по его результатам на обучение по образовательным программам высшего образования. Для получения при аккредитации или мониторинге баллов (от пяти до десяти) по данному показателю его критериальное значение должно быть не менее 60. Приемные кампании в последние три года показывают, что выполнение данного показателя весьма затруднительно для большинства образовательных организаций высшего образования ФСИН России.

Еще одним аккредитационным показателем, требующим перестройки деятельности отдельных элементов системы высшего образования, следовательно, оказывающим наибольшее воздействие, является доля обучающихся, выполнивших 70 % и более заданий диагностической работы, сформированной из фонда оценочных средств организации, осуществляющей образовательную деятельность, по соответствующей образовательной программе высшего образования, в общем количестве обучающихся, выполнивших диагностическую работу (АП5). Он используется при проведении аккредитации, его минимальное критериальное значение составляет 55 % обучающихся. Выполнение указанного показателя порождает необходимость планомерной работы по формированию комплекса фонда оценочных средств, соответствующих критериям Минобрнауки России [24] и Рособрнадзора, и отработки контрольных заданий на занятиях с обучающимися.

Таким образом, введение новых критериев проверки качества высшего образования определяет приоритетные направления развития системы высшего образования ФСИН России, побуждая к выстраиванию новых интеграционных связей между ее элементами – образовательными организациями и ФСИН России.

Система высшего образования ФСИН России должна адаптироваться и к изменениям еще одного направления государственной регламентации образовательной деятельности – контрольно-надзорной. Система государственного контроля (надзора) в Российской Федерации на сегодняшний день претерпе-

вает серьезные изменения, вызванные построением новой модели контрольно-надзорной деятельности в российском государстве. В связи со вступлением в силу федеральных законов от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» и от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» произошли серьезные изменения в системе государственного управления образовательной деятельностью. Модель контрольно-надзорных мероприятий, основанная на систематических плановых и внеплановых проверках, ведущих к применению мер наказания (выдаче предписаний, приостановлению действия лицензии, лишению аккредитации и др.), перестраивается согласно новым принципам: введению риск-ориентированного подхода, постоянному мониторингу деятельности образовательных организаций высшего образования и формированию рекомендаций по развитию.

Образовательные организации высшего образования как объекты государственного контроля (надзора) подлежат отнесению к категориям высокого, среднего и низкого риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям (далее – категории риска). В категорию высокого и среднего риска попадают вузы, в деятельности которых выявлены нарушения требований законодательства соответствующими органами государственной власти (Рособрнадзор). Отнесение объекта государственного контроля (надзора) к одной из категорий риска осуществляется Рособрнадзором ежегодно на основе сопоставления его характеристик с утвержденными критериями в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.06.2021 № 997 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования».

В отношении объектов контроля, отнесенных к категории низкого риска, плановые контрольные (надзорные) мероприятия не проводятся, а ведется профилактическая разъяснительная работа. Рособрнадзор осуществляет информирование контролируемых и иных заинтересованных лиц по вопросам соблюдения обязательных требований, установленных законодательством Российской Федерации об образовании, в том числе лицензионных требований при осуществлении образовательной деятельности и требований, установленных федеральными государственными образовательными стандартами, посредством размещения соответствующих сведений на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, через личные кабинеты контролируемых лиц в государственных информационных системах.

Как объект государственного контроля образовательные организации высшего образования ФСИН России должны осуществлять анализ материалов контрольных мероприятий Рособрнадзора [25] и соответствующих рекомендаций с целью недопущения нарушения установленных требований. При этом важную роль в организации постоянного мо-

иторинга выполнения установленных требований играет ФСИН России, так как своевременные управленческие решения и методическая помощь будут способствовать эффективному функционированию всей системы ведомственного высшего образования.

Заключение

В целом осуществленный анализ государственной регламентации образовательной деятельности, ее трансформации на современном этапе свидетельствует о том, что в отношении системы высшего образования ФСИН России появились определенные нерешенные вопросы, такие как организация аккредитационного мониторинга, выработка критериев создания фондов оценочных средств по образовательным программам и др.

В представленном исследовании сформулированы предложения по устранению отдельных неясностей. Так, целесообразно издание приказа ФСИН России, утверждающего порядок аккредитационного мониторинга системы высшего образования с определением соответствующих критериев. При этом необходима и переработка нормативных основ инспектирования ведомственных вузов с целью увеличения сроков (не реже одного раза в шесть лет) и корректировки отдельных критериев на предмет их соответствия аккредитационным показателям. Принятие указанных ведомственных правовых актов позволит организовывать аккредитационный мониторинг каждые три года: один раз как отдельную процедуру, а затем в рамках инспектирования деятельности ведомственных вузов. Предлагаемые к разработке

нормативные правовые акты, на наш взгляд, станут правовой основой для организации контроля качества образования в ведомственных вузах.

Введение обновленных показателей качества образовательной деятельности также стало значимым фактором влияния на систему высшего образования ФСИН России. Так, например, по показателям среднего балла ЕГЭ при аккредитации или аккредитационном мониторинге образовательные организации высшего образования ФСИН России получили бы ноль баллов по данной позиции. Сложившаяся ситуация стимулирует образовательные организации высшего образования активизировать профориентационную работу, взаимодействие с территориальными органами по вопросам подбора кандидатов на обучение с более высокими показателями ЕГЭ. Еще один аккредитационный показатель, требующий перестройки деятельности отдельных элементов системы высшего образования и, следовательно, оказывающий наибольшее воздействие, это доля обучающихся, выполнивших 70 % и более заданий диагностической работы. Выполнение указанного показателя порождает необходимость организации планомерной работы по формированию комплекса фонда оценочных средств, соответствующих критериям Минобрнауки России и Рособнадзора, и отработки контрольных заданий на занятиях с обучающимися.

Необходимость выработки механизмов выполнения обозначенных задач является новым импульсом развития системы высшего образования, построения внутренних связей и взаимодействий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Безуглова Л. П. Образование и качество образования: теоретический аспект // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2014. № 4. С. 27–34.
2. Селезнева Н. А. Качество образования как объект системного исследования. М., 2002. 95 с.
3. Субетто А. И. Качество непрерывного образования в Российской Федерации: состояние, тенденции, проблемы и перспективы (опыт мониторинга). Изд. 2-е, испр. СПб., 2016. 498 с.
4. Статуева А. А., Полякова Т. А. Аспекты понятий «качество образования» и «гарантии качества образования» // Педагогические чтения в ННГУ: сб. науч. ст. всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. И. В. Фролов. Н. Новгород, 2015. С. 150–153.
5. Корнеева Н. Ю., Брановец Н. Е. Содержание понятий «качество образования», «управление качеством образования» на современном этапе развития образования // Инновационные тенденции модернизации педагогического образования в условиях глобализации: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2021. С. 202–204.
6. Поташник М. М. Качество образования: проблемы и технологии управления. М., 2002. 350 с.
7. Чупрова Л. В. Основные подходы к определению понятия «качество образования» в проблемном поле педагогики // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 3. С. 336–339.
8. Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А. Менеджмент качества высшего образования: что означает «качество» и что означает «высшее образование»? // Управление. 2020. Т. 11, № 1. С. 2–14.
9. Авдашкин А. А., Пасс А. А. Подходы к определению понятия «качество образования» // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2018. № 2 (5). С. 21–26.
10. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (постатейный; издание второе, перераб. и доп.) / Барабанова С. В., Пешкова (Белогорцева) Х. В., Баранов И. В. и др. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. Васильева М. Е. Проблемные вопросы лицензирования образовательной деятельности в Российской Федерации // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2019. Ч. 2. С. 148–151.
12. Гречкина О. В., Рубанова Н. А. Лицензирование образовательной деятельности в сфере высшего образования: теоретико-правовое исследование. М., 2014. 176 с.
13. Кирилловых А. А. Понятие лицензионного контроля образовательной деятельности // Право и образование. 2021. № 1. С. 16–21.
14. Лавров А. С. Лицензирование образовательной деятельности // Управление образовательной организацией. 2019. № 3. С. 13–17.

15. Баринаева Е. Б. Подготовка научной организации к аккредитации программ обучения научно-педагогических кадров // Современное образование. 2020. № 1. С. 22–32.
16. Гольяпина И. Ю. Правовое регулирование государственной аккредитации образовательной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 179–182.
17. Свечникова В. В. Эволюция правового регулирования государственной аккредитации образовательной деятельности в России // Административное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 34–50.
18. Воронов А. М., Кобзарь-Фролова М. Н. О модернизации сущности и целевого предназначения контрольно-надзорной деятельности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 8. С. 99–105.
19. Масленникова Е. В., Добролюбова Е. И., Южаков В. Н. Статистика и социология результатов контрольно-надзорной деятельности // Экономическая политика. 2020. Т. 15, № 1. С. 90–107.
20. Савина А. Д., Пономарева Е. А. Оценка влияния перехода к риск-ориентированному регулированию учреждений высшего образования // Science for education today. 2021. Т. 11, № 2. С. 123–153.
21. Отчет о самообследовании федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» // Вологодский институт права и экономики ФСИН России : офиц. сайт. URL: <https://vipe.fsin.gov.ru/sveden/document/docs/otchety-o-rezultatakh-samoobsledovaniya.php> (дата обращения: 21.10.2023).
22. Отчет о результатах самообследования деятельности федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний» за 2022 год // Университет ФСИН России : офиц. сайт. URL: <https://spbu.fsin.gov.ru/svedeniy/doc/otchet-o-samoobsledovanii/otchety-o-samoobsledovanii-obrazovatelnoy-organizatsii.php> (дата обращения: 23.10.2023).
23. Алтыникова Н. В. Аккредитационный мониторинг в системе высшего образования // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки : офиц. сайт. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/> (дата обращения: 23.10.2023).
24. О направлении методических рекомендаций : письмо Департамента государственной политики в сфере высшего образования Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 28.02.2022 № МН-5/339 // Национальное аккредитационное агентство в сфере образования : офиц. сайт. URL: <https://nica.ru/ru/docs/4> (дата обращения: 23.09.2023).
25. Об утверждении докладов о результатах обобщения правоприменительной практики Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки при осуществлении видов федерального государственного контроля (надзора) : приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 14.03.2023 № 385 (документ опубликован не был).

REFERENCES

1. Bezuglova L.P. Education and quality of education: theoretical aspect. *Vestnik sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki = Bulletin of Social and Humanitarian Education and Science*, 2014, no. 4, pp. 27–34. (In Russ.).
2. Selezneva N.A. *Kachestvo obrazovaniya kak ob"ekt sistemnogo issledovaniya* [Quality of education as an object of systematic research]. Moscow, 2002. 95 p.
3. Subetto A.I. *Kachestvo nepreryvnogo obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie, tendentsii, problemy i perspektivy (opyt monitoringa)* [Quality of lifelong education in the Russian Federation: state, trends, problems and prospects (monitoring experience)]. Saint Petersburg, 2016. 498 p.
4. Statueva A.A., Polyakova T.A. Aspects of the concepts “quality of education” and “quality assurance of education”. In: Frolov I.V. (Ed.). *Pedagogicheskie chteniya v NNGU: sb. nauch. st. vseros. nauch.-prakt. konf.* [Pedagogical readings at NNGU: proceedings of the All-Russian research and practice conference]. Nizhny Novgorod, 2015. Pp. 150–153. (In Russ.).
5. Korneeva N.Yu., Branovets N.E. The content of concepts “quality of education”, “quality management of education” in the modern stage of education development. In: *Innovatsionnye tendentsii modernizatsii pedagogicheskogo obrazovaniya v usloviyakh globalizatsii: sb. st. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Innovative trends in the modernization of pedagogical education in the context of globalization: collection of articles based on the results of the International research and practice conference]. Chelyabinsk, 2021. Pp. 202–204. (In Russ.).
6. Potashnik M.M. *Kachestvo obrazovaniya: problemy i tekhnologii upravleniya* [Quality of education: problems and management technologies]. Moscow, 2002. 350 p.
7. Chuprova L.V. Basic approaches to the definition of the concept “quality of education” in the problem field of pedagogy. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta = Science Vector of Togliatti State University*, 2014, no. 3, pp. 336–339. (In Russ.).
8. Tambovtsev V.L., Rozhdestvenskaya I.A. Quality management of higher education: what “quality” means and what “higher education” means? *Upravlenets = Manager*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 2–14. (In Russ.).
9. Avdashkin A.A., Pass A.A. Approaches to the definition of the concept of “quality of education”. *Nauchno-metodicheskoe obespechenie otsenki kachestva obrazovaniya = Scientific and Methodological Support for the Assessment of the Quality of Education*, 2018, no. 2 (5), pp. 21–26. (In Russ.).
10. Barabanova S.V., Peshkova (Belogortseva) Kh.V., Baranov I.V. et al. Commentary to the Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 “On Education in the Russian Federation” (article by article). *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy “Garant”* [Access from the reference-legal system “Garant”].
11. Vasil'eva M.E. Problematic issues of licensing educational activities in the Russian Federation. In: *Yuridicheskie nauki, pravovoe gosudarstvo i sovremennoe zakonodatel'stvo: sb. st. VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ch. 2.* [Legal sciences, the rule of law and modern legislation: proceedings of the 6th International research and practice conference: proceedings of the 4th International science and practice conference. Part 2]. Penza, 2019. Pp. 148–151. (In Russ.).
12. Grechkina O.V., Rubanova N.A. *Litsenzirovaniye obrazovatel'noi deyatel'nosti v sfere vysshego obrazovaniya: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Licensing of educational activities in the field of higher education: theoretical and legal investigation]. Moscow, 2014. 176 p.

13. Kirillovykh A.A. The concept of licensing control of educational activities. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, 2021, no. 1, pp. 16–21. (In Russ.).
14. Lavrov A.S. Licensing of educational activity. *Upravlenie obrazovatel'noi organizatsiei = Management of an Educational Organization*, 2019, no. 3, pp. 13–17. (In Russ.).
15. Barinova E.B. Preparation of scientific organization to accreditation of curricula for training academic staff. *Sovremennoe obrazovanie = Modern Education*, 2020, no. 1, pp. 22–32. (In Russ.).
16. Gol'tyapina I.Yu. Legal regulation of state accreditation of educational activities. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: Theory and Practice*, 2022, no. 2 (206), pp. 179–182. (In Russ.).
17. Svechnikova V.V. Evolution of legal regulation of state accreditation of educational activities in Russia. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and Municipal Law*, 2022, no. 4, pp. 34–50. (In Russ.).
18. Voronov A.M., Kobzar'-Frolova M.N. On the modernization of the essence and purpose of control and supervisory activities. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo = Modern Science: actual problems of theory and practice Series: Economics and Law*, 2019, no. 8, pp. 99–105. (In Russ.).
19. Maslennikova E.V., Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N. Statistics and sociology of the results of control and supervisory activities. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2020, vol. 15, no. 1, pp. 90–107. (In Russ.).
20. Savina A.D., Ponomareva E.A. Evaluating the impact of transition to risk-based regulation in higher education institutions. *Science for Education Today*. 2021, vol. 11, no. 2, pp. 123–153. (In Russ.).
21. Report on self-examination of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service. *Vologodskii institut prava i ekonomiki FSIN Rossii: ofits. sait* [Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service: official website]. Available at: <https://vipe.fsin.gov.ru/sveden/document/docs/otchety-o-rezultatakh-samoobsledovaniya.php> (In Russ.). (Accessed October 21, 2023).
22. Report on the results of self-examination of activities of the University of the FPS of Russia for 2022. *Universitet FSIN Rossii: ofits. sait* [University of the FPS of Russia: official website]. Available at: <https://spbu.fsin.gov.ru/svedeniy/doc/otchet-o-samoobsledovanii/otchety-o-samoobsledovanii-obrazovatelnoy-organizatsii.php> (In Russ.). (Accessed October 23, 2023)
23. Altynikova N.V. Accreditation monitoring in the higher education system. *Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki: ofits. sait* [Federal Service for Supervision of Education and Science: official website]. Available at: <https://obrnadzor.gov.ru/> (In Russ.). (Accessed October 23, 2023).
24. On the direction of methodological recommendations: letter of the Department of State Policy in the Field of Higher Education of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. MN-5/339 of February 28, 2022. *Natsional'noe akkreditatsionnoe agentstvo v sfere obrazovaniya: ofits. sait* [National Accreditation Agency in the field of education: official website]. Available at: <https://nica.ru/ru/docs/4> (In Russ.). (Accessed September 23, 2023).
25. *Ob utverzhdenii dokladov o rezul'tatakh obobshcheniya pravoprimenitel'noi praktiki Federal'noi sluzhby po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki pri osushchestvlenii vidov federal'nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora): prikaz Federal'noi sluzhby po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki ot 14.03.2023 No. 385* [On approval of reports on the results of generalization of the law enforcement practice of the Federal Service for Supervision in the Field of Education and Science in the implementation of types of federal state control (supervision): Order of the Federal Service for Supervision in the Field of Education and Science No. 385 of March 14, 2023] (the document was not published).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА МОТОРОВА – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

NATAL'YA V. MOTOROVA – Senior Lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Статья поступила 26.10.2023

Научная статья

УДК 159.9

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.009

Роль личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей в формировании дефектов правовой социализации

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАРАНОВ

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
niospba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>

РОМАН НИКИТИЧ ВЕТРЕНКО

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
romario-vet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8191-4554>

Реферат

Введение: в статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в период с октября 2021 г. по февраль 2022 г. с участием 167 несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет, совершивших правонарушения и (или) преступления. *Цель:* выявление лежащих в основе формирования дефектов правовой социализации (правового негативизма, правового инфантилизма, правового нигилизма, сознательного преступного поведения) личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей для дальнейшего построения адаптированных (в зависимости от формы дефектности) психокоррекционных программ, направленных на недопущение повторного совершения преступлений. *Методы:* для решения поставленных задач подобран соответствующий методический инструментарий: методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонда, многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (подростковый вариант), опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолл (в адаптации Н. В. Водопьяновой, Е. А. Старченковой), опросник «Диагностика ценностных ориентаций подростков» В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной, методика «Отношения к праву» С. П. Безносова. Статистическая обработка результатов эмпирического исследования проведена с использованием пакета программ MO Excel 2010, пакета прикладных программ SPSS v. 22.0. Полученные результаты подвергнуты первичному, частотному, корреляционному анализам. *Результаты:* установлено, что под правовой социализацией личности понимается овладение личностью правомерными способами поведения, формирование чувства правовой и социальной ответственности, солидарности с нормами закона и права, обеспечиваемые переносом ценностей, охраняемых обществом и правом, в ценностно-нормативную систему личности. Высшим уровнем правовой социализации является правопослушное поведение личности как результат устойчивой нравственной потребности следовать нормам права и закона. К формам дефектной правовой социализации относятся модели отношения к нормам права, выражающиеся в правовом негативизме, правовом инфантилизме, правовом нигилизме, сознательном преступном поведении. Выявлены личностные особенности, способствующие формированию дефектов правовой социализации несовершеннолетних. *Выводы:* в сфере правосознания несовершеннолетних правонарушителей установлены дефекты правовой социализации в форме правового скептицизма, цинизма, нигилизма и инфантилизма. При этом несовершеннолетние правонарушители, отвергающие право, эмоционально нестабильны, коммуникативно закрыты,

экстернальны и дезадаптированы. В то же время несовершеннолетние правонарушители, относящиеся к праву инфантильно, коммуникативно открыты, адаптированы к окружающей среде, отличаются конформностью и ведомостью.

Ключевые слова: правосознание; правовая социализация; несовершеннолетние; преступное поведение; дефекты правовой социализации; правовой нигилизм; правовой скептицизм; правовой инфантилизм.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Шаранов Ю. А., Ветренко Р. Н. Роль личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей в формировании дефектов правовой социализации // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 419–426. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.009.

Original article

Role of Personal Characteristics of Juvenile Delinquents in the Formation of Defects in Legal Socialization

YURII A. SHARANOV

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, niospba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>

ROMAN N. VETRENKO

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, romario-vet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8191-4554>

Abstract

Introduction: the article presents results of the empirical study conducted in the period from October 2021 to February 2022 with the participation of 167 minors aged 14 to 17 years who committed offenses and (or) crimes. *Purpose:* to identify personal characteristics of juvenile offenders underlying the formation of defects in legal socialization (legal negativism, legal infantilism, legal nihilism, conscious criminal behavior) for further construction of adapted (depending on the form of defectiveness) psycho-correction programs aimed at preventing recommitment of crimes. *Methods:* to solve the tasks, the appropriate methodological tools are selected: Rogers-Diamond Methodology for Diagnosing Socio-Psychological Adaptation, High School Personality Questionnaire by R. Cattell, the Strategic Approach to Coping Scale (SACS) (as adapted by N.V. Vodop'yanova and E.A. Starchenkova), questionnaire "Diagnostics of Value Orientations of Adolescents" by V.F. Sopova and L.V. Karpushina, methodology "Attitude to Law" by S.P. Beznosov. Statistical processing of the empirical study results was carried out using Microsoft Excel 2010 and IBM SPSS Statistics 22. The obtained results were subjected to primary, frequency, and correlation analysis. *Results:* it is established that legal socialization of a person is understood as person's acquirement of lawful ways of behavior, formation of a sense of legal and social responsibility, and solidarity with the norms of law, provided by the transfer of values protected by society and law into the value-normative system of the individual. The highest level of legal socialization is the law-abiding behavior of a person as a result of a stable moral need to follow norms of law. Forms of defectiveness of legal socialization are models of attitude to norms of law, expressed in legal negativism, legal infantilism, legal nihilism, and conscious criminal behavior. Personal characteristics contributing to the formation of defects in legal socialization of minors are revealed. *Conclusions:* defects of legal socialization in the form of legal skepticism, cynicism, nihilism and infantilism are established in the sphere of legal awareness of juvenile offenders. At the same time, juvenile offenders who reject law are emotionally unstable, communicatively closed, externalized and maladapted. While juvenile offenders with an infantile attitude to law are communicatively open, adapted to the environment, and differ in conformity and accountability.

Keywords: legal awareness; legal socialization; minors; criminal behavior; defects of legal socialization; legal nihilism; legal skepticism; legal infantilism.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Sharanov Yu.A., Vetrenko R.N. Role of personal characteristics of juvenile delinquents in the formation of defects in legal socialization, *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 419–426. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.009.

Введение

Эффективное предупреждение правонарушающего поведения несовершеннолетних возможно только при условии концентрации внимания общества и государства на личности как носителе причин совершения преступлений, важном звене в механизме преступного поведения. Выявление характерных личностных особенностей, присущих несовершеннолетним правонарушителям и способствующих совершению преступных действий, позволяет подобрать наиболее эффективные методы и технологии работы с ними в рамках индивидуальной и групповой психологической коррекции.

Анализируя состояние преступности в России, отметим, что по итогам 2021 г. выявлено 29 126 несовершеннолетних, совершивших преступление, что составляет 3,4 % от общего числа преступников. Качественная характеристика указанных лиц показала, что совершили преступления повторно 7213 несовершеннолетних (24,8 %), в состоянии алкогольного опьянения – 3402 (11,7 %), наркотического опьянения – 83 (0,3 %), в составе группы – 13 151 (45,2 %). Несовершеннолетними совершено 9055 (28,4 %) тяжких и особо тяжких преступлений [1]. Приведенные данные свидетельствуют о дефектности правовой социализации несовершеннолетних, способствующей употреблению алкоголя и наркотических средств, вступлению в преступные сообщества, игнорированию общественных групп и организаций. Несмотря на последовавшее после совершения первого преступления наказание и осуждение общества, несовершеннолетние продолжили следовать по преступному пути. Указанные обстоятельства определили актуальность исследования взаимосвязи личностных особенностей и дефектов правовой социализации.

Целью эмпирического исследования стало изучение лежащих в основе формирования дефектов правовой социализации личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей.

Объектом исследования выступили личностные особенности несовершеннолетних правонарушителей, предметом – их коммуникативные, эмоциональные, регуляторные свойства, копинг-стратегии, показатели адаптации, ценностные ориентации и формы правосознания.

Теоретическая основа исследования

Формирование дефектов социализации личности – феномен, требующий междисциплинарного подхода к исследованию, и как объект научного познания развивается в рамках следующих дисциплинарных областей: педагогики (К. С. Милевич [2], Р. Т. Бакиров [3]), социологии (А. А. Бочков, А. А. Сухарев [4], Е. В. Руденский [5]), криминологии (Х. И. Гаджиева [6], В. Г. Пичугин [7] и др.). Однако именно психологический подход позволяет исследователям (К. А. Романенко, А. Ю. Есенова [8]) уделить внимание ее комплексному анализу с целью построения эффективной и своевременной психопрофилактической и психокоррекционной работы с несовершеннолетними.

Под правовой социализацией личности понимается овладение личностью правомерными способами поведения, формирование чувства правовой и со-

циальной ответственности, солидарности с нормами закона и права, обеспечиваемые переносом ценностей, охраняемых обществом и правом, в ценностно-нормативную систему личности [9]. Высшим уровнем правовой социализации является правопослушное поведение личности как результат устойчивой нравственной потребности следовать нормам права и закона [10]. Функцией правовой социализации является интеграция личности в правовую среду, сопровождающаяся адаптацией к установленным правовым нормам, самоконтролем правового поведения, развитием активности личности в области права.

А. А. Сухарев подчеркивает, что сложности правовой социализации несовершеннолетних сочетаются с размытостью ее границ, вызванной происходящей в течение последних десятилетий трансформацией общественных ценностей и попытками стихийной экспансии западной деструктивной идеологии, основанной на провозглашении в качестве ведущих ценностных потребительского общества [11].

В Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» подчеркивается, что сохранение и укрепление традиционных ценностей реализуется в том числе в области образования, воспитания и работы с молодежью. Действительно, неустойчивость ценностных ориентиров как одна из психовозрастных особенностей несовершеннолетних обуславливает их уязвимость перед деструктивным влиянием внешней среды [12], а транслируемые в СМИ и по телевидению идеи потребительского общества и приоритетов материального мира способствуют формированию дефектов правовой социализации [13].

Дефектность правовой социализации сопровождается усвоением под влиянием личностных и групповых факторов таких стереотипов поведения, знаний и установок в области права, которые искажают правовую картину, формирующуюся у личности, способствуя негативному или нейтральному отношению к соблюдению правовых норм [14]. Формами дефектности правовой социализации являются модели отношения к нормам права, выражающиеся:

- в правовом негативизме (недооценивании ценности права);
- правовом инфантилизме (безответственном, легкомысленном отношении к нормам права);
- правовом нигилизме (активном неприятии правовых норм вплоть до публичного игнорирования);
- сознательном преступном поведении [15].

З. Н. Каландаришвили, говоря о последней форме дефектности правовой социализации личности, назвал ее самой тяжелой и сложной для изучения: это «форма перерожденного правового сознания» до такой степени, что его носитель становится умышленным нарушителем закона. Ученый уверен, что под влиянием неустойчивой системы представлений об истинных человеческих ценностях у несовершеннолетних наблюдается поступательное развитие форм дефектности правовой социализации от негативизма до перерожденного правового сознания,

что обуславливает актуальность незамедлительной выработки методов и способов психологической коррекции дефектов правовой социализации личности [6].

Материалы и методы

Эмпирическое исследование личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей осуществлено в период с октября 2021 г. по февраль 2022 г. Всего в исследовании приняли участие 167 несовершеннолетних мужского пола в возрасте от 14 до 17 лет ($16,4 \pm 1,1$ г.), совершивших различные правонарушения преимущественно корыстной направленности (мелкие хищения, кражи, грабежи, разбои), влекущие за собой административную и (или) уголовную ответственность. База исследования: специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, подразделение по делам несовершеннолетних ОМВД по Сланцевскому району Ленинградской области.

Для решения поставленных задач был подобран соответствующий методический инструментарий: методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонда, многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (подростковый вариант), опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолл (в адаптации Н. В. Водопьяновой, Е. А. Старченковой), опросник «Диагностика ценностных ориентаций подростков» В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной, методика «Отношения к праву» С. П. Безносова. Статистическая обработка результатов эмпирического исследования проведена с использованием пакета программ MO Excel 2010, пакета прикладных программ SPSS v. 22.0. Полученные результаты были подвергнуты первичному, частотному, корреляционному анализам.

Результаты исследования и их обсуждение

В таблице представлены данные первичных статистик, вычисленных для показателей исследования.

Таблица

Личностные особенности несовершеннолетних правонарушителей

Название показателя	M	s	Название показателя	M	s
1	2	3	4	5	6
Фактор А: шизотимия – аффектомия	6,05	1,93	Доминирование	22,90	6,83
Фактор С: степень эмоциональной устойчивости	3,61	1,23	Эскапизм	13,20	6,59
Фактор D: флегматичность – возбудимость	5,99	2,01	Ассертивные действия	19,67	3,94
Фактор E: пассивность – доминантность	6,01	1,94	Вступление в социальный контакт	22,34	3,43
Фактор F: осторожность – легкомыслие	7,27	1,24	Поиск социальной поддержки	23,20	2,79
Фактор G: степень принятия моральных норм	4,34	1,18	Осторожные действия	22,65	3,59
Фактор H: смелость	6,15	1,35	Импульсивные действия	22,30	4,16
Фактор I: реализм – сензитивность	5,63	1,68	Избегание	16,52	2,95
Фактор J: неврастения	4,73	1,03	Манипулятивные действия	19,72	4,36
Фактор O: самоуверенность – склонность к чувству вины	5,11	1,07	Асоциальные действия	21,07	2,67
Фактор Q2: степень групповой зависимости	4,95	1,31	Агрессивные действия	21,65	3,53
Фактор Q3: степень самоконтроля	4,29	1,31	Правовой реализм	1,89	0,74
Фактор Q4: степень внутреннего напряжения	5,61	1,63	Правовой скептицизм	3,71	1,67
Адаптивность	81,67	20,64	Правовой конформизм	2,11	1,01
Деадаптивность	160,93	21,70	Правовой цинизм	3,83	1,33
Ведомость	19,75	8,36	Правовой фетишизм	1,90	0,77
Принятие себя	47,39	10,04	Правовой инфантилизм	2,93	1,59
Непринятие себя	24,09	6,15	Правовой идеализм	1,71	0,70
Принятие других	23,48	5,39	Правовой нигилизм	2,86	1,60
Непринятие других	17,37	5,65	Познание как ценность	4,95	1,31
Эмоциональный комфорт	14,80	7,87	Я-ценность	5,97	1,43
Эмоциональный дискомфорт	26,54	5,38	Другой-ценность	4,77	1,67

1	2	3	4	5	6
Внутренний контроль	21,27	6,59	Общественно полезная деятельность	4,01	1,45
Внешний контроль	34,07	7,69	Ответственность	3,82	1,64

Коммуникативными свойствами несовершеннолетних правонарушителей являются умеренная открытость, склонность к установлению и поддержанию межличностных контактов. В общении с другими людьми они не всегда критичны к своим высказываниям и поведению. Склонны к групповой деятельности, открыты новым впечатлениям и характеризуются гибкими установками. Несовершеннолетние правонарушители склонны к самоутверждению, лидерству в лично значимых ситуациях. В иных случаях демонстрируют меньший энтузиазм и влекомы другими людьми. В поведении склонны к смелым авантурным поступкам, небрежному отношению к социальным и иным нормам. Не всегда откликаются на сигналы опасности, в связи с чем могут попасть в неприятную ситуацию. Стремятся к новым впечатлениям, в деятельности растрачивают свой потенциал на лишние разговоры. Несовершеннолетние правонарушители предпочитают принимать решения и действовать в группе, любят внимание, эгоцентричны, демонстративны. Им свойственны активность и энергичность, но не хватает решительности. Характерны высокая степень принятия групповых норм и оценок, конформность.

Эмоциональными свойствами несовершеннолетних правонарушителей являются эмоциональная неустойчивость, повышенная чувствительность к влиянию извне. Они раздражительны, импульсивны, склонны избегать требований окружающей среды, эмоционально возбудимы. Характерны низкая толерантность к фрустрации, нетерпеливость, что проявляется в потребности к немедленному решению проблем и удовлетворению желаний. Им присущи самодемонстрация, самоуверенность, эгоцентризм, склонность к формированию чувства обиды и ревности. Несовершеннолетние правонарушители испытывают негативные чувства в ситуации ограничений, длительной монотонии.

В структуре личностных свойств несовершеннолетних правонарушителей ярко выражены черты импульсивности, активности, легкомыслия. Они возбудимы, нетерпеливы, мотивированы на успех, авантурны, социально смелы, уверены в себе. В эмоциональных проявлениях характерны живость и непосредственность. Несмотря на достаточно развитые организаторские способности, не могут доводить начатое дело до конца, предпочитая переключаться на иное занятие. В деятельности зачастую небрежны, что приводит к игнорированию опасных сигналов. Наибольшая продуктивность наблюдается в творческой деятельности, креативны, артистичны.

Регуляторными свойствами несовершеннолетних правонарушителей выступают тенденции к избеганию ответственности как в деятельности, так и в межличностных отношениях, нетерпеливость, капризность, несамостоятельность и зависимость от помощи других. Несовершеннолетние правонарушители

характеризуются невысокой степенью принятия моральных норм. Они ненастойчивы в достижении целей, предпочитают обходить правила и требования, необязательны, характеризуются низкой ответственностью. Им свойственны эгоистичность и самовлюбленность. Волевой самоконтроль несовершеннолетних правонарушителей развит недостаточно, что приводит к импульсивности, непоследовательности, склонности к совершению ошибок, игнорированию социальных требований в их поведении.

Характеризуя адаптивные способности несовершеннолетних правонарушителей, следует отметить их недостаточную степень адаптации к существованию в обществе при общей удовлетворенности особенностями своего характера, умеренной потребности во взаимодействии с другими людьми. Им свойственно в большей мере позитивное эмоциональное отношение к действительности. Для них не характерно принимать на себя ответственность за происходящие с ними события, напротив, они стремятся к избеганию личной ответственности в проблемных ситуациях.

Анализируя данные изучения сознательных механизмов совладания несовершеннолетних правонарушителей со стрессом, мы наблюдаем низкую конструктивность их копинг-стратегий. Высокой выраженностью при совладании с трудными жизненными ситуациями у несовершеннолетних правонарушителей обладает копинг-стратегия «Импульсивные действия». Импульсивные действия проявляются в склонности действовать по первому побуждению, под влиянием внешних обстоятельств или эмоций, без предварительного обдумывания своих поступков, взвешивания всех «за» и «против» и принятия наиболее целесообразных и обоснованных решений. Выше нормативных значений расположены значения асоциальных стратегий «Агрессивные действия» и «Асоциальные действия». Они проявляются в направленных на других людей действиях, негативных чувствах при неудачах и конфликтах с другими людьми, обвинении окружающих в чем-либо, формировании чувства гнева, раздражения, внутренней напряженности, разочарования и неудовлетворенности. Характерны враждебность, недоверие, разрушение социальных связей, эгоцентризм и стремление быть правым во всем. В системе совладающего поведения у несовершеннолетних правонарушителей среднюю степень выраженности имеют активная стратегия преодоления стрессовых ситуаций «Ассертивные действия», просоциальные стратегии преодоления стрессовых ситуаций «Вступление в социальный контакт» и «Поиск социальной поддержки», пассивные стратегии преодоления стрессовых ситуаций «Осторожные действия» и «Избегание», непрямая стратегия преодоления стрессовых ситуаций «Манипулятивные действия». Таким образом, среди возможностей сознательного совладания со стрессом

несовершеннолетние правонарушители чаще всего избирают стратегии импульсивных, асоциальных и агрессивных действий. Указанные стратегии нельзя рассматривать как оптимальные, они, напротив, способны усугубить конфликтную ситуацию и затруднить решение проблемы.

Ценностная сфера несовершеннолетних правонарушителей представлена незначительной ценностью познания, что выражается в отсутствии стремления осваивать новые виды деятельности, решать познавательные задачи, отрицании ценности ответственности за себя и свой выбор, собственное поведение, поступки, проблемы во взаимоотношениях с другими. Несовершеннолетние правонарушители к себе относятся в большей мере позитивно, интересуются способами самовыражения, к людям также относятся в большей мере внимательно, однако испытывают сложности при учете индивидуальности другого. Стремление приносить пользу обществу выражено средне, значения показателя находятся на нижней границе нормативного диапазона. Несовершеннолетние правонарушители зависимы от поощрений и поддержки, не склонны проявлять инициативу, креативность.

Изучение правосознания несовершеннолетних правонарушителей позволило установить наличие таких дефектов, как инфантилизм (47 %), нигилизм (60 %), скептицизм (35 %), цинизм (38 %). При этом правовой реализм характерен лишь для 20 % несовершеннолетних правонарушителей. Полученные данные указывают на наличие дефектов правовой социализации обследованных лиц, что, на наш взгляд, требует психокоррекционного вмешательства.

На следующем этапе исследования нами установлены значимые связи показателей личностных свойств несовершеннолетних правонарушителей с различными формами дефектов правового сознания (коэффициент корреляции Спирмена). Правовой скептицизм и правовой цинизм несовершеннолетних правонарушителей значимо связаны с их коммуникативной закрытостью ($r = 0,52, p \leq 0,01$), стремлением доминировать в общении ($r = 0,47, p \leq 0,01$), импульсивностью ($r = 0,42, p \leq 0,01$), возбудимостью ($r = 0,42, p \leq 0,01$), склонностью к авантурным поступкам ($r = 0,39, p \leq 0,01$), ленностью ($r = 0,33, p \leq 0,01$), низкой моральной нормативностью ($r = 0,29, p \leq 0,01$).

Несовершеннолетние, скептически относящиеся к правовым нормам, дезадаптированы, склонны к непринятию других, эмоциональному дискомфорту, экстернальному локус-контролю ($r = 0,42, p \leq 0,01$).

При совладании со стрессом преимущественно используют неадаптивные стратегии избегания асоциальных и агрессивных действий ($r = 0,34, p \leq 0,01$). Правой скептицизм значимо связан с низкой ценностью ответственного отношения к делу и отсутствием уважительного отношения к другим, недостатком умения доброжелательно и конструктивно общаться с ними ($r = 0,29, p \leq 0,01$).

Правовой инфантилизм несовершеннолетних правонарушителей значимо связан с их коммуникативной открытостью ($r = 0,41, p \leq 0,01$), флегматичностью ($r = 0,37, p \leq 0,01$), уступчивостью и навязчивостью в

поведении ($r = 0,36, p \leq 0,01$), легкомыслием ($r = 0,34, p \leq 0,01$), зависимостью от других ($r = 0,33, p \leq 0,01$), ленностью ($r = 0,29, p \leq 0,01$). Несовершеннолетние, проявляющие инфантилизм в отношении к правовым нормам, хорошо адаптированы, склонны к приятию других, испытывают эмоциональный комфорт, ведомы ($r = 0,47, p \leq 0,01$). Правой инфантилизм значимо связан с позитивным отношением несовершеннолетнего к себе ($r = 0,52, p \leq 0,01$).

Правовой нигилизм несовершеннолетних правонарушителей значимо связан с их коммуникативной закрытостью ($r = 0,46, p \leq 0,01$), эмоциональной лабильностью, возбудимостью, сверхактивностью, импульсивностью ($r = 0,37, p \leq 0,01$), низкой моральной нормативностью ($r = 0,29, p \leq 0,01$). Несовершеннолетние, проявляющие нигилизм, дезадаптированы ($r = 0,31, p \leq 0,01$), склонны к принятию себя при одновременном непринятии других ($r = 0,31, p \leq 0,01$), эмоциональному дискомфорту ($r = 0,29, p \leq 0,01$), экстернальному локус-контролю ($r = 0,28, p \leq 0,01$) и неконформизму ($r = 0,28, p \leq 0,01$). При совладании со стрессом преимущественно используют неадаптивную стратегию агрессивных действий ($r = 0,29, p \leq 0,05$). Правой нигилизм значимо связан с низкой ценностью ответственного отношения к делу, нежеланием заниматься общественно полезной деятельностью и отсутствием уважительного отношения к другим, недостатком умения доброжелательно и конструктивно общаться с ними ($r = 0,43, p \leq 0,01$).

Выводы

Таким образом, эмпирическое исследование личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей позволило выявить характерные для них эмоциональную лабильность, импульсивность, возбудимость, низкую нормативность поведения в сочетании с недостатком самоконтроля и экстернальностью. Коммуникативные программы требуют психокоррекционного вмешательства, как и стратегии совладающего поведения, которые проявляются неконструктивным, агрессивным, асоциальным и импульсивным поведением.

В сфере правосознания несовершеннолетних правонарушителей установлены дефекты правовой социализации в форме правового скептицизма, цинизма, нигилизма и инфантилизма. При этом несовершеннолетние правонарушители, отвергающие право, эмоционально нестабильны, коммуникативно закрыты, экстернальны и дезадаптированы, в то время как несовершеннолетние правонарушители, относящиеся к праву инфантильно, коммуникативно открыты, адаптированы к окружающей среде, отличаются конформностью и ведомостью.

Проведенное исследование позволяет расширить имеющиеся представления о роли личностных особенностей в формировании дефектов правовой социализации несовершеннолетних правонарушителей. Выявленные характеристики способствуют разработке психокоррекционных программ, адаптированных в зависимости от формы дефектности правовой социализации, что, по нашему мнению, будет эффективным средством недопущения дальнейших правонарушений со стороны несовершеннолетних.

Полученные результаты будут положены в основу разработки и апробации психокоррекционных программ с учетом формы дефектности правовой социализации несовершеннолетних правонарушителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // МВД России : офиц. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 10.03.2023).
2. Милевич К. С. К вопросу о превенции дефектов профессиональной социализации старшеклассников // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2011. № 7. С. 75–80.
3. Бакиров Р. Т. Организованная преступность в молодежной среде как дефект социализации в процессе образования // Современное профессиональное образование: проблемы, прогнозы, решения : сб. докл. междунар. науч.-практ. заоч. конф. (Казань, 16 мая 2016 г.) / под науч. ред. Ф. Ш. Мухаметзяновой. Казань, 2016. С. 201–204.
4. Бочков А. А. Дефекты правовой социализации несовершеннолетних правонарушителей // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». 2009. Т. 8. С. 50–62.
5. Руденский Е. В. Дефект социализации личности как базовая категория виктимологии образования : моногр. Новосибирск, 2004. 119 с.
6. Гаджиева Х. И. Криминогенность дефектов правовой социализации подростков в школе // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5 (84). С. 260–261.
7. Пичугин В. Г., Коробанова Ж. В. Феномен маргинальной личности в социальной среде // International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии. 2022. Т. 5, № 3. С. 76–81.
8. Романенко К. А. Психологические аспекты дефектов правовой социализации личности // Ломоносов – 2019 : материалы XXVI междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2019» (Севастополь, 3–5 апреля 2019 г.) / под ред. О. А. Шпырко, В. В. Хапаева, С. И. Рубцовой. Севастополь, 2019. С. 169–171.
9. Борисова С. Е. Правовая социализация личности как феномен правовой психологии // Психология и право. 2016. Т. 6, № 4. С. 5–15.
10. Усимова И. П. Правовая социализация личности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 208 с.
11. Сухарев А. А. Психологические аспекты исследования проблем правовой социализации // Проблемы формирования правовой культуры молодежи на современном этапе : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Витебск, 24–25 апреля 2009 г.) / редкол.: А. А. Бочков (отв. ред.) [и др.]. Витебск, 2009. С. 251–252.
12. Злоказов К. В., Ильянкова Е. И. Роль особенностей личности в репрезентации несовершеннолетними регламентированного социального пространства // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 81–90.
13. Злоказов К. В., Ильянкова Е. И., Рожков А. А. Влияние представления о социальном пространстве на оценку преступления несовершеннолетними // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 15–26.
14. Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии. 2-е изд., перераб. М., 2010. 639 с.
15. Ильянкова Е. И., Морозов А. В. Влияние личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей на представления о собственном будущем // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 4 (239). С. 55–62.

REFERENCES

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2021. *MVD Rossii: ofitsial'nyi sait* [Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (In Russ.). (Accessed March 10, 2023).
2. Milevich K.S. On the issue of the prevention of defects in professional socialization of high school students. *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii = Problems and Prospects of Education Development in Russia*, 2011, no. 7, pp. 75–80. (In Russ.).
3. Bakirov R.T. Organized crime among young people as a defect of socialization in the educational process. In: *Mukhametzyanova F.Sh. (Ed.). Sovremennoe professional'noe obrazovanie: problemy, prognozy, resheniya: sb. dokl. mezhdunar. i nauch.-prakt. zaoch.konf. (Kazan, 16 maya 2016 g.)* [Modern professional education: problems, forecasts, solutions: proceedings of the International research and practice correspondence conference (Kazan, May 16, 2016)]. Kazan, 2016. Pp. 201–204. (In Russ.).
4. Bochkov A.A. Defects of legal socialization of juvenile delinquents. *Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova = Scientific Notes of the Vitebsk State University named after P.M. Masherov*, 2009, vol. 8, pp. 50–62. (In Russ.).
5. Rudenskii E.V. *Defekt sotsializatsii lichnosti kak bazovaya kategoriya viktimologii obrazovaniya: monogr.* [The defect of socialization of personality as a basic category of victimology of education: monograph]. Novosibirsk, 2004. 119 p.
6. Gadzhieva Kh.I. Criminogenicity of defects in legal socialization of adolescents at school. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Legal Journal*, 2015, no. 5 (84), pp. 260–261. (In Russ.).
7. Pichugin V.G. The phenomenon of marginal personality in the social environment. *Mezhdunarodnyi zhurnal meditsiny i psikhologii = International Journal of Medicine and Psychology*, 2022, vol. 5, no. 3, pp. 76–81. (In Russ.).
8. Romanenko K.A. Psychological aspects of defects in legal socialization of personality. In: Shpyrko O.A., Khapaev V.V., Rubtsova S.I. (Eds.) *Lomonosov-2019: materialy XXVI mezhdunar. nauch. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Lomonosov-2019", (Sevastopol', 3–5 aprelya 2019 goda)* [Lomonosov-2019: proceedings of the 26th International scientific conference of students, postgraduates and young scientists "Lomonosov-2019" (Sevastopol, 3–5 April, 2019)]. Sevastopol, 2019. Pp. 169–171. (In Russ.).
9. Borisova S.E. Legal socialization of personality. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 5–15. (In Russ.).

10. Usimova I.P. *Pravovaya sotsializatsiya lichnosti: dis. ...kand. yurid. nauk* [Legal socialization of personality: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2007. 208 p.
11. Sukharev A.A. Psychological aspects of the study of the problems of legal socialization. In: Bochkov A.A. (Ed.). *Problemy formirovaniya pravovoi kul'tury molodezhi na sovremennom etape: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Vitebsk, 24–25 aprelya 2009 g.)* [Problems of the formation of legal culture of youth at the present stage: proceedings of the International scientific and practical conference, Vitebsk, April 24–25, 2009]. Vitebsk, 2009. Pp. 251–252. (In Russ.).
12. Zlokazov K.V., Il'yankova E.I. The role of personality traits in the representation of regulated social space by adolescents. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*, 2020, no. 3, pp. 81–90. (In Russ.).
13. Zlokazov K.V., Il'yankova E.I., Rozhkov A.A. The impact of the representation of social space on the perception of crime by juvenile. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 15–26. (In Russ.).
14. Enikeev M.I. *Yuridicheskaya psikhologiya. S osnovami obshchei i sotsial'noi psikhologii* [Legal psychology. With the basics of general and social psychology]. Moscow, 2010. 639 p.
15. Il'yankova E.I., Morozov A.V. The influence of personality characteristics of juvenile delinquents on ideas about their own future. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2022, no. 4 (239), pp. 55–62. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАРАНОВ – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, Россия, niospba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>
РОМАН НИКИТИЧ ВЕТРЕНКО – адъюнкт кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, Россия, romario-vet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8191-4554>

YURII A. SHARANOV – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor at the Department of Legal Psychology of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, niospba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>
ROMAN N. VETRENKO – Adjunct at the Department of Legal Psychology of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, romario-vet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8191-4554>

Статья поступила 04.08.2023

Научная статья

УДК 159.9:343.8

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.010

Особенности проявлений агрессивного поведения осужденных мужского пола различного социального статуса

ИРИНА ВАЛЕРЬЯНОВНА ЧЕРЕМИСОВААкадемия ФСИН России, Рязань, Россия, irinarusa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>**ЮЛИЯ ИВАНОВНА ФЕЩУК**

ИК-6 УФСИН России по Рязанской области, Стенькино, Рязанская область, Россия, tvi19762010@mail.ru

Реферат

Введение: в статье представлено эмпирическое исследование взаимосвязи проявлений агрессивного поведения осужденных мужского пола с их социальным статусом в исправительном учреждении. *Цель:* выявить типологические особенности проявлений агрессивного поведения осужденных с различным социальным статусом для разработки психокоррекционной программы с учетом этих особенностей. *Методы:* в исследовании использовались методы теоретического, теоретико-прикладного качественного анализа, обобщения; анализ личных дел осужденных; анкетный опрос; опрос экспертов-сотрудников для получения информации о социальном статусе респондентов, их взаимоотношениях с другими осужденными и администрацией учреждения. Для диагностики агрессивного поведения осужденных различного социального статуса был использован комплекс психодиагностических методик. *Результаты:* на основании анализа личных дел, анкетного опроса осужденных и мнения экспертов-сотрудников учреждения были определены пять групп осужденных. Респонденты, включенные в определенную группу, имели схожие индивидуально-психологические характеристики. Анализ результатов диагностического исследования позволил выявить типологические особенности поведения осужденных мужского пола, имеющих различный социальный статус в исправительном учреждении. *Выводы:* агрессивное поведение осужденных в местах лишения свободы проявляется в физической, эмоциональной, предметной, вербальной агрессии и аутоагрессии. Разработанный психодиагностический комплекс исследования агрессивного поведения осужденных мужского пола может быть использован пенитенциарными психологами. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение особенностей диагностики и коррекции агрессивного поведения осужденных в зависимости от пенитенциарного статуса, гендерной принадлежности, возраста.

Ключевые слова: агрессивное поведение осужденных; осужденные мужского пола; социальный статус осужденных; диагностика агрессивного поведения; типологические особенности поведения; психологическая характеристика осужденных; виды агрессии осужденных.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Черемисова И. В., Фещук Ю. И. Особенности проявлений агрессивного поведения осужденных мужского пола различного социального статуса // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 427–435. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.010.

Describing Manifestation of Aggressive Behavior of Male Convicts of Various Social Status

IRINA V. CHEREMISOVA

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, irinarusa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>

YULIYA I. FESHCHUK

Correctional Facility No. 6 of the Directorate of the FPS of Russia in the Ryazan Oblast, Sten'kino, Ryazan Oblast, Russia, irinarusa@inbox.ru

Abstract

Introduction: the article presents an empirical study of the relationship between manifestations of aggressive behavior of male convicts and their social status in a correctional institution. *Purpose:* to identify typical features of manifestations of aggressive behavior of convicts with different social status for the development of a psychocorrection program taking into account these features. *Methods:* the study used methods of theoretical, theoretical and applied qualitative analysis, generalization; analysis of personal files of convicts; questionnaire survey; a survey of expert employees to obtain information about the social status of respondents, their relationships with other convicts and the administration of the institution. A complex of psychodiagnostic techniques was used to diagnose aggressive behavior of convicts of various social status. *Results:* having analyzed personal cases, the questionnaire survey of convicts and points of view of experts – employees of the institution, the authors singled out five groups of convicts. The respondents included in a certain group had similar individual psychological characteristics. The diagnostic study results show typological features of behavior of male convicts of various social status in a correctional institution. *Conclusion:* aggressive behavior of convicts in places of deprivation of liberty manifests itself in physical, emotional, objective, verbal aggression and self-aggression. The developed psycho-diagnostic complex for the study of aggressive behavior of male convicts can be used by penitentiary psychologists. Further research can be directed to the study of the specifics of the diagnosis and correction of aggressive behavior of convicts, depending on the penitentiary status, gender, and age.

Keywords: aggressive behavior of convicts; male convicts; social status of convicts; diagnosis of aggressive behavior; typological features of behavior; psychological characteristics of convicts; aggression types.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Cheremisova I.V., Feshchuk Yu.I. Describing manifestation of aggressive behavior of male convicts of various social status. Penitentiary Science, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 427–435. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.010.

Введение

В условиях изоляции в местах лишения свободы у осужденных формируются негативные чувства и переживания, которые трансформируются в агрессивное поведение [1–3]. На фоне низкого уровня адаптации к новым условиям наиболее приемлемой формой для самозащиты выступает агрессивное поведение, которое ориентировано на причинение вреда другому человеку и которое часто является следствием социального научения [4; 5]. В связи с этим одной из основных целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, выступает совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы, направленной на исправление осужденных с учетом их индивидуально-психологических особенностей.

Исследование агрессивного поведения осужденных в зависимости от их социального статуса является важным направлением в деятельности пенитенциарных психологов, ориентированным на исправление осужденных, что способствует их успешной ресоциализации после освобождения и профилактике деструктивных изменений и рецидива преступности [2; 6–11].

Субъектами агрессивного поведения в местах лишения свободы выступают осужденные, которые находятся в состоянии стресса и имеют посттравматический синдром от попадания в условия изоляции; осужденные с психопатическими отклонениями; осужденные, имеющие наркотическую или алкогольную зависимость; осужденные с высоким и средним уровнем криминальной зараженности [3; 6; 7; 11–14].

Диагностика и коррекция агрессивного поведения у осужденных основывается на комплексном изуче-

нии индивидуально-психологических особенностей, учете социального статуса и особенностей этапа отбывания наказания, что способствует повышению эффективности коррекционного воздействия [2; 7; 10; 15; 16].

Исследователи предлагают различные типологии социального статуса осужденных [6; 13; 17]. В нашем исследовании за основу взята типология осужденных в местах лишения свободы в зависимости от их социального статуса в исправительном учреждении и характера межличностных отношений А. П. Евграфова. Она включает группы: актив осужденных; осужденные, вставшие на путь исправления и поддерживающие актив, но ведущие себя пассивно; осужденные, с неустойчивым поведением и допускающие нарушения режима; осужденные, систематически нарушающие дисциплину, не реагирующие на воспитательное воздействие; осужденные-приспособленцы, которые с целью досрочного освобождения внешне ведут себя дисциплинированно и даже участвуют в общественной жизни; религиозные фанатики [17, с. 275].

Цель исследования – выявить особенности проявлений агрессивного поведения осужденных с различным социальным статусом для разработки психокоррекционной программы с учетом этих особенностей.

В соответствии с целью были выдвинуты следующие задачи исследования: проанализировать актуальные подходы к изучению агрессивного поведения в зарубежной и отечественной психологии, исследования различных форм агрессивного поведения у осужденных в пенитенциарной психологии; разработать и апробировать диагностический комплекс по исследованию агрессивного поведения осужденных с учетом их социального статуса в исправительном учреждении; выделить группы осужденных мужского пола в зависимости от их социального статуса в исправительном учреждении; составить психологическую характеристику каждой группы и описать особенности проявлений агрессивного поведения для каждой группы осужденных.

Гипотеза исследования: проявления агрессивного поведения осужденных мужского пола имеют типологические особенности, обусловленные социальным статусом, которые необходимо учитывать при разработке психологической программы коррекции агрессивного поведения.

Исследование проводилось в рамках выпускной квалификационной работы Юлией Ивановной Фещук под научным руководством Ирины Валерьяновны Черемисовой.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 82 осужденных мужского пола ФКЛПУ Б-2 УФСИН России по Рязанской области.

Для решения поставленных задач исследование проводилось с использованием следующих методов: анализ личных дел осужденных (данный метод применялся для выявления особенностей поведения осужденных в период совершения ими преступления, учитывалась степень признания вины и характер совершенного преступления; для изучения поведения в период нахождения осужденных в следственном изо-

ляторе; учитывались результаты судебно-психиатрической экспертизы, которая проводилась в период следствия, а также заключение от психиатра и нарколога и социальная характеристика с места работы/учебы, от соседей); анкетный опрос (был направлен на исследование отношения к администрации учреждения, другим осужденным, а также режиму отбывания уголовного наказания и назначенной судом меры уголовного наказания); опрос экспертов-сотрудников для получения информации о социальном статусе респондентов, их взаимоотношениях с другими осужденными и администрацией учреждения.

Для диагностики готовности к реализации агрессивного поведения осужденных различного социального статуса был применен комплекс психодиагностических методик: «Опросник уровня агрессивности» А. Басса и А. Дарки, «Тест агрессивности» (Л. Г. Почебут), «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев), «Оценка агрессивности в отношениях» А. Ассингера.

Математическая обработка полученных психодиагностических данных проводилась на основе сравнительного анализа показателей с помощью методов математической статистики с использованием критериев значимости Фишера, критерия ранговой корреляции Спирмена, Т-критерия Вилкоксона. Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с помощью компьютерной программы STATISTICA 17.0.1.

Результаты и обсуждение

На основании анализа личных дел осужденных и данных анкетного опроса была составлена социально-демографическая характеристика, в которой обобщена информация об особенностях поведения осужденных в процессе их социализации.

Результаты показали, что средний возраст осужденных составляет 27 лет; большая часть из них (77 %) имеет среднее образование (неполное среднее – 42,1 %, среднее – 34,9 %), высшее – только малая часть осужденных (5,8 %); большинство испытуемых осуждены впервые (64,4 %); судимых родственников имеет почти половина респондентов (48,3 %); до осуждения ранее на учете в уголовно-исполнительной инспекции состояли 37,5 % осужденных, часть из которых (17,2 %) были осуждены условно, к исправительным работам или ограничению свободы (как лица, не достигшие 18 лет); почти половина осужденных (44,1 %) состояла на учете в наркологическом диспансере, в который поступали в состоянии острой интоксикации наркотическими веществами (каннабиноидами, опиумом); больше половины осужденных (66,2 %) не состоят в официальном браке, женаты – 33,6 %; по длительности пребывания в ФКЛПУ Б-2 УФСИН России по Рязанской области: 66,4 % осужденных находятся менее 5 лет, 10,9 % – свыше 10 лет.

Таким образом, на основании результатов анализа личных дел осужденных можно предварительно установить, что факторами, влияющими на формирование и предрасположенность к агрессивному поведению у осужденных, выступают наличие криминального опыта и воздействие психоактивных веществ.

Анализ дисциплинарной практики и опрос экспертов-сотрудников по отношению к осужденным (на основе типологии А. П. Евграфова) позволили выявить группы осужденных в зависимости от их социального статуса в исправительном учреждении: 1) осужденные отрицательной направленности (44,8 %); 2) осужденные, систематически нарушающие дисциплину, не реагирующие на воспитательное воздействие (34,6 %); 3) осужденные с неустойчивым поведением и допускающие нарушения режима (12,9 %); 4) осужденные-приспособленцы, которые с целью досрочного освобождения внешне ведут себя дисциплинированно и даже участвуют в общественной жизни (5,4 %); 5) осужденные, вставшие на путь исправления (2,3 %).

Эти результаты позволяют сделать вывод, что в большинстве случаев осужденные первой (29,3 %) и второй групп (14,5 %) нарушают дисциплину в учреждении. Важно отметить, что данная категория состоит на профилактическом учете как склонная к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка, что подтверждается информацией из программно-технического комплекса автоматизированного картотечного учета спецконтингента (ПТК АКУС).

На основании данных анкетного опроса была получена информация, отражающая отношение осужденных к администрации учреждения, другим осужденным, а также режиму отбывания и назначенной судом меры уголовного наказания. Анализ ответов показал, что чуть больше половины осужденных (56,2 %) положительно относятся к режиму отбывания наказания, условиям в исправительном учреждении и администрации; значительная часть осужденных (74,9 %) отметили, что у них взаимоотношения с другими осужденными и администрацией положительные. Вместе с тем часть осужденных (25,1 %) указали, что между ними и другими осужденными или администрацией наблюдаются конфликтные взаимоотношения, что обусловлено наличием у самих осужденных стресса, раздражения или «придирами» администрации.

По результатам анкетного опроса и уголовно-правовой характеристики был составлен предварительный психологический портрет осужденных в зависимости от их социального статуса в учреждении. Так, для первой группы характерен высокий процент нарушений дисциплины, что связано, по их мнению, с завышенными требованиями к ним представителей администрации. 47 % осужденных этой группы переведены из исправительных колоний для оказания им медицинской помощи. Отбывают уголовное наказание по статьям за преступления против жизни и здоровья или преступления террористической направленности и экстремистской идеологии. Осужденные второй группы периодически нарушают дисциплину в учреждении в целях демонстрации несогласия с какими-либо действиями администрации; отбывают уголовное наказание по статьям за преступления против жизни и здоровья. Осужденные третьей группы периодически допускают нарушения дисциплины по причине конфликтов с администрацией или накопившегося нервного раздражения; отбывают уголовное наказание по статьям за имущественные пре-

ступления, преступления против здоровья населения и общественной нравственности или преступления против жизни и здоровья. Осужденные четвертой группы отличаются стремлением построить положительные взаимоотношения с администрацией, однако, как отмечают сами осужденные, по причине нервного напряжения или раздражительности, обусловленной нахождением в условиях изоляции, нарушают дисциплину; отбывают уголовное наказание за преступления против жизни и здоровья или против здоровья населения и общественной нравственности. Осужденные пятой группы характеризуются значительным количеством нарушений и наличием стремления построить бесконфликтные взаимоотношения с другими осужденными; отбывают уголовное наказание по статьям за преступления против здоровья населения и общественной нравственности или имущественные преступления.

1. Для оценки степени выраженности агрессивных и враждебных реакций каждой группы осужденных был использован «Опросник уровня агрессивности» Басса – Дарки. Анализ результатов позволил сделать вывод, что для осужденных в зависимости от их социального статуса характерны различные формы проявления агрессии.

Так, для первой группы осужденных характерны: физическое, косвенное, вербальное проявление агрессии. Выявлена статистическая значимость различий ($p \geq 0,005$) между шкалами «раздражение» и «вербальная агрессия»; «подозрительность», «косвенная агрессия» и «чувство вины». В ходе анализа корреляционной связи между шкалами «раздражение» и «вербальная агрессия» было установлено, что для осужденных данной группы свойственно выражение негативных чувств через содержание словесных ответов на повышенных тонах, что относится к высокой степени предрасположенности к агрессивному поведению. Анализ корреляционной связи между шкалами «подозрительность», «косвенная агрессия» и «чувство вины» показал, что у осужденных наблюдается высокий уровень уверенности в том, что другие люди могут причинить им вред. Они готовы продемонстрировать свою силу в форме косвенной агрессии как агрессии, направленной на другой объект, что сочетается с низкой степенью чувства вины и жалости по отношению к объекту агрессии.

Для осужденных второй группы свойственна физическая и вербальная агрессия. Выявлена статистическая значимость различий ($p \geq 0,005$) между шкалами «физическая агрессия», «подозрительность» и «обида», что обуславливает предрасположенность к использованию физической силы, наблюдается импульсивное поведение даже при малейшем возбуждении на основе недоверия, зависти, ненависти к окружающим.

Осужденные третьей группы также могут проявлять физическую агрессию, поскольку выявлена статистическая значимость различий ($p \geq 0,01$) между шкалами «физическая агрессия», «обида» и «чувство вины». Однако после реализации агрессивного поведения они испытывают жалость по отношению к объекту агрессии и угрызения совести.

У осужденных четвертой группы преобладает вербальное выражение агрессии. Выявленная статистическая значимость различий ($p \geq 0,01$) между шкалами «раздражительность», «обида» и «вербальная агрессия» демонстрирует предрасположенность к выражению негативных чувств через словесные ответы на повышенных тонах, основанных на зависти или ненависти к окружающим в результате причинения мнимого или реального вреда. Однако важно отметить, что высокие значения по шкале «чувство вины» свидетельствуют об угрызениях совести после реализации вербальной агрессии.

Для осужденных пятой группы свойственно косвенное выражение агрессии, что проявляется в форме ненаправленной агрессии. Выявлена статистическая значимость различий ($p \geq 0,01$) между шкалами «косвенная агрессия» и «чувство вины», что свидетельствует о низкой степени предрасположенности к агрессивному поведению в косвенном выражении

агрессии, однако при его реализации осужденные склонны испытывать угрызения совести и жалость к жертве агрессии.

Таким образом, в результате применения «Опросника уровня агрессивности» Басса – Дарки было установлено, что для осужденных первой группы характерна высокая степень предрасположенности к агрессивному поведению, для второй и третьей, а также четвертой – средняя степень, для осужденных пятой группы – низкая.

В связи с этим наблюдаются общие характеристики для каждой из выделенных групп: у первой и второй групп осужденных отмечается высокий уровень выраженности обиды, а у третьей и четвертой – средний уровень раздражительности и низкая степень выраженности косвенной агрессии. Также у осужденных четвертой и пятой групп осужденных установлен низкий уровень вербальной агрессии (диагр. 1).

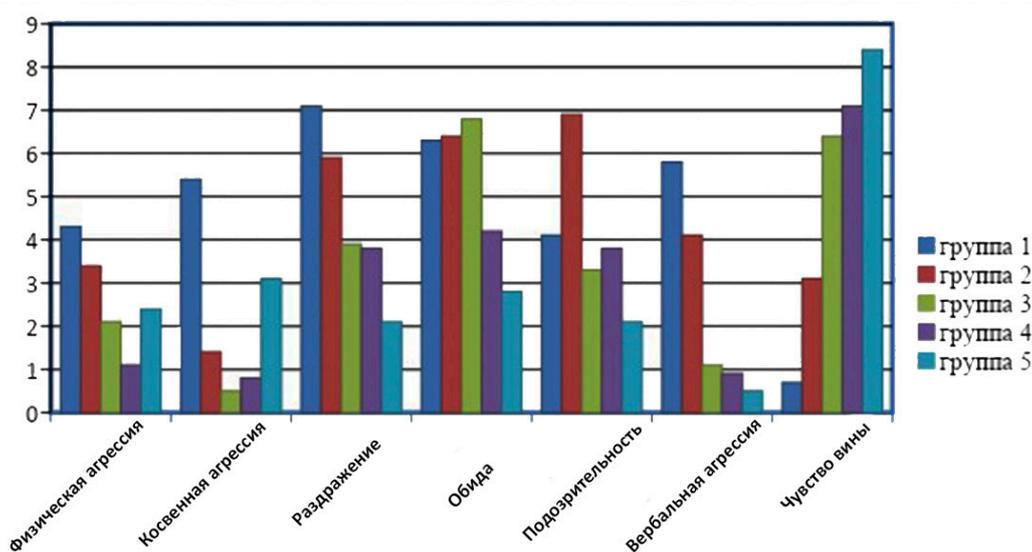

Диаграмма 1. Средние значение показателей по шкалам «Опросника уровня агрессивности» Басса – Дарки

Примечание: группа 1 – осужденные отрицательной направленности; группа 2 – осужденные, систематически нарушающие дисциплину, не реагирующие на воспитательное воздействие; группа 3 – осужденные, с неустойчивым поведением и допускающие нарушения режима; группа 4 – осужденные-приспособленцы, которые с целью досрочного освобождения внешне ведут себя дисциплинированно и даже участвуют в общественной жизни; группа 5 – осужденные, вставшие на путь исправления.

2. В целях оценки степени выраженности агрессивности и адаптационного потенциала личности был применен «Тест агрессивности» (Л. Г. Почебут). Было выявлено, что для каждой группы осужденных в зависимости от их социального статуса характерны определенные варианты выражения агрессии, что влияет на их адаптационных потенциал.

Так, у первой группы осужденных выявлен высокий уровень физической, предметной и эмоциональной агрессии, что выражается в применении физической силы по отношению к другому человеку или предмету на основании сформированного эмоционального

отчуждения от других людей, сопровождаемой восприятием враждебности и недоброжелательности окружающих. Таким образом, агрессия для первой группы выступает в качестве приемлемого способа адаптации в социальном окружении, который базируется на самозащите от неблагоприятных факторов внешней среды.

У второй группы осужденных средняя степень выраженности предметной, вербальной и эмоциональной агрессии, что проявляется в оскорблениях по отношению к обидчику, однако физические действия направлены на окружающие предметы.

Для третьей группы осужденных свойственны предметная агрессия и самоагрессия, выражающиеся в том, что при реализации агрессивного поведения на окружающие предметы у данной категории осужденных возникают угрызения совести и самообвинение, на основании которых повышается нервное напряжение. В свою очередь неустойчивые осужденные способны на словесное выражение агрессии, что снижает нервное напряжение.

Для осужденных четвертой группы свойственны вербальная и эмоциональная агрессия, что проявляется в форме словесных оскорблений в адрес обидчика.

У пятой группы осужденных наблюдаются эмоциональная агрессия и самоагрессия, для них характерны ослабленные механизмы психологических

защит, эмоциональное отчуждение, ощущение недоброжелательности со стороны других людей и самообвинение, что отражает снижение в стрессовой, или фрустрирующей, ситуации адаптации к условиям в учреждении до низкой степени, что, возможно, обуславливает их пассивное поддержание действий и поступков активных осужденных.

В связи с этим наблюдаются общие характеристики для каждой из выделенных групп: у первой, третьей и пятой групп осужденных отмечается средний уровень выраженности предметной агрессии, у осужденных четвертой и пятой – низкий уровень физической агрессии. Однако для первой и четвертой групп характерен высокий уровень эмоциональной агрессии; высокий уровень самоагрессии выявлен у осужденных четвертой и пятой групп (диагр. 2).

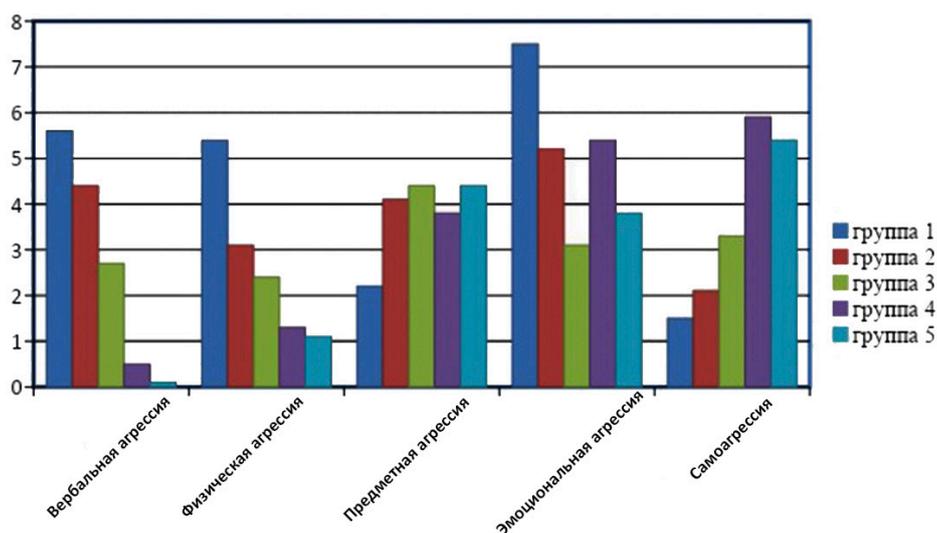

Диаграмма 2. Средние значения показателей по шкалам «Теста агрессивности» (Л. Г. Почебут)

Примечание: группа 1 – осужденные отрицательной направленности; группа 2 – осужденные, систематически нарушающие дисциплину, не реагирующие на воспитательное воздействие; группа 3 – осужденные, с неустойчивым поведением и допускающие нарушения режима; группа 4 – осужденные-приспособленцы, которые с целью досрочного освобождения внешне ведут себя дисциплинированно и даже участвуют в общественной жизни; группа 5 – осужденные, вставшие на путь исправления.

3. Для установления склонности к конфликтности и агрессивности использовалась методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев). Исследование показало, что для осужденных первой группы характерны вспыльчивость, обидчивость, неуступчивость и нетерпимость; для второй группы – обидчивость, вспыльчивость и мстительность; для третьей группы – нетерпимость и вспыльчивость; для четвертой группы – вспыльчивость, обидчивость, наступательность и неуступчивость; для пятой группы – подозрительность и обидчивость.

Так, для осужденных первой группы характерны конфликтность и негативная агрессивность, которая выражается в форме активных действий или словесных выражений, приносящих дискомфорт другим людям. Выявлена статистическая значимость различий ($p \geq 0,01$) между шкалами «вспыльчивость», «обидчивость» и «бескомпромиссность», что отра-

жает совершение импульсивных действий и поступков на фоне нервного напряжения, полученного в результате несогласия других осужденных со взглядами, действиями и поступками данной категории осужденных.

Для осужденных второй группы характерна конфликтность, которая выражается в высокой провокации конфликтных ситуаций и легкости вовлечения в них. Выявленная статистическая значимость различий ($p \geq 0,005$) между шкалами «обидчивость», «вспыльчивость» и «мстительность» свидетельствует о стремлении разрешить конфликтную ситуацию всеми возможными способами в целях наказания обидчика.

У осужденных третьей группы наблюдается средняя степень конфликтности, что проявляется в форме легкого вовлечения в конфликтные ситуации, однако провокаторами данные осужденные не выступают.

Для осужденных четвертой группы свойственна позитивная агрессивность, которая служит инструментом для достижения желаемой цели (получения условно-досрочного освобождения), что сочетается с низкой степенью конфликтности. Выявлена статистическая значимость различий ($p \geq 0,005$) между шкалами «наступательность» (напористость), «вспыльчивость» и «неуступчивость», что проявляется в форме переориентации своей агрессии в социально желательную форму поведения (выполнение требований администрации, соблюдение правил внутреннего распорядка, участие в различных мероприятиях), а также стремления идти на уступки, выражающегося в нежелании отстаивать свою точку зрения, если другие с ней не согласны.

У осужденных пятой группы наблюдается низкая степень агрессивности и конфликтности, что проявляется в форме пассивной позиции, проявляющейся

в нежелании участвовать в конфликтных ситуациях и выражать агрессию.

Анализ результатов по методике «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев) позволил сделать вывод, что для осужденных первой группы характерны негативная агрессивность и конфликтность; для второй группы – повышенная конфликтность; для третьей группы – средняя степень конфликтности; для четвертой группы – позитивная агрессивность; для пятой группы – стремление к избеганию конфликтов и низкая степень агрессивности.

Кроме того, особо отметим высокие показатели вспыльчивости осужденных первой, второй и третьей групп; наступательности четвертой группы; обидчивости первой и второй групп; мстительности второй группы; нетерпимости первой группы; подозрительности пятой группы (диагр. 3).

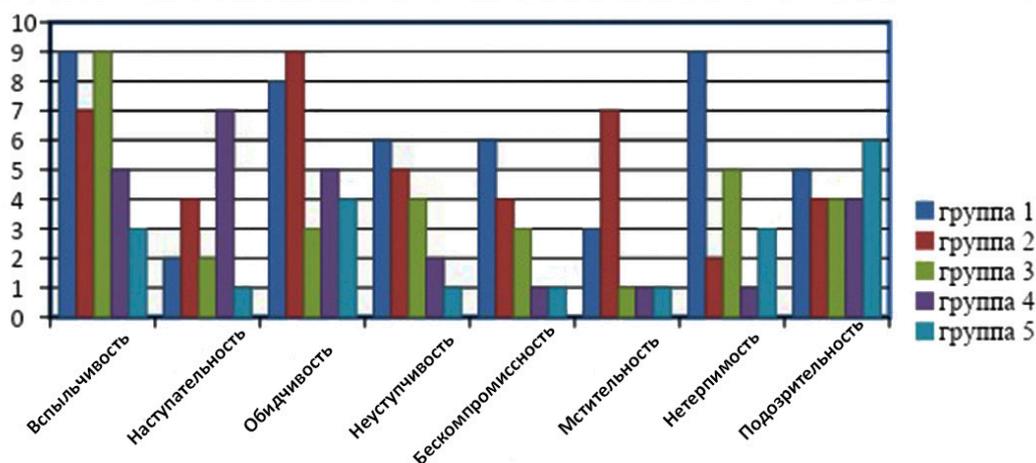

Диаграмма 3. Средние значения показателей по шкалам методики «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев)

Примечание: группа 1 – осужденные отрицательной направленности; группа 2 – осужденные, систематически нарушающие дисциплину, не реагирующие на воспитательное воздействие; группа 3 – осужденные, с неустойчивым поведением и допускающие нарушения режима; группа 4 – осужденные-приспособленцы, которые с целью досрочного освобождения внешне ведут себя дисциплинированно и даже участвуют в общественной жизни; группа 5 – осужденные, вставшие на путь исправления.

4. Анализ результатов по методике «Оценка агрессивности в отношениях» А. Ассингера показал, что для первой и второй групп осужденных свойственна высокая степень агрессивности, что проявляется в неуравновешенности и проявлении жестокости по отношению к другим людям. Показатели пятой группы осужденных соответствуют низкой степени агрессивности, выражающейся в миролюбивой позиции, основанной на неуверенности в собственных силах. Средняя степень агрессивности характерна для третьей и четвертой групп осужденных.

Кроме того, было выявлено, что в агрессивном поведении у всех испытуемых выборки проявляются вспыльчивость, мнительность или подозрительность,

что сочетается с нетерпимостью и зависит от уровня конфликтности.

Выводы

Результаты проведенного теоретико-экспериментального исследования особенностей проявления агрессивного поведения осужденных в зависимости от социального статуса позволяют сделать следующие выводы.

Агрессивное поведение осужденных в местах лишения свободы реализуется в формах эмоциональной, предметной, физической, вербальной агрессии и аутоагрессии. Проявления агрессивного поведения осужденных мужского пола имеют типологические особенности в зависимости от их социального статуса в исправительном учреждении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арапова А. С. К вопросу о психопрофилактике у осужденных деструктивных последствий пребывания в СИЗО // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 10. С. 5–8.
2. Ермакова В. Г., Аксенова П. Ю. Психокоррекция агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках лишения свободы // *NovalInfo.Ru*. 2019. № 104-1. С. 125–126.
3. Марфель Е. И. Особенности агрессивного поведения осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями условий отбывания наказания // *Наука глазами молодежи: проблемы и перспективы* : сб. науч. ст. Вологда, 2019. С. 141–146.
4. Гнидин О. П. Психологические особенности агрессивности и ее профилактика у субъектов из различных социальных сред : дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2008. 271 с.
5. Михайлов А. Н., Сараева Е. В., Соколова А. О. Взаимосвязь агрессивности и саморегуляции у осужденных // *Прикладная психология и педагогика*. 2018. Т. 3, № 3. С. 1–6.
6. Диденко А. В., Писарев О. М., Мальцев Е. А. Особенности динамики социального статуса осужденных с расстройствами личности в процессе отбывания уголовных наказаний в местах лишения свободы // *Тюменский медицинский журнал*. 2011. № 1. С. 5–8.
7. Недялкова Й. М. Индивидуальные особенности личности осужденного (результаты психологического исследования) // *Пенитенциарная наука*. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 321–327.
8. Сысоев А. М. Психология аутоагрессивного поведения осужденных и его предупреждение : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2002. 192 с.
9. Федотова С. В. Восприятие социального статуса личности в современном российском обществе : дис. ... канд. психол. наук. М., 2016. 370 с.
10. Штефан Е. Ф. Психокоррекция агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках отбывания наказания : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2008. 194 с.
11. Щербача С. А. Влияние агрессивности личности на ее отношение к правонарушениям : дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2003. 150 с.
12. Булатчик Э. П. Особенности агрессивных лиц, совершивших убийство : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 205 с.
13. Кадырова Э. З. Клинико-психологические особенности криминальной агрессии в структуре психопатоподобного изменения личности у осужденных мужчин вследствие алкогольной и наркотической зависимости : дис. ... канд. мед. наук. Уфа, 2000. 201 с.
14. Тевосян Н. Р. Самосознание лиц, склонных к инструментальной агрессии : дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 211 с.
15. Михайлова О. Б., Сафи С. М., Шептура А. В. Агрессивность личности: основные подходы и перспективы в изучении // *Мир науки*. 2017. Т. 5, № 6. С. 1–7.
16. Пенитенциарная психология: психологическая работа с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы : учеб. пособие для вузов / В. М. Поздняков [и др.] ; под общ. ред. В. М. Позднякова. М., 2023. 222 с.
17. Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Основы пенитенциарной психологии : учеб. для общеобразоват. учреждений М-ва юстиции Рос. Федерации. Рязань, 2001. 536 с.

REFERENCES

1. Arapova A.S. Concerning to the problem of the convicted psychoprophylaxis of stay in a remand prison. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 10, pp. 5–8. (In Russ.).
2. Ermakova V.G., Aksenova P.Yu. Psychocorrection of aggressive behavior of male convicts during long periods of imprisonment. *NovalInfo.Ru*, 2019, no. 104–1, pp. 125–126. (In Russ.).
3. Marfel E.I. Features of aggressive behavior of convicted men who are malicious violators of the conditions of serving punishment. In: *Nauka glazami molodezhi: problemy i perspektivy: sb. nauch. st.* [Science through the eyes of youth: problems and prospects: collection of scientific articles]. Vologda, 2019. Pp. 141–146. (In Russ.).
4. Gnidin O.P. *Psikhologicheskie osobennosti agressivnosti i ee profilaktika u sub"ektov iz razlichnykh sotsial'nykh sred: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological features of aggressiveness and its prevention among subjects from various social environments: Candidate of Science (Psychology) dissertation]. Stavropol, 2008. 271 p.
5. Mikhailov A.N., Saraeva E.V., Sokolova A.O. Vzaimosvyaz' agressivnosti i samoregulyatsii u osuzhdennykh. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika = Applied Psychology and Pedagogy*, 2018, vol. 3, no. 3, pp. 1–6. (In Russ.).
6. Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tsev E.A. Features of the dynamics of the social status of convicts with personality disorders in the process of serving criminal sentences in places of deprivation of liberty. *Tyumenskii meditsinskii zhurnal = Tyumen Medical Journal*, 2011, no. 1, pp. 5–8. (In Russ.).
7. Nedyalkova I.M. Individual features of the convict's personality (results of a psychological research). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 321–327. (In Russ.).
8. Sysoev A.M. *Psikhologiya autoagressivnogo povedeniya osuzhdennykh i ego preduprezhdenie: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychology of self-aggressive behavior of convicts and its prevention: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ryazan, 2002. 192 p.
9. Fedotova S.V. *Vospriyatie sotsial'nogo statusa lichnosti v sovremennom rossiiskom obshchestve: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Perception of the social status of an individual in modern Russian society: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 2016. 370 p.
10. Shtefan E.F. *Psikhokorreksiya agressivnogo povedeniya osuzhden-nykh muzhskogo pola pri dlitel'nykh srokakh otbyvaniya nakazaniya: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychocorrection of aggressive behavior of male convicts during long periods of serving sentences: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ryazan, 2008. 194 p.

11. Shcherbakha S.A. *Vliyanie agressivnosti lichnosti na ee otnoshenie k pravonarusheniyam: dis. ... kand. psikholog. nauk* [The influence of aggressiveness of a person on her attitude to offenses: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Sochi, 2003. 150 s.
12. Bulatchik E. P. *Osobennosti agressivnykh lits, sovershivshikh ubiistvo: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Features of aggressive persons who have committed murder: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Saint Petersburg, 2006. 205 p.
13. Kadyrova E.Z. *Kliniko-psikhologicheskie osobennosti krimi-nal'noi agressii v strukture psikhopatopodobnogo izmeneniya lichnosti u osuzhdennykh muzhchin vsledstvie alkogol'noi i narkoticheskoi zavisimosti: dis. ... kand. med. nauk* [Clinical and psychological features of criminal aggression in the structure of psychopathic personality changes in convicted men due to alcohol and drug addiction: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ufa, 2000. 201 p.
14. Tevosyan N.R. *Samosoznanie lits, sklonnykh k instrumental'noi agressii: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Self-consciousness of persons prone to instrumental aggression: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 2011. 211 p.
15. Mikhailova O.B., Safi S.M., Sheptura A.V. Aggressiveness of personality: basic approaches and prospects in the study. *Mir nauki = The world of Science*, 2017, vol. 5, no. 6, pp. 1–7. (In Russ.).
16. Pozdnyakov V.M. et al. *Penitentsiarnaya psikhologiya: psikhologicheskaya rabota s osuzhdennymi, otbyvayushchimi nakazanie v vide lisheniya svobody: ucheb. posobie dlya vuzov* [Penitentiary psychology: psychological work with convicts serving a sentence of imprisonment: textbook for universities]. Ed. by Pozdnyakov V.M. Moscow, 2023. 222 p.
17. Ushatkov A.I., Kazak B.B. *Osnovy penitentsiarnoi psikhologii: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenii M-va yustitsii Ros. Federatsii* [Fundamentals of penitentiary psychology: textbook]. Ryazan, 2001. 536 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИРИНА ВАЛЕРЬЯНОВНА ЧЕРЕМИСОВА – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии Академии ФСИН России, Рязань, Россия, irinarusa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>

ЮЛИЯ ИВАНОВНА ФЕЩУК – старший инспектор группы социальной защиты и трудового обеспечения осужденных ИК-6 УФСИН России по Рязанской области, п. Стенькино, Рязанская область, Россия, tv19762010@mail.ru

IRINA V. CHEREMISOVA – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of General and Pedagogical Psychology of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, irinarusa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>

YULIYA I. FESHCHUK – Senior Inspector at the Group of Social Protection and Labor Support of Convicts of the Correctional Facility No. 6 of the Directorate of the FPS of Russia in the Ryazan Oblast, Sten'kino, Ryazan Oblast, Russia, tv19762010@mail.ru

Статья поступила 24.08.2023

Научная статья

УДК 378.046.2

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.011

Неформальное обучение начинающих преподавателей вузов ФСИИ России как фактор развития их преподавательских компетенций

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА АЛЕКСАНДРОВА

Вятский государственный университет, Киров, Россия, profaleksandrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2271-3995>

ЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ФАЛЕЕВА

Кировский институт повышения квалификации работников ФСИИ России, Киров, Россия, liyaaleks@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9749-0533>

Реферат

Введение: статья посвящена проблеме неформального обучения в контексте развития преподавательских компетенций начинающих преподавателей вузов ФСИИ России для их профессиональной самореализации и педагогического саморазвития. *Цель:* показать значение и раскрыть потенциал неформального обучения для развития преподавательских компетенций начинающих преподавателей вузов ФСИИ России. *Методы:* теоретический анализ литературы, методы сравнения, классификации, обобщения. *Результаты:* на протяжении всей жизни происходит не только формальное, но и неформальное обучение. Неформальное обучение гарантирует право доступа к образованию всех начинающих преподавателей, рассчитано на любой возраст и не предполагает непрерывную структуру обучения. У начинающих преподавателей вузов ФСИИ России, имеющих юридическое или другое, но не педагогическое образование, возникают определенные сложности в обучении сотрудников, имеющих опыт работы в ведомственной структуре. Развитие преподавательских компетенций начинающих преподавателей можно рассматривать как приобретение новых педагогических навыков и опыта практической деятельности в процессе неформального обучения на рабочем месте, общения с более опытными коллегами, наставниками, руководителями. *Выводы:* неформальное обучение начинающих преподавателей способствует формированию профессионального отношения к педагогической деятельности, повышению самооценки, улучшает осведомленность о педагогическом поведении и особенностях поведения слушателей. Кроме того, чтобы способствовать неформальному обучению начинающих преподавателей, важно обеспечить как личные (самосознание и желание учиться), так и организационные контексты. Неформальное обучение начинающих преподавателей обладает возможностями в совершенствовании преподавательских компетенций.

Ключевые слова: обучение на протяжении всей жизни; неформальное обучение; формальное обучение; начинающие преподаватели; преподавательские компетенции; обучение взрослых.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Александрова Н. С., Фалеева Л. В. Неформальное обучение начинающих преподавателей вузов ФСИИ России как фактор развития их преподавательских компетенций // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 436–441. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.011.

Original article

Informal Learning of Novice Teachers of Higher Education Institutions of the Federal Penitentiary Service as a Factor in the Development of Their Teaching Competencies

NATAL'YA S. ALEKSANDROVA Vyatka State University, Kirov, Russia, profaleksandrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2271-3995>**LIYA V. FALEEVA**The Kirov IPKR of the FPS of Russia, Kirov, Russia, liyaaleks@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9749-0533>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the problem of informal learning in the context of development of teaching competencies of novice teachers of higher education institutions of the Federal Penitentiary Service for their professional self-realization and pedagogical self-development. *Purpose:* to show the importance and identify capacities of informal learning to develop teaching competencies of novice teachers. *Methods:* theoretical analysis of literature, methods of comparison, classification, and generalization. *Results:* not only formal, but also informal education takes place throughout life. Informal learning guarantees the right of access to education for all novice teachers, is designed for any age and does not imply a continuous education structure. Novice teachers of universities of the Federal Penitentiary Service, who have legal or other, but not pedagogical education, have certain difficulties in teaching employees who have experience working in a departmental structure. The development of teaching competencies of novice teachers can be considered as the acquisition of new pedagogical skills and practical experience in the process of informal learning in the workplace, communication with more experienced colleagues, mentors, and managers. *Conclusions:* informal learning of novice teachers contributes to the formation of a professional attitude to pedagogical activity, increases self-assessment, improves awareness of pedagogical behavior and the specifics of students' behavior. In addition, in order to facilitate informal learning of novice teachers, it is important to provide both personal (self-awareness and desire to learn) and organizational contexts. Informal learning of novice teachers can improve teaching competencies.

Keywords: lifelong learning; informal learning; formal learning; novice teachers; teaching competencies; adult education.

5.8.1 General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Aleksandrova N.S., Faleeva L.V. Informal learning of novice teachers of higher education institutions of the Federal Penitentiary Service as a factor in the development of their teaching competencies, *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 436–441. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.011.

Введение

В последние годы научным сообществом переосмысливается ценность обучения на протяжении всей жизни. Эта тенденция принимается во внимание во всем мире при разработке образовательной политики и механизмов для ее реализации. Обучение на протяжении всей жизни описано в резолюциях ЮНЕСКО как целенаправленная учебная деятельность, осуществляемая на постоянной основе с целью совершенствования знаний, навыков и компетенций. Это уже не просто один из аспектов образования и обучения; оно должно стать руководящим принципом обеспечения и участия во всем континуме контекстов обучения. Следовательно, обучение на протяжении всей жизни включает неформальное обучение, приобретаемое на основе опыта, и, следовательно, происходит на протяжении всей профессиональной карьеры [1; 2, с. 5].

В контексте проблемы развития преподавательских компетенций начинающих преподавателей вузов ФСИН России для профессиональной самореализации и педагогического саморазвития неформальное обучение обладает несомненным потенциалом.

Особенности неформального обучения

Неформальное обучение считается дополнительным, альтернативным формальному в рамках процесса обучения на протяжении всей жизни [3]. Неформальное обучение гарантирует право доступа к образованию всех начинающих преподавателей любых возрастов и не предполагает непрерывную структуру обучения: оно может быть непродолжительным, малоинтенсивным и обычно проводится в форме коротких курсов, практикумов или семинарских занятий на рабочем месте [4]. Неформальное обучение начинающих преподавателей в основном ведет к получению знаний, которые не признают-

ся соответствующими государственными органами образования в качестве эквивалентных формальным квалификациям, но специальных курсов по приобретению преподавательских компетенций нет. Неслучайно у начинающих преподавателей вузов ФСИН России, имеющих юридическое или другое, но не педагогическое образование, возникают определенные сложности в обучении сотрудников, имеющих опыт работы в ведомственной структуре.

Прежде всего, в рамках нашей проблемы важно определить, кого мы будем относить к категории «начинающий преподаватель». Возрастные рамки здесь могут быть неограниченными: это может быть молодой по возрасту человек, но недавно пришедший в вуз из уголовно-исполнительной системы и начавший свою преподавательскую деятельность, или недавно выпустившийся из вуза. Некоторые исследователи считают начинающими преподавателями тех, кто преподает в высших учебных заведениях менее четырех лет, в то время как другие исследователи продлевают этот период до пяти–семи лет опыта. Мы

предлагаем относить к категории начинающих преподавателей с опытом преподавания в ведомственном вузе до 7 лет.

Профессиональные компетенции преподавателя

Для организации неформального обучения и определения его ключевых конструктов также важно понимание того, какие преподавательские компетенции необходимо сформировать у начинающих преподавателей ведомственных вузов ФСИН России.

Традиционно профессиональный преподавательский профиль включает три основные функции: преподавание, исследование и администрирование. Сосредоточив внимание на функции преподавания, ученые до сих пор не выработали единого мнения о том, кого считать «хорошим преподавателем». Тем не менее концепция высшего образования, ориентированная на обучение и инновации, не может быть понята без учета профессиональных компетенций преподавателей. Для этого предложим совокупность преподавательских компетенций начинающих преподавателей, определяющих их педагогическое мастерство (табл.).

Таблица

Преподавательские компетенции начинающих преподавателей

Преподавательские компетенции	Показатели
Владение контентом	Знания в дисциплинарной области, понимание ее взаимосвязи с другими областями
Межличностные компетенции	Взаимодействие с обучающимися, мотивация, доверие, эмпатия и этические обязательства
Методологические компетенции	Применение методологических стратегий, которые согласуются с потребностями, контекстом, профессиональным профилем, целями, и оценочная деятельность
Коммуникативные компетенции	Установление эффективной, адекватной коммуникации при контекстуализации ее в различных ситуациях обучения
Планирование обучения и управление	Разработка содержания учебных мероприятий
Оценочные компетенции	Оценка учебно-воспитательного процесса
Компетенции командной работы	Сотрудничество в группе на уровне образовательной организации, института, кафедры
Обучение	Руководство процессом обучения обучающихся путем содействия их автономии
Нововведение	Размышление о собственной практике и осуществление инициатив по улучшению преподавания

Итак, развитие преподавательских компетенций начинающих преподавателей ведомственных вузов ФСИН России определяется как постепенная эволюция в сторону профессионализма, которая усиливает образовательную функцию, сопровождаемую критическим самоанализом. Кроме того, в процесс неформального обучения начинающих преподавателей ведомственных вузов ФСИН России мы включили организационную перспективу, определив фасци-

литаторов и барьеры профессионального развития, которые учитывались в процессе неформального обучения.

Начинающие преподаватели находятся на начальном этапе своей карьеры и сосредоточены на себе; основными их задачами являются овладение предметом и преодоление педагогической неуверенности. Следовательно, развитие преподавательских компетенций начинающих преподавателей мы рас-

сма­три­ва­ем как при­об­ре­те­ние новых пе­да­го­гических на­вы­ков и опы­та прак­тической де­я­тель­ности в про­цес­се не­фор­маль­ного обу­че­ния на ра­бочем мес­те, обу­че­ние в про­цес­се об­ще­ния с бо­лее опы­тными кол­ле­гами, на­став­ни­ками, ру­ко­во­ди­те­лями. Так­же не­фор­маль­ное обу­че­ние пред­по­ла­гает от­сут­ствие си­сте­матического кон­тро­ля, не ре­гла­мен­ти­ро­вано учеб­ной про­грам­мой и не огра­ни­чи­вается опре­деленными сре­дами. На­ми за­фик­си­ро­вано, что на­чи­нающие пре­по­да­ва­тели, уча­ствуя в кол­лек­тивных не­фор­маль­ных учеб­ных ме­ро­прия­ти­ях, бо­лее эф­фек­тивно раз­ви­ва­ют свои пре­по­да­вательские ком­пе­тен­ции.

Про­цесс не­фор­маль­ного обу­че­ния на­чи­нающих пре­по­да­вателей в ве­дом­ствен­ном ву­зе ФСИН Рос­сии пред­по­ла­гал уча­стие пре­по­да­вателя в кол­лек­тивной и ин­ди­ви­ду­альной учеб­ной де­я­тель­ности, та­кой как прак­тика и те­сти­ро­вание, а так­же об­суж­де­ние ре­зуль­та­тов со слу­ша­те­лями и кол­ле­гами. Так, при­мером кол­лек­тивной учеб­ной де­я­тель­ности яв­ляется на­блю­де­ние на­чи­нающего пре­по­да­вателя за бо­лее опы­тными кол­ле­гами в про­цес­се пре­по­да­вания. Ин­ди­ви­ду­альная не­фор­маль­ная учеб­ная де­я­тель­ность пред­по­ла­гает вклю­че­ние на­чи­нающих пре­по­да­вателей в се­те­вые про­фес­си­ональные со­об­ще­ства, со­труд­ни­че­ство и ди­ало­ги с кол­ле­гами.

Не­фор­маль­ное обу­че­ние на­чи­нающих пре­по­да­вателей спо­соб­ствует фор­ми­ро­ванию про­фес­си­онального от­но­ше­ния к пе­да­го­гической де­я­тель­ности, по­вы­ше­нию са­мо­оценки и др. Кро­ме то­го, чтобы спо­соб­ствовать не­фор­маль­ному обу­че­нию на­чи­нающих пре­по­да­вателей, ва­жно обес­печить как лич­ност­ные (са­мо­соз­на­ние и же­ла­ние учить­ся), так и ор­га­ни­за­ци­он­ные кон­тек­сты.

В ра­мках лич­ност­ных кон­тек­стов обра­зо­вательные ор­га­ни­за­ции ФСИН Рос­сии стре­мятся к рас­ши­ре­нию экс­пер­тных зна­ний на­чи­нающих пре­по­да­вателей и прод­ви­же­нию новой мо­де­ли пе­да­го­гической про­фес­сии в со­от­вет­ствии с се­го­дняшней си­ту­а­цией. В ра­мках раз­ви­тия ор­га­ни­за­ци­он­ных кон­тек­стов для ак­ти­ва­ции не­фор­маль­ного обу­че­ния на­чи­нающих пре­по­да­вателей мы ис­поль­зо­вали три ос­нов­ных ком­по­нента: ис­сле­до­вательское обу­че­ние (то есть со­сре­до­та­чи­вали вни­ма­ние на­чи­нающих пре­по­да­вателей на ис­сле­до­ваниях и экс­пе­ри­мен­тах), по­ощ­ре­ние оши­бок (то есть одо­б­ря­ли на­чи­нающих пре­по­да­вателей со­вер­шать оши­бки и учить­ся на них) и эмо­ци­ональный кон­троль (то есть пред­о­став­ление на­чи­нающим пре­по­да­вателям воз­мож­ности управ­лять сво­ими эмо­циями). Так­же ва­жен фак­тор об­рат­ной свя­зи, ко­торый сти­му­ли­рует ак­ти­вное по­ис­ко­вое по­ве­де­ние на­чи­нающего пре­по­да­вателя и его даль­нейшее не­фор­маль­ное обу­че­ние.

В ра­мках не­фор­маль­ного обу­че­ния на­чи­нающие пре­по­да­ватели мо­гли вы­стра­ивать раз­лич­ные стра­те­гии раз­ви­тия пре­по­да­вательских ком­пе­тен­ций, ис­ходя из сво­их ис­ход­ных дан­ных: од­ни стре­мились рас­ши­рить свои зна­ния в дис­ци­п­ли­нар­ной об­ла­сти, вто­рые – улу­чи­шали ком­пе­тен­ции при вза­им­о­дей­ствии с обу­ча­ю­щи­ми­ся, тре­тьи – уде­ляли вни­ма­ние учеб­но­методическим ком­пе­тен­циям и осо­бен­но­стям вос­пи­тательного про­цес­са.

Потенциал неформального обучения

Итак, пере­чис­лим пре­иму­щес­тва не­фор­маль­ного обу­че­ния в раз­ви­тии пре­по­да­вательских ком­пе­тен­ций у на­чи­нающих пре­по­да­вателей. Пер­вое за­ключается в том, что на­чи­нающие пре­по­да­ватели за­ин­те­ресованы учить­ся на­иболее эф­фек­тивным спо­со­бом, пред­по­чи­тают со­сре­до­точить­ся на ключевых мо­мен­тах и по­лу­чать ре­сур­сы для рас­ши­ре­ния сво­их на­вы­ков и спо­соб­ностей.

Второе пре­иму­щес­тво за­ключается в воз­мож­ности обу­че­ния в ин­ди­ви­ду­альном ре­жи­ме. Не­фор­маль­ное обу­че­ние пред­о­став­ляет воз­мож­ность и ре­сур­сы для при­ня­тия ак­ти­вной ро­ли в управ­ле­нии соб­ствен­ным обу­че­нием для га­ран­ти­ро­ванного до­сти­же­ния це­лей.

Третье пре­иму­щес­тво не­фор­маль­ного обу­че­ния со­сто­ит в про­фес­си­ональном вза­им­о­дей­ствии, на­чи­нающих и опы­тных пре­по­да­вателей на рав­ных ус­ло­виях. Каж­дый вно­сит свой вклад в обра­зо­вательный про­цес­с.

И глав­ное пре­иму­щес­тво не­фор­маль­ного обу­че­ния за­ключается в том, что на­чи­нающие пре­по­да­ватели мо­гут са­мо­сто­я­тельно ис­кать воз­мож­ности для обу­че­ния. Спе­ци­алист по обра­зо­ванию взрос­лых Си­рил Хоул вы­де­лил три типа мо­ти­ва­ци­он­ных ори­ен­та­ций у взрос­лых обу­ча­ю­щихся: це­ле­у­стре­мленность, ак­ти­вность и ори­ен­ти­ро­ван­ность на обу­че­ние. Це­ле­на­прав­ленные на­чи­нающие пре­по­да­ватели стре­мятся до­сти­чь кон­крет­ной це­ли, де­я­тель­но­сти­ори­ен­ти­ро­ванные – по­лу­чают удо­воль­ствие от про­цес­са обу­че­ния, вклю­чая со­ци­альную при­роду мно­гих ви­дов пре­по­да­вательского опы­та, а ори­ен­ти­ро­ванные – име­ют вро­жден­ное же­ла­ние учить­ся [5].

После­дую­щие ис­сле­до­ватели стре­мились рас­ши­рить и уточ­нить спи­сок мо­ти­ва­ций С. Хоула. Так, Мор­стейн и С­март (1974) раз­ра­бо­тали мо­ти­ва­ци­он­ные фак­то­ры на ос­нове шкалы уча­стия в обра­зо­вании. На­при­мер: со­ци­альные от­но­ше­ния – ус­та­нов­ле­ние новых зна­комств, со­ци­альное вза­им­о­дей­ствие; внеш­ние ожи­да­ния – ча­сто от на­чи­нающих пре­по­да­вателей тре­буется изу­чать и ос­ва­ивать новые зна­ния; про­фес­си­ональный рост для прод­ви­же­ния по кар­ьер­ной лес­тнице; со­ци­альное обес­печение – же­ла­ние слу­жить дру­гим и об­ще­ству; от­вле­чение/сти­му­ли­ро­вание – обу­че­ние вы­сту­пает тем, чем мож­но за­нять­ся, хобби для не­ко­то­рых; по­зна­вательный ин­те­рес – не­под­дельный ин­те­рес к обу­че­нию ра­ди обу­че­ния [6, с. 52–54; 7].

Та­ким обра­зом, наше ис­сле­до­вание рас­ши­рило пред­став­ле­ния о спе­ци­фике не­фор­маль­ного обу­че­ния на­чи­нающих пре­по­да­вателей ве­дом­ствен­ных ву­зов.

Специфика обучения взрослых обучающихся

Те­о­ретическая ос­нова не­фор­маль­ного обу­че­ния на­чи­нающих пре­по­да­вателей бы­ла вы­стро­ена с уче­том то­го, что они бу­дут обу­чать взрос­лых слу­ша­те­лей и им ва­жно знать спе­ци­фику этой ка­те­го­рии обу­ча­ю­щихся. На­чи­нающие пре­по­да­ватели при этом мо­гут быть младше или ро­вес­ни­ками сво­их по­до­печ­ных.

Од­ним из пер­вых уче­ных, ут­вер­ждавших, что взрос­лые учатся ина­че, чем де­ти, был Мал­кольм Но­улз. Он ис­поль­зо­вал тер­мин «ан­дра­го­гика» для опи­сания ме­то­дов обу­че­ния, ори­ен­ти­ро­ванных на взрос­

лых, а также разработки теории обучения взрослых, основанной на уникальных характеристиках взрослых обучающихся. М. Ноулз проанализировал список уникальных характеристик, которые применимы к взрослым, включая способность к самостоятельному обучению, предпочтительность целеустремленного, актуального и практико-ориентированного обучения, а также наличие богатого жизненного опыта и потребность в самореализации [8]. Взрослые обучающиеся устанавливают связи с предыдущими знаниями и опытом, способны поправлять ошибочные представления, ориентированы на достижение целей, которые могут меняться с течением времени в зависимости от потребностей на разных этапах жизни и часто варьируются от одного взрослого обучающегося к другому.

Взрослые изучают, что наиболее полезно и важно для них в профессиональной деятельности, соответствует их опыту, не любят бессмысленное заучивание тех или иных фактов. Когда актуальность определенной информации может быть неочевидна, указание на то, как или почему это важно, особенно на личном уровне, может помочь привлечь внимание к процессу обучения. Аналогичным образом программы обучения, которые делают задания или темы обязательными для изучения и контроля, могут вызывать недовольство некоторых взрослых участников.

Необходимо в процессе обучения дать возможность участникам делиться примерами из собственного опыта, активно коммуницировать. Преподаватели стремятся задавать тон, при котором ценится вклад всех участников в процесс обучения, фасилитаторы делятся информацией собственных связей с контентом.

Начинающим преподавателям важно учитывать особенности взрослых обучающихся в своей преподавательской деятельности [9].

Итак, в контексте неформального обучения целевые ориентиры могут сильно различаться, поэтому преподавателям важно правильно интерпретировать собственные уникальные цели и понимать потенциальную возможность неформального обучения для

развития преподавательских компетенций. Следовательно, процесс неформального обучения начинающих преподавателей важно организовать с учетом специфики обучения взрослых и создать такую обучающую среду, которая помогает свести к минимуму страх неудач, так как взрослые склонны избегать ситуации неуспеха. Необходимо донести до начинающих преподавателей, что допускать ошибки – это часть обучения. Опытные преподаватели могут помочь начинающим модерировать дискуссии, чтобы участники, чьи взгляды или убеждения отличаются от взглядов их коллег, по-прежнему чувствовали себя частью группы, а не аутсайдерами. Поскольку начинающие преподаватели учатся по-разному и с разной скоростью, важно, чтобы они были внимательны к различиям между слушателями.

Выводы

В последние годы у преподавательского состава образовательных организаций ФСИИ России значительно повысился интерес к высококачественному преподаванию, что ориентирует начинающих преподавателей на постоянное профессиональное развитие. Несомненно, начинающим преподавателям предлагаются варианты официальной подготовки и повышения квалификации, которые по-прежнему являются добровольными и, следовательно, охватывают только небольшой процент преподавателей. В отличие от формального неформальное обучение происходит во время ежедневной педагогической практики на рабочем месте, что предоставляет существенно большие возможности для развития преподавательских компетенций.

Таким образом, следует отметить, что приобретение начинающими преподавателями преподавательских компетенций происходит более эффективно в процессе неформального обучения, так как содержание такого обучения более тесно связано с индивидуальными потребностями преподавателя, является самоуправляемым и саморегулируемым, происходит в индивидуальном темпе, исходя из временных и когнитивных ресурсов личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дресвянников В. А. Андрагогика: принципы практического обучения для взрослых. URL: <https://www.elitarium.ru/obuchenie-princip-znaniya-opyt-celi-potrebnosti-razvitie-andragogika-sposobnosti/> (дата обращения: 23.08.2023).
2. Основы андрагогики / под ред. И. А. Колесниковой. М., 2003. 240 с.
3. Рукавишникова Е. Л. Некоторые аспекты обучения взрослых // Проблемы и перспективы развития образования : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, май 2012 г.). Пермь, 2012. С. 156–158.
4. Глухов В. В., Васецкая Н. О. Смарт-образование как инструмент повышения качества профессиональной подготовки // Вопросы методики преподавания в вузе. 2017. Т. 6, № 21. С. 8–17.
5. Jarvis P. Adult Education and Lifelong Learning: Theory and Practice. 3rd ed. London ; New York, 2004. 382 p.
6. Conner M. L., Clawson J. G. Creating a Learning Culture: Strategy, Technology, and Practice. Cambridge ; New York, 2004. 351 p.
7. Graham S., Weiner B. Theories and principles of motivation // Handbook of educational psychology. New York, 1996. Pp. 63–84.
8. Knowles M. S., Holton III E. E., Swanson R. A. The Adult Learner: The Definitive Classic in Adult Education and Human Resource Development. 6th ed. London ; New York, 2005. 378 p.
9. Алехин И. А., Казакова У. А., Майстренко В. В. Образовательная среда вуза как ресурс научного и профессионально-педагогического развития преподавателя // Мир образования – образование в мире. 2015. № 2 (58). С. 35–39.

REFERENCES

1. Dresvyannikov V.A. *Andragogika: printsipy prakticheskogo obucheniya dlya vzroslykh* [Andragogy: principles of practical training for adults]. Available at: <https://www.elitarium.ru/obuchenie-princip-znanija-opyt-celi-potrebnosti-razvitie-andragogika-sposobnosti/> (accessed August 23, 2023).
2. *Osnovy andragogiki* [Fundamentals of andragogy]. Ed. by Kolesnikova I.A. Moscow, 2003, 240 p.
3. Rukavishnikova E.L. *Some aspects of adult education. In: Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', mai 2012 g.)* [Problems and prospects of education development: materials of the 2nd International science conference (Perm, May 2012)]. Perm, 2012. Pp. 156–158.
4. Glukhov V. V., Vasetskaya, N.O. Smart-education as a tool for improving the quality of vocational training. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze = Teaching Methodology in Higher Education*, 2017, vol. 6, no. 21, pp. 8–17. (In Russ.).
5. Jarvis P. *Adult education and lifelong learning: Theory and practice*. London, New York, 2004. 382 p.
6. Conner M.L., Clawson J.G. *Creating a learning culture: strategy, technology, and practice*. Cambridge, New York, 2004. 351 p.
7. Graham S., Weiner B. Theories and principles of motivation. In: *Handbook of educational psychology*. New York, 1996. Pp. 63–84.
8. Knowles M.S., Holton III E.E., Swanson R.A. *The adult learner: the definitive classic in adult education and human resource development*. London, New York, 2005. 378 p.
9. Alekhin I.A., Kazakova U.A., Maistrenko V.V. The university educational environment as a resource for a lecturer's scientific and is professional pedagogical development. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire = World of Education = Education in the World*, 2015, no. 2 (58), pp. 35–39. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА АЛЕКСАНДРОВА – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики дошкольного и начального образования Вятского государственного университета, Киров, Россия, profaleksandrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2271-3995>

ЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ФАЛЕЕВА – доктор педагогических наук, профессор кафедры кадровой, воспитательной и психологической работы Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России, Киров, Россия, liyaaleks@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9749-0533>

NATAL'YA S. ALEKSANDROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor at the Department of Pedagogy and Methods of Preschool and Primary Education of the Vyatka State University, Kirov, Russia, profaleksandrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2271-3995>

LIYA V. FALEEVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), professor at the Department of Personnel, Educational and Psychological Work of the Kirov IPKR of the FPS of Russia, Kirov, Russia, liyaaleks@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9749-0533>

Статья поступила 25.08.2023

Современный взгляд на формирование мировоззрения обучающихся в педагогическом наследии К. Д. Ушинского

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАЗАНЦЕВ

Академия ФСИИ России, Рязань, Россия, v.cazantsev2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

НИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЮГАЕВА

Академия ФСИИ России, Рязань, Россия, upip2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5799-3872>

Реферат

Введение: формирование мировоззрения у обучающихся является важнейшим элементом любой педагогической системы. Не является исключением и педагогическое наследие К. Д. Ушинского. В статье рассматривается развитие взглядов К. Д. Ушинского на формирование мировоззрения обучающихся, анализируются его составные части, связь педагогического учения великого русского педагога с социально-экономическим развитием России середины XIX в., философскими и педагогическими учениями того времени. Главной идеей К. Д. Ушинского, детерминирующей всю систему воспитания, является неразрывная связь отечественного образования и воспитания с народной культурой и современными потребностями общества и государства. Можно говорить о трех краеугольных камнях педагогического учения К. Д. Ушинского – народности, религиозности и научности. *Целью* настоящей статьи является попытка рассмотреть и проанализировать такой аспект педагогической системы К. Д. Ушинского, как формирование мировоззрения обучающихся, определяющий все остальные части его педагогической системы, найти те элементы в его концепции, которые остаются актуальными и в настоящее время и могут быть использованы в качестве направляющих идей в современной отечественной педагогике. *Методы:* с целью всестороннего рассмотрения в трудах К. Д. Ушинского философских взглядов известных на тот период философов авторы использовали методику контент-анализа упоминаний имен этих философов в двухтомном издании фундаментальной работы «Человек как предмет воспитания». Активно применялись также метод сравнительного анализа, исторический метод. *Результаты:* в статье предпринята попытка с позиций современности в философско-социологическом аспекте рассмотреть формирование мировоззрения у обучающихся в педагогической системе К. Д. Ушинского, указаны те моменты в его концепции, которые были актуальны в начале XIX в. и могут быть использованы в качестве направляющих идей в современной отечественной педагогике. Выделяя в сложном понятии «мировоззрение» известные в философии три его составные части – мироощущение (эмоционально-психологическая сторона), мировосприятие (образ мира в наглядных чувственных представлениях, полученных в результате чувственного восприятия окружающего мира) и миропонимание (познавательная-интеллектуальная сторона мировоззрения), авторы делают вывод о том, что три краеугольных элемента педагогической системы К. Д. Ушинского – народность, религиозность и научность – позволяют формировать все эти составные части мировоззрения. *Выводы:* философские взгляды К. Д. Ушинского на протяжении его жизненного пути прошли эволюцию от объективного идеализма к дуализму и незавершенному материализму, близкому к диалектическому материализму. Эволюцию в педагогической системе претерпела религиозность образования и воспитания, став прикладным воспитательным аспектом, помогающим лучше осваивать народную культуру, без которой невозможно ни одно национальное воспитание. Изменялся и такой элемент педагогической системы, как научность, которую он рассматривал в двух аспектах: научность самой педагогики, опирающейся на знания антропологии и других наук, и научность как формирование научной картины мира, приобретение знаний естественных и общественных наук, которые позволяют обучающимся осваивать профессии, отвечающие их интересам и потребностям общества на данный период времени. Учитывая изменчивость и развитие природы и общества, предполагающие постоянную коррекцию обучения и воспитания, следует и в настоящее время отказываться от догм и установленных стандартов образования и воспитания, адаптируя систему

образования к новым реалиям общественного бытия. К. Д. Ушинский рассматривал педагогику одновременно как науку и искусство. Кроме знаний педагогика требует еще и педагогических способностей и наклонностей, обогащенных данными многих антропологических наук.

Ключевые слова: мировоззрение; обучающийся; педагогическая система; К. Д. Ушинский; антропология; взаимосвязь; общество; современность.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Казанцев В. Н., Тюгаева Н. А. Современный взгляд на формирование мировоззрения обучающихся в педагогическом наследии К. Д. Ушинского // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 442–450. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.012.

Original article

Modern View on the Formation of Students' Worldview in the Pedagogical Heritage of K.D. Ushinskii

VALERII N. KAZANTSEV

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, v.cazantsev2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

NINA A. TYUGAEVA

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, upip2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5799-3872>

Abstract

Introduction: formation of students' worldview is the most important element in any pedagogical system. Pedagogical heritage of K.D. Ushinskii is not an exception. The article describes evolution of K.D. Ushinskii's views on the formation of the worldview of students, analyzes its components, determines correlation between his pedagogical teaching and socio-economic development of Russia in the mid-19th century, philosophical and pedagogical teachings of his predecessors and contemporaries. The main idea of K.D. Ushinskii, which determines the entire system of education, is the inseparable connection of domestic education and upbringing with folk culture and modern needs of society and the state. There are three cornerstones of K.D. Ushinskii's pedagogical teaching, such as nationality, religiosity and scientificity. *Purpose:* to consider and analyze an aspect of the pedagogical system of K.D. Ushinskii, such as formation of the worldview of students, which determines all the other parts of his pedagogical system, to find those elements in his concept that remain relevant at the present time and can be used as guiding ideas in modern domestic pedagogy. *Methods:* to comprehensively analyze K.D. Ushinskii's point of view on the ideas of philosophers known at that time, the authors used the method of content analysis of mentions of the names of these philosophers in the two-volume edition of his fundamental work "Man as a subject of education". The method of comparative analysis and the historical method were also actively used. *Results:* the authors have considered formation of the worldview of students in the pedagogical system of K.D. Ushinskii from the standpoint of modernity in the philosophical and sociological aspect, indicating those moments in his concept that were relevant at the beginning of the 19th century and can be used as guiding ideas in modern Russian pedagogy. Distinguishing in the complex concept "worldview" its three components known in philosophy, such as attitude to life (emotional-psychological side), perception of the world (image of the world in visual sensory representations obtained as a result of sensory perception of the surrounding world) and philosophy of life (cognitive-intellectual side of the worldview), the authors conclude that the fact that three cornerstones of K.D. Ushinskii's pedagogical system (nationality, religiosity and scientificity) allow forming all these components of the worldview. *Conclusions:* philosophical views of K.D. Ushinskii developed from objective idealism to dualism and incomplete materialism, close to dialectical materialism. Religiosity of education and upbringing evolved in the pedagogical system, becoming an applied educational aspect that helps to better master folk culture, without which no national education is possible. Such an element of the pedagogical system as scientificity also changed, which he considered in two aspects: the scientific character of pedagogy itself, based on knowledge of anthropology and other sciences, and scientific character as the formation of a scientific picture of the world, acquisition of knowledge of natural and social sciences, which allow students to master professions that meet their interests and needs of the society at that time. Relying on the variability and development of nature and society, which presupposes constant correction of education and nutrition in accordance with these changes, it is

necessary to abandon dogmas and established standards of education and upbringing, adapting the education system to new realities of public life. K.D. Ushinskii considered pedagogy at the same time as science and art. In addition to knowledge, pedagogy also requires pedagogical abilities and inclinations, enriched with data from many anthropological sciences.

Keywords: worldview; student; pedagogical system; K.D. Ushinskii; anthropology; interrelation; society; modernity.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kazantsev V.N., Tyugaeva N.A. Modern view on the formation of students' worldview in the pedagogical heritage of K.D. Ushinskii. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 442–450. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.012.

Введение

В феврале 2023 г. исполнилось 200 лет со дня рождения одного из крупнейших представителей русской научной педагогики XIX в. – Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1870), чье педагогическое наследие оставило глубокий след не только в отечественной, но и мировой педагогике. Формирование мировоззрения у обучающихся является важнейшим элементом в любой педагогической системе. В предлагаемой статье авторы прослеживают развитие взглядов К. Д. Ушинского на формирование мировоззрения обучающихся, анализируются его составные части, связь педагогического учения великого русского педагога с социально-экономическим развитием России середины XIX в., философскими и педагогическими учениями того времени. Главной стержневой идеей К. Д. Ушинского, детерминирующей всю его систему воспитания, является неразрывная связь отечественного образования и воспитания с народной культурой и современными потребностями общества и государства. Можно говорить о трех краеугольных камнях педагогического учения К. Д. Ушинского: народность, религиозность и научность.

Целью настоящей статьи является попытка рассмотреть и проанализировать такой аспект педагогической системы К. Д. Ушинского, как формирование мировоззрения обучающихся, определяющего все остальные части его педагогической системы, найти те элементы в его концепции, которые остаются актуальными и в настоящее время и могут быть использованы в качестве направляющих идей в современной отечественной педагогике.

Авторы исследуют развитие взглядов К. Д. Ушинского на формирование мировоззрения обучающихся, проанализируют его составные части, связь его педагогического учения с социально-экономическим развитием России середины XIX в., философскими и педагогическими учениями того времени. С целью всестороннего рассмотрения приверженности К. Д. Ушинского философским взглядам известных на тот период мыслителей авторы использовали методику контент-анализа упоминаний имен этих философов в его основной фундаментальной работе «Человек как предмет воспитания» [1; 2].

Результаты и обсуждение

К. Д. Ушинский был всесторонне развитым человеком, владеющим в совершенстве немецким, английским и французским языками, знакомым со всеми существовавшими на начало XX в. философскими учениями (Аристотель, Бэкон, Декарт, Спи-

ноза, Локк, Юм, Кант и др.) и работами французских просветителей того времени (Руссо, Гольбах, Дидро, Ламетри и др.). Что касается его собственных философских взглядов и мировоззрения К. Д. Ушинского, то их и современники и последующие поколения ученых относили к разным философским школам и учениям. Так, еще в дореволюционных исследованиях мировоззрение К. Д. Ушинского толковалось с диаметрально противоположных позиций: одни (например, М. Рубинштейн) считали его последовательным идеалистом, сторонником учения философа Фихте, другие (например, профессор М. Владиславлев) воспринимали материалистом.

Представители церковной мистики (П. Филонов, М. Радонежский и др.) критиковали К. Д. Ушинского с позиций клерикализма, называя его материалистом-нигилистом. Более того, они писали на него доносы как на атеиста, неблагонадежного человека, указывали на игнорирование им религиозных материалов в учебниках и требовали изъять из школ «Родное слово», которое, тем не менее, на протяжении многих десятилетий оставалось руководством для учителей и родителей по преподаванию родного языка и до 1917 г. переиздавалось 146 раз. Некоторые исследователи (например, И. Скворцов и В. Гольцов) упрекали К. Д. Ушинского в дуалистической двойственности его учения. И каждый из них был по-своему прав.

Такие различные трактовки философских взглядов К. Д. Ушинского, по нашему мнению, объясняются тем, что, действительно, они были довольно противоречивыми и своеобразными и к тому же эволюционировали на протяжении его жизни от идеалистических к материалистическим.

С целью подтверждения этого вывода мы применили авторскую методику контент-анализа упоминаний наиболее известных философов древности и современности в фундаментальном труде К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания». В качестве смысловых единиц анализа выступили фамилии философов, упоминаемых и рассматриваемых К. Д. Ушинским в восьмом и девятом томах его полного собрания сочинений. Единицами счета были страницы, на которых упоминались эти фамилии. В таблице 1 приведены результаты частотного анализа таких упоминаний, из которого можно сделать вывод о многообразии философских школ и самих философов, рассматриваемых К. Д. Ушинским (взяты для анализа только те философы, которые упоминаются пять и более раз).

Таблица 1

*Упоминание К. Д. Ушинским имен философов
в работе «Человек как предмет воспитания»*

№ п/п	Философы	Частота упоминаний		
		Том 8	Том 9	Всего
1	Аристотель	37	41	78
2	Бенеке	45	39	84
3	Броун Фома	–	28	28
4	Бэкон Фрэнсис	32	2	34
5	Вундт Вильгельм	27	6	33
6	Гегель	14	26	40
7	Герbart Иоган	24	59	83
8	Декарт Рене	17	42	59
9	Кант Эммануил	24	37	61
10	Конт Огюст	5	2	7
11	Лейбниц Готфр	9	3	12
12	Локк Джон	21	12	33
13	Лотце Герман	6	2	8
14	Льюис Дж.	12	–	12
15	Милль Дж.	26	18	44
16	Платон	8	–	8
17	Рид Томас	21	19	40
18	Руссо Жан -Жак	16	12	28
19	Спенсер Герbart	14	3	17
20	Спиноза Барух	8	55	63
21	Фихте Иммануил	11	3	14
22	Фрис Яков	7	–	7
23	Шопенгауэр	4	20	24
24	Юм Давид	5	–	5

Если проранжировать указанных в таблице философов в соответствии с частотой их упоминания, то в первую половину этого списка (с количеством упоминаний не менее 30) войдут Бенеке (немецкий психолог и философ, педагог, разработчик педагогики, основанной на данных эмпирической психологии (84

упоминания)), Герbart (также немецкий философ, психолог и педагог реакционного направления (83 упоминания)), Аристотель (философ-энциклопедист древней Греции (78 упоминаний)) и Спиноза (знаменитый европейский философ XVII в. (63 упоминания)) (табл. 2).

Таблица 2

*Ранжирование двенадцати наиболее упоминаемых философов в работе К. Д. Ушинского
«Человек как предмет воспитания»*

№ п/п	Философы	Частота упоминаний		
		Том 8	Том 9	Всего
1	Бенеке	45	39	84
2	Герbart Иоган	24	59	83
3	Аристотель	37	41	78
4	Спиноза Барух	8	55	63
5	Кант Эммануил	24	37	61
6	Декарт Рене	17	42	59
7	Милль Дж.	26	18	44
8	Гегель	14	26	40
9	Рид Томас	21	19	40
10	Бэкон Фрэнсис	32	2	34
11	Вундт Вильгельм	27	6	33
12	Локк Джон	21	12	33

Из приведенной таблицы видно, что К. Д. Ушинский обращался при разработке своей педагогической концепции к различным направлениям философской мысли (субъективный и объективный идеализм, материализм, дуализм и др.). В каждом из

этих направлений он видел как сильные, так и слабые стороны, отмечая их односторонность: крайний идеализм – в стремлении вывести материальный мир из душевного, крайний материализм – в стремлении вывести душевный мир из материального. В конечном

счете он, исходя из практической потребности педагогики, выбирает дуализм, согласно которому нельзя сказать что первично: материальное или духовное, они сосуществуют друг с другом как бы параллельно, находясь в тесном взаимодействии. Такое признание дуализма вслед за Лотцем, на которого ссылается К. Д. Ушинский, требовало большой «независимости в мыслях и благородной смелости в характере», поскольку дуализм подвергался в тот период жесткой критике как со стороны материализма, так и идеализма. Анализируя учения Декарта и Бэкона, Ушинский приходит к заключению, что в них удивительным образом «соединялись скептицизм, идеализм и материализм».

В связи с этим можно вспомнить высказывание Р. Роллана о французском писателе Ренане: «Унося образ моего стоика, являющегося одновременно и эпикурейцем, пессимиста-оптимиста, человека верующего и сомневающегося, истинного человека и человека истины, я думаю о дерзости тех, кто пытается запереть в формулу определенной партии или школы эту гармонию противоречий. В нем богатая музыка переходного времени, отягченного прошлым, чреватого будущим!» [3, с. 483]. Эти слова Р. Роллана можно по праву отнести и к К. Д. Ушинскому, который жил в период борьбы двух противоположных укладов общественно-экономической жизни в России. На смену феодальной, крепостнической системе шла новая система капиталистических производственных отношений, требующая развития науки и соответствующего образования, воспитания. Несомненно, что влияние эпохи отразилось и в мировоззрении К. Д. Ушинского, который и сам прекрасно осознавал противоречивость своих философских взглядов. Поэтому, не боясь упреков в признании дуализма, вслед за Лотцем К. Д. Ушинский отвергает крайности идеализма, который выводит материальный мир из душевного, и крайности материализма, который выводит душевный мир из материального. В человеке сосуществуют, по его мнению и убеждению, два мира: душевный и материальный [4, с. 648].

И саму педагогику К. Д. Ушинский рассматривал «в обширном смысле» как собрание наук, направленных на обучение и воспитание, и «в тесном смысле» как теорию искусства воспитания. Ссылаясь на Милля, он видел следующее соотношение между педагогикой как наукой и как искусством. Вторая задает науке цели своей деятельности (воспитание совершенного человека, адаптированного к современному обществу, полезного этому обществу и находящегося в гармонии с самим собой, обществом и природой), а наука, получив эту цель как задачу, исследует, изучает реальные возможности достижения этой цели, а затем передает педагогике как искусству в виде «комбинации обстоятельств (условий)», с помощью которых эта цель может быть достигнута [1, с. 15].

Одним из важных элементов педагогики как науки и как искусства, объединяющих их в единое целое, является мировоззрение. Чаще всего под мировоззрением понимается «обобщенная система взглядов человека на мир в целом, на место отдельных явлений в мире и на свое собственное место в нем, понима-

ние и эмоциональная оценка человеком смысла его деятельности и судеб человечества, совокупность научных, философских, политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических убеждений и идеалов людей» [4, с. 454]. Авторы под мировоззрением понимают прежде всего совокупность логически связанных и непротиворечивых фундаментальных взглядов на природу, общество и человека, а также сформированные на их основе социальные ценности, установки, идеалы как отдельной личности, так и отдельных малых и больших социальных групп. Главной стержневой идеей К. Д. Ушинского, детерминирующей всю его систему воспитания, является неразрывная связь отечественного образования и воспитания с народной культурой и современными потребностями общества и государства.

Можно говорить о трех краеугольных камнях педагогического учения К. Д. Ушинского: народность, религиозность и научность. Под народностью понимается прежде всего опора образования на народную культуру с ее языком, обычаями и традициями, адаптированную за тысячелетие своего развития к климатическим и историческим условиям своего существования.

Религиозность (применительно к русской культуре это прежде всего православие), К. Д. Ушинский понимал как проявление культуры народа, глубоко религиозного в тот период. Православие как элемент, не внешне навязанный русскому народу, а сформированный на основе русской народной культуры, аккумулировало, по мнению К. Д. Ушинского, лучшие социальные ценности, обычаи и традиции, позволяющие воспитывать подрастающее поколение в гармонии с природой, окружающими людьми и другими народами. Несомненно, роль религиозности в педагогическом учении К. Д. Ушинского претерпела существенные изменения в процессе его жизни и научного творчества. Поздние его работы, в частности фундаментальный двухтомный труд «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», позволяют говорить о том, что под влиянием третьего элемента его педагогической системы – научности – роль религии в обучении и воспитании постепенно уменьшалась и рассматривалась как элемент народности, как кладезь народной мудрости.

Он утверждал, что психология, на которую опирается педагогика, «находится еще более, чем история, в тесном отношении к религиозным системам. Она не может не видеть в них не только выражений души человеческой, но даже таких выражений, в которых необходимо должна скрываться какая-нибудь психологическая истина» [2, с. 560].

О том, насколько был и остается правым К. Д. Ушинский, отмечая чрезвычайную важность опоры в любом образовании на народность (родной язык, родная культура) и религиозность, свидетельствует тридцатилетний опыт украинизации в плане навязывания всему населению Украины (особенно в восточных ее областях, в которых традиционно проживало русскоязычное население) украинского языка, отказ от канонического православия и замена его на раскольническую псевдоправославную религию.

В принципе, наши идеологические противники учитывали важность народности и религиозности в образовании и воспитании, поэтому так яростно и начали искоренять на всей территории Украины русский язык, русскую культуру, каноническое православие, которые объединяли два братских народа. Следует сказать, что они в этом определенным образом преуспели. Протест русскоязычного населения в восточных областях Украины такой искусственной, принудительной украинизации, начиная с 2014 г., также можно объяснить и понять. Первым делом на освобожденных в ходе специальной военной операции, начатой в феврале 2022 г., территориях в школах снова возобновили обучение на русском языке (для желающих был оставлен и украинский язык, а в Республике Крым – украинский и татарский языки), воспитание осуществляется на основе русской культуры с опорой на православные ценности.

Что касается научности, то под ней К. Д. Ушинский подразумевал опору не только на естественные науки (физику, химию, астрономию и др.), но и психологию, биологию и другие антропологические дисциплины. Сущность педагогической антропологии заключается в том, что обучение и воспитание детей должны строиться и базироваться на антропологических закономерностях развития человеческого организма от его рождения до взрослого состояния. Естественно, что многие идеи педагогической антропологии К. Д. Ушинский заимствовал у французских просветителей, утверждавших, что «все общественные явления выходят из частных психических явлений». Но он их развил далее и связал с другими элементами своей педагогической системы, в том числе и религиозностью, рассматривая ее как «историческую форму функционирования человеческой психики», позволяющей ей быть источником человеческой мудрости, нравственности. Догматическое изложение правил учения религии, по мнению К. Д. Ушинского, следует предоставить специалистам по богословию, в то время как психология и педагогика рассматривают христианство (прежде всего, православие) как явление, вытекающее из потребности человеческой души.

Таким образом, К. Д. Ушинский первым среди русских педагогов предпринял попытку суммировать научные знания о человеке, показав взаимосвязь педагогики с антропологической наукой. В дидактическом плане это означало, что при обучении необходимо учитывать биологические и психологические особенности развития детей разного возраста. Нельзя ребенку, обладающему конкретным образным мышлением, преподавать предметы, требующие более абстрактного мышления. В своей основной работе «Человек как предмет воспитания» К. Д. Ушинский, основываясь на подробном описании физиологии человека и его психологии, объяснял, в частности, почему дети не могут долго заниматься одним монотонным делом, почему обучение для них должно быть наглядным.

Эти взгляды К. Д. Ушинского в дальнейшем были блестяще подтверждены многими исследованиями зарубежных и отечественных ученых-психологов.

Например, швейцарский психолог Жан Пиаже (1896–1980) на основе многочисленных опытов и экспериментов показал, как изменяются умственные способности, умения и навыки детей в зависимости от их возраста и взаимодействия с окружающей средой, что позволило ему разработать свою теорию когнитивного развития, больше известную как теория четырех стадий интеллектуального развития [5]. Ж. Пиаже эмпирически доказал, что все дети проходят ряд последовательных стадий в своем интеллектуальном и психическом развитии, усваивая последовательно все новые навыки оперирования материалом, которые определяют пределы возможного для них познания.

В отечественной психологии в трудах академика Павлова также можно найти эмпирическое подтверждение идей Ушинского о том, что «сон есть торможение центральных органов мозга», а «привычки и навыки являются “условными рефлексами”» [6; 7].

Россия середины XIX в. переживала переход от феодального строя и патриархального уклада жизни к капиталистическому пути развития, от кустарного производства к крупному капиталистическому производству. Поэтому в противовес сторонникам формального образования, стремящимся развивать умственные способности обучающихся на любом подходящем материале, включая «мертвые» языки, К. Д. Ушинский считал, что детям надо давать такие знания прежде всего в области естественных наук, которые пригодятся им, когда они войдут во взрослую трудовую жизнь. Программа воспитания, по мнению К. Д. Ушинского, должна выводиться из общественного бытия, общественных потребностей, а педагогический успех возможен лишь тогда, когда воспитание основывается на правилах народной морали и нравственности, развиваясь вместе с ними. Именно такое воспитание и образование может способствовать выводу в жизнь новых поколений, вполне готовых к жизни в обществе.

Как сторонник реального образования К. Д. Ушинский не только пропагандировал в своих работах возможность преподавания знаний по физике, химии и другим естественным наукам, но и на практике пытался реализовать свои идеи. Блестящим примером такой практики является введение в учебный план Смольного института благородных девиц, куда он был назначен на должность инспектора в 1859 г. (не без протекции императрицы Марии Федоровны, обратившей внимание на его статьи в «Журнале для воспитания»), новых предметов, главными из которых были русский язык, русская литература, естественные науки (основы физики, химии, биологии). При этом широко применялась наглядность в обучении, проводились опыты на уроках биологии и физики.

В качестве преподавателей Смольного института К. Д. Ушинским были приглашены такие видные педагоги, как В. И. Водовозов (литература), Д. Д. Семенов (география), М. И. Семевский (история) и др. Для того, чтобы подготовить воспитанниц института к полезному общественному труду, сверх обязательных общеобразовательных семи классов им был предложен и введен двухлетний педагогический класс, по-

зволяющий выпускникам, окончившим его, преподавать в начальной школе.

До этого в Смольном институте воспитанницам давали очень мало реальных знаний, больше заботясь о привитии им светских манер, подготовке к семейной жизни в роли жены и матери. Естественно, что часть реакционно настроенных педагогов учебного заведения, близких к царскому двору, оказывали К. Д. Ушинскому мощное сопротивление. Поэтому, как только подул ветер борьбы с инакомыслием, доносы на педагога-реформатора достигли своей цели: он был уволен, но, благодаря его известности как ученого-педагога, руководством было принято решение отправить К. Д. Ушинского в длительную заграничную командировку для ознакомления с опытом педагогического женского образования в ряде европейских стран.

Следует сказать, что богатый материал, собранный К. Д. Ушинским в этой поездке, лишь укрепил его убеждение в том, что обучение и воспитание должны базироваться на национальных особенностях, своеобразии национальной, народной культуры. С другой стороны, в области преподавания естественных наук, педагогических технологий следует заимствовать опыт и наработки зарубежных ученых.

Сам Ушинский считал, что «индустриальное направление века требует и науки индустриальной», что детей надо знакомить с науками о природе и человеке. Они должны знать родной язык и литературу, историю, географию, математику. Очень важны для человека естественные науки. Педагогика должна сделать их столь же обыкновенными, как знание грамматики, арифметики или истории. К. Д. Ушинский выступил с резкой критикой классицизма в средней школе, который стал усиленно насаждаться при реакционном министре народного просвещения Д. А. Толстом. В одной из последних своих статей «Что нам делать со своими детьми», написанной в 1868 г. [8], полемизируя с защитниками классицизма в образовании, К. Д. Ушинский говорит о громадном образовательном и воспитательном значении естествознания и защищает реальное направление общего образования. Он указывает, что естественные науки развивают умение наблюдать жизнь, интересуют детей несравненно больше, чем латинские и греческие склонения и спряжения, содействуют развитию логического мышления и имеют большое практическое значение. В своей книге для чтения «Детский мир» [9]. К. Д. Ушинский дал большой учебный материал по естествознанию для первоначального обучения. Он настойчиво рекомендовал введение практических занятий для учащихся, особенно сельских школ, в огороде и поле. Такие занятия развивали навыки трудолюбия, приобретения начальных знаний для дальнейшего профессионального самоопределения, выбора профессий, в которых нуждалось общество того времени. Само обучение К. Д. Ушинский рассматривал как умственный труд, требующий волевых усилий со стороны обучающихся.

Весьма актуальными для нашего времени являются рассуждения К. Д. Ушинского о склонности к развлечению. Во втором томе своего сочинения «Чело-

век как предмет воспитания» в гл. XLVI «Стремление к наслаждению и стремление к счастью: классическая теория эвдемонизма» он отмечал, ссылаясь на Сократа в интерпретации Платона, что «если сделать личное наслаждение человека верховным критерием его поступков, то вместе с тем и исчезнет не только понятие о нравственном и безнравственном, но даже и понятие об умном и глупом в отношении человеческих поступков о достойном и недостойном» [2, с. 491]. После долгих рассуждений К. Д. Ушинский приходит к выводу, что наслаждения человека, его счастье не должны мешать счастью других людей, окружающих его в обществе, что истинное и долговременное наслаждение человеку дает общественно полезный труд, который основывается на способностях человека к разным видам деятельности.

Выводы и заключения

Философские взгляды К. Д. Ушинского на протяжении его жизненного пути прошли эволюцию от объективного идеализма к незавершенному материализму. Приверженность следовать эмпирическим научным данным склонила его к позиции дуализма, что характеризовало его «независимость в мыслях и благородную смелость в характере», поскольку дуализм подвергался в тот период жесткой критике как со стороны материализма, так и идеализма. Такая позиция была детерминирована неудовлетворенностью Ушинского как господствующими в середине XIX в. идеалистическими учениями, оторванными от реальной действительности, так и распространенным в то время вульгарным материализмом. Анализ творческого пути Ушинского позволяет сделать вывод о его движении к диалектическому материализму.

Эволюцию в педагогической системе К. Д. Ушинского претерпел и такой ее элемент, как религиозность образования и воспитания. Если первоначально К. Д. Ушинский считал, что религия (и прежде всего православие) должна быть в центре образования и воспитания, то в своих последних работах он рассматривал религию как прикладной воспитательный аспект, помогающий лучше осваивать народную культуру, без которой невозможно ни одно национальное воспитание.

Третий фундаментальный элемент педагогической системы К. Д. Ушинского – научность – также изменялся на протяжении его жизни. Можно выделить два важных аспекта в этом элементе: научность самой педагогики, опирающейся на знания антропологии и другие науки, и научность как формирование научной картины мира, приобретение знаний естественных и общественных наук, которые позволяют обучающимся осваивать профессии, отвечающие их интересам и потребностям общества в данный период времени. К. Д. Ушинский отстаивал на протяжении всей своей жизни тезис, что школа должна готовить учеников к реальной жизни в обществе, трудовой социально полезной деятельности.

Если расчленить сложное понятие «мировоззрение» на известные в философии три его составные части: мироощущение (эмоционально-психологическая сторона), мировосприятие (образ мира в наглядных чувственных представлениях, полученных в

результате чувственного восприятия окружающего мира) и миропонимание (познавательная сторона мировоззрения), то можно сделать вывод о том, что три краеугольных элемента педагогической системы К. Д. Ушинского, о которых говорилось выше, – народность, религиозность и научность – позволяют формировать все эти составные части мировоззрения. Так, религиозность позволяет формировать мироощущение, народность – мировосприятие, а научность формирует представление о мире, природе и обществе на основе их рационального объяснения.

Актуальность учения К. Д. Ушинского заключается также в том, что и в настоящее время, когда в современном образовании и социальном воспитании, начиная с 1990-х гг., был взят курс на глобализацию образования, определенного преклонения перед западными моделями образования, тема народности, опоры на православные духовные ценности становится чрезвычайно важной. Лишь в последние годы мы стали осознавать, что отечественная система образования и воспитания была нисколько не хуже, а в чем-то и лучше западной, и начали из-за обрушившихся на нашу страну всевозможных санкций коллективного Запада отказываться от Болонской системы высшего образования, модифицировать систему ЕГЭ и другие элементы западного образования, чуждые нашей культуре и менталитету.

Опираясь на такой аспект мировоззрения К. Д. Ушинского, как изменчивость и развитие природы и общества, предполагающий постоянную коррекцию обучения и воспитания в соответствии с этими изменениями, следует и в настоящее время отказываться от догм и раз и навсегда установленных стандартов образования и воспитания, адаптируя систему образования к новым реалиям общественного бытия. Говоря о возможности построения «полной и совершенной теории воспитания», сам К. Д. Ушинский прекрасно осознавал безуспешность этого замысла, поскольку науки, на которых должно основываться воспитание, далеки еще от совершенства. Поэтому теория воспитания вслед за развитием наук должна также меняться и совершенствоваться.

Если посмотреть на отечественную современную систему образования с позиций народности как главного элемента педагогической системы К. Д. Ушинского, то можно неприятно поразиться тем измене-

ниям, которые произошли в ней за последние 30 лет копирования западных образцов и ценностей западной культуры. Следовательно, надо кардинально менять отечественную систему образования и воспитания в сторону народности, российской идентичности. Эти изменения должны коснуться, на наш взгляд, не только средней и высшей школе, но и деятельности средств массовой информации и коммуникации, учреждений культуры. Следует, наконец, осознать, что мы как представители великой евразийской страны должны развивать свою самобытную культуру, которая больше подходит нашему обществу.

Это не значит, что в системе как образования, так и воспитания мы должны замыкаться и отгораживаться от всего прогрессивного, что наработано в других странах, в том числе и западных, особенно в области педагогических технологий. К. Д. Ушинский сам стоял на таких позициях, призывая к диалектическому вдумчивому заимствованию иностранного опыта, приспосабливая его под наши российские условия жизни.

Во многих местах первого и второго томов своего труда «Человек как предмет воспитания» К. Д. Ушинский заявлял о своем намерении в третьем томе изложить свод педагогических правил, основанных на научных данных физиологии человека, психологии, а также рассмотреть вопрос о соотношении политологии, социологии, социальной философии и логики с педагогикой как наукой и искусством. К огромному нашему сожалению, ранняя смерть в возрасте 47 лет (самый расцвет для ученого, особенно гуманитария) не позволила сбыться этим намерениям. Поэтому педагогам самим приходится делать выводы из его фундаментального труда и помнить при этом, что сам К. Д. Ушинский рассматривал педагогику одновременно как науку и как искусство. А это значит, что как искусство педагогика требует, по его словам, кроме знаний еще и педагогических способностей и склонностей. Но эти способности и склонности должны быть вооружены данными многих антропологических наук. Тогда задача педагога будет заключаться в том, чтобы грамотно и диалектично использовать данные этих наук, конкретные технологии, вырабатываемые на их основе, в благородной деятельности по воспитанию такого человека, который востребован современным обществом, может применить свои природные таланты и способности на благо этого общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том 1 // Ушинский К. Д. Собр. соч. : в 11 т. М. ; Л., 1950. Т. 8. 774 с.
2. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том 2 // Ушинский К. Д. Собр. соч. : в 11 т. М. ; Л., 1950. Т. 9. 627 с.
3. Роллан Р. Слова Ренана подростку // Роллан Р. Собр. соч. : в 14 т. М., 1958. Т. 14. 832 с.
4. Философская энциклопедия : в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. М., 1962. Т. 3. 584 с.
5. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб., 2004. 192 с.
6. Павлов И. П. Полное собрание сочинений. 2-е изд., доп. М., 1951–1954.
7. Фролов Ю. П. И. П. Павлов и его учение об условных рефлексах. М., 2016. 268 с.
8. Ушинский К. Д. Педагогика. Избранные работы. М., 2023. 258 с.
9. Ушинский К. Д. Детский мир: из русской истории : в 2 ч. / метод. обработка И. А. Горячевой. Екатеринбург, 2023. Ч. I. 304 с.

REFERENCES

1. Ushinskii K.D. Man as a subject of education. Experience of pedagogical anthropology. Volume 1. In: Ushinskii K.D. *Sobr. soch. v 11 tomakh. T.8* [Collected works in 11 volumes. Volume 8]. Moscow, Leningrad, 1950, 774 p. (In Russ.).
2. Ushinskii K.D. Man as a subject of education. Experience of pedagogical anthropology. Volume 2. In: Ushinskii K.D. *Sobr. soch. v 11 tomakh. T. 9* [Collected works in 11 volumes. Volume 9]. Moscow. 1950, 627 p. (In Russ.).
3. Rollan R. Renan's words to a teenager. In: R. Rollan. *Sobr. soch.: v 14 t. T. 14* [Collected works in 14 volumes. Volume 14]. Moscow, 1958. 832 p.
4. *Filosofskaya entsiklopediya: v 5 t. T. 3* [Philosophical encyclopedia: in 5 volumes. Volume 3]. Ed. by Konstantinov F.V. Moscow, 1962, 584 p.
5. Piaget J. *Psikhologiya intellekta* [Psychology of Intelligence]. Saint Petersburg, 2004. 192 p.
6. Pavlov I.P. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Moscow, 1951–1954.
7. Frolov Yu.P. *I.P. Pavlov i ego uchenie ob uslovnykh refleksakh* [I.P. Pavlov and his doctrine of conditioned reflexes]. Moscow, 2016. 268 p.
8. Ushinskii K.D. *Pedagogika. Izbrannye raboty* [Pedagogy. Selected works]. Moscow, 2023. 258 p.
9. Ushinskii K.D. *Detskii mir: iz russkoi istorii: in 2 ch. Ch. I.* [Child world: from Russian history: in 2 parts. Part I]. Ekaterinburg, 2023. 304 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАЗАНЦЕВ – кандидат философских наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доцент кафедры социальной психологии, социальной работы и пробации Академии ФСИН России, Рязань, Россия, v.cazantsev2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

НИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЮГАЕВА – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, Рязань, Россия, urip2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

VALERII N. KAZANTSEV – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, associate professor at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, v.cazantsev2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

NINA A. TYUGAEVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, urip2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

Статья поступила 04.08.2023

Научная статья

УДК 37.02:343.819.2

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.013

Моделирование как метод формирования личного будущего осужденных женщин

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ВИПЭ ФСИН России, Вологда, Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Реферат

Введение: статья посвящена проблемам изучения планов личного будущего осужденных женщин, а также применения метода моделирования при формировании личного будущего осужденных женского пола в условиях лишения свободы. *Цель:* на основе использования метода моделирования способствовать построению позитивного личного будущего осужденных женского пола. *Методы:* теоретический анализ литературы, методы моделирования, беседы, классификации. *Результаты:* для анализа планов осужденных женщин на личное будущее нами были разработаны критерии данных планов: по временной продолжительности (долгосрочные, среднесрочные, текущие), степени определения параметров (детерминированные и вероятностные), признаку планируемых действий (реактивные, инактивные, преактивные). В ходе индивидуальных бесед были выявлены три группы жизненных планов впервые осужденных женщин различного возраста на личное будущее: 1) долгосрочные, детерминированные и позитивные личные планы на будущее; 2) среднесрочные или текущие, вероятностные, инактивные; 3) отсутствует модель будущей жизни. Составление подробного плана, моделирование перспектив жизни является базовым методом влияния человека на свое будущее. Это дает возможность эффективнее построить коррекционный процесс для более успешной ресоциализации личности и адаптации ее в обществе после освобождения. *Выводы:* планы на будущее – это разного рода долгосрочные цели (личные либо профессиональные), рассматриваемые как реальный ориентир действий. Модель личного будущего представляет собой точное описание процесса планирования жизни, ее эскиз или ориентир. В данном исследовании применение метода моделирования при составлении личного будущего является практико-ориентированным воплощением жизненных планов осужденных женщин, что позволяет увидеть их будущую жизнь целостным процессом, а также вычлнить все составляющие в их взаимосвязи. Исходя из этого, необходимо проводить специально организованную работу по изучению жизненных планов осужденных, включать их в различные коррекционные программы с целью пересмотра своих взглядов, для осознания ценности жизни, моделирования позитивного личного будущего.

Ключевые слова: места лишения свободы; осужденные женского пола; воспитательный процесс; метод моделирования; позитивное будущее осужденной; личные планы.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Зауторова Э. В. Моделирование как метод формирования личного будущего осужденных женщин // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 451–458. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.013.

Modeling as a Method of Shaping a Personal Future of Convicted Women

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the problem of studying convicted women's plans for the future and using a modeling method to shape a personal future of female convicts in conditions of imprisonment. *Purpose:* to contribute to the construction of a positive personal future of female convicts on the basis of the use of the modeling method. *Methods:* theoretical analysis of literature, modeling methods, conversation, and classification. *Results:* to analyze convicted women's plans for the personal future, we developed the following criteria: by time duration (long-term, medium-term, current), by degree of parameter determination (deterministic and probabilistic), by planned actions (reactive, inactive, preactive). During individual conversations, three groups of life plans of first-time convicted women of various ages for their personal future were identified: 1) long-term, deterministic and positive personal plans for the future; 2) medium-term or current, probable, inactive; 3) there is no model of future life. Drawing up a detailed plan, modeling the prospects of life is the basic method of a person's influence on their future. This makes it possible to more effectively build a correctional process for a more successful rehabilitation of the personality and its adaptation in society after release. *Conclusion:* plans for the future are all kinds of long-term goals (personal or professional), considered as a real benchmark of action. The personal future model is an accurate description of the life planning process, its sketch or reference point. In this study, the use of the modeling method in drawing up a personal future is a practice-oriented embodiment of life plans of convicted women, which allows them to see their future life as a whole process, as well as to isolate all components in their interrelation. Based on this, it is necessary to carry out specially organized work to study life plans of convicts, include them in various correctional programs in order to revise their views, realize the value of life, and model a positive personal future.

Key words: places of imprisonment; female convicts; educational process; modeling method; positive future of a convict; personal plans.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Zautorova E.V. Modeling as a method of shaping a personal future of convicted women. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 451–458. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.013.

Введение

Проводимые экономические, политические, правовые и социокультурные реформы в стране привели к кризисным состояниям во многих сферах жизнедеятельности человека: падению жизненного уровня народа, безработице, росту преступности и др. Особую обеспокоенность вызывает преступность среди лиц женского пола, которая оказывает существенное влияние на криминогенную обстановку в стране. Женская преступность имеет циничный, жестокий и агрессивный характер. Она оказывает отрицательное воздействие на общую преступность, особенно на преступность подрастающего поколения [1].

Особенно важно осуществлять коррекционно-воспитательную работу с осужденными женщинами, впервые отбывающими наказание в виде лишения свободы, для нейтрализации рецидива и подготовки

их к адаптации к условиям жизни современного общества после освобождения. В связи с этим особое значение приобретает деятельность исправительных учреждений по поиску наиболее эффективных мер психолого-педагогического характера (формы, средства, методы и направления) для снижения уровня рецидивной женской преступности.

Большое значение в коррекционно-воспитательном процессе в условиях лишения свободы имеет изучение содержания, структуры и особенностей планов осужденных на будущее. Планы на будущее – это разного рода долгосрочные цели (личные либо профессиональные), рассматриваемые как реальный ориентир действий. К тому же действия требуют своих обоснований, так как без них план не может стать реальностью, а достижение цели невозможно без волевых усилий, продуманных и ответственных.

Проблема личностных жизненных планов осужденных впервые была обозначена С. В. Познышевым в 1925 г. В дальнейшем она в различные годы рассматривалась в трудах Ю. Ю. Бехтерева, А. П. Евграфова, А. С. Макаренко, В. И. Монахова, И. В. Шмарова, Б. С. Утевского и других ученых.

Проводились исследования планов осужденных пенитенциарными психологами, которые рассматривали их в связи с различными жизненными аспектами: Ю. Р. Саар (проблема самоопределения личности) [2], Н. А. Деева, В. Г. Деев [3; 4], В. Ф. Пирожков (направленность личности) [5], А. И. Ушатиков (волевая активность человека) [6], А. Н. Сухов (конфликты в общении) [7], М. Г. Дебольский (возможность коррекции жизненных планов осужденных) [8]. В настоящее время данная проблема нашла отражение в работах И. С. Ганишиной, А. В. Наприс, С. В. Русакова, Е. В. Саввиной, А. С. Чертовиковой и других исследователей.

Актуальность изучения планов на личное будущее заключается в том, что лишённые свободы долгое время находятся в изоляции, которая оказывает глубокое негативное влияние на психику, что отражается на исправительном процессе в местах лишения свободы [9; 10]. У большинства лиц женского пола отсутствуют представления о том, что они будут делать, когда выйдут на свободу, не проявляется мотивация к целеполаганию и постановке задач на перспективу и т. д. Все это не способствует успешности процесса ресоциализации личности в местах лишения свободы и может привести к рецидиву [8; 11–13]. Приведённые выше обстоятельства говорят о необходимости изучения поставленной проблемы и подтверждают ее актуальность.

Классификация жизненных планов осужденных женщин

На основе уже известных типологий и классификаций жизненных планов [1; 14–17] была разработана авторская классификация. При этом мы исходили из потребностей практики (внедрение достижений педагогической науки в практику), требований логики развития исправительного процесса и наличия новых теоретических концепций воспитания (с учетом закономерностей организации содержания и методики процесса), необходимости поиска новых путей ресоциализации осужденных.

Были выделены критерии жизненных планов, по которым оценивались планы осужденных женщин в рамках данного исследования:

1) по временной продолжительности – это перспектива плана, временной отрезок, на который осужденная с уверенностью планирует свою жизнь. Они могут быть долгосрочными (от 10 до 25 лет), среднесрочными (от 3 до 10 лет) и текущими (на 1 год, полгода и квартал).

В этой связи мы опирались на учение о перспективных линиях А. С. Макаренко, который обосновал педагогическую практику формирования перспективных линий у воспитуемых. Педагог определял важность ближних, средних и дальних перспектив,

видя в них важный инструмент управления процессом воспитания, с помощью которого деятельность воспитуемых становится более целесообразной и целеустремленной. Различные перспективы позволяют сделать жизнедеятельность личности более увлекательной, наполнить ее новым содержанием [18].

А. В. Наприс характеризует жизненные планы осужденных степенью масштабности отношений и влияниями на жизнь, определяя три группы осужденных: осужденные с близкими, со средними и дальними жизненными планами [17];

2) степени определения параметров, так как любой процесс можно представить как последовательность циклов, промежуточных целей. Параметры плана – это независимые переменные критерии, которые полностью и однозначно определяют решаемую задачу, в нашей работе они представлены как детерминированные, то есть с четко определенными чертами (более конкретные и частные цели, оценка их значимости и очередности), и вероятностные – с нечеткими (неуверенное и примерное определение целей или их отсутствие). В качестве проектных параметров могут служить планы и средства достижения планируемых целей, связанных, например, с семьей, построением отношений с детьми и родителями, трудовой деятельностью, профессией и карьерой, реализацией собственных желаний и стремлений и т. д.;

3) признаку планируемых действий. Они могут быть: а) реактивные, то есть ориентированные на закрепление достижений прошлого, причем могут выступать как позитивные оценки своих жизненных результатов (успехи, награды, поощрения и т. д.), так и негативные (преступная жизнь); б) инертные, то есть инертные по планируемым действиям, при этом человек не считает нужным возвращаться в прошлое, забывая свои ошибки, но стремится в будущее, которое воспринимается им как достаточно хорошее, по крайней мере, приемлемое; в) преактивные, то есть с высоким уровнем активности, направленной на существенное преобразование действительности, ускорение изменений, приближение будущего при поиске оптимальных решений.

Выделенные критерии логически и внутренне связаны и представляют собой систему, которая понимается как их функциональная взаимосвязь через включение элементов одних критериев в состав других и через реализацию одних и тех же функций на основе разных показателей.

Моделирование как метод формирования жизненных планов осужденных

Создание педагогически целесообразной и эффективной системы ресоциализации осужденных в условиях лишения свободы невозможно без специальной деятельности, связанной с ее моделированием и построением. Интерес к проблеме создания модели не случаен, во многом это объясняется реформированием уголовно-исполнительной системы, где главными направлениями выступают гуманизация и демократизация исправительного процесса, переход к личностно ориентированной

парадигме. Этот метод предлагает разработку такой системы, которая была бы оптимальной для конкретного осужденного, находящегося в местах лишения свободы.

В методологии научного познания метод моделирования понимается как системное исследование, посредством которого создается модель, воспроизводящая свойства и отношения между элементами познаваемого объекта или явления. Понятие «модель» многопланово, используется во множестве различных смыслов. В. А. Штофф – один из основателей метода теоретического моделирования в методологии науки – под моделью понимает мысленно представляемую и материально реализуемую систему, которая, отражая объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте [19]. Метод моделирования, заключающийся в установлении количественных взаимосвязей между показателями и факторами, их определяющими, рассматривался в трудах многих ученых (С. Р. Богуславский, Е. В. Бондаревская, В. А. Караковский, В. В. Краевский, Л. И. Новикова, Е. А. Ямбург и др.). Каждой модели присущи особая психологическая, интеллектуальная атмосфера и духовно-нравственный климат.

В данном исследовании применение метода моделирования при составлении личного будущего является практико-ориентированным воплощением жизненных планов осужденных женщин, что позволяет увидеть их будущую жизнь целостным процессом, а также вычленил все составляющие в их взаимосвязи.

Модель личного будущего представляет собой точное описание процесса планирования жизни. Моделирование будущего – это стратегическое планирование жизни, ее эскиз, ориентир. Наши логические фильтры «рисуют» нашу «реальность», человек анализирует свою жизнедеятельность и выбирает, что возможно/невозможно, получится / не получится, делать / не делать, есть смысл / нет смысла и т. д., а наше бессознательное рассчитывает риски и делает подсказки в виде интуиции и различных предчувствий. Исследователи доказали, что если ставить перед собой цель, думая о своем будущем, мыслить конкретно, предпочтительнее в деталях, то жизненные достижения увеличиваются во много раз.

Составление подробного плана, моделирование перспектив жизни является базовым методом влияния человека на свое будущее. Не иметь целей – значит плыть по течению, ждать того, что за тебя решат и сделают другие, принимать сиюминутные необдуманные решения, совершать ошибки, выполнять чужие цели и т. д. В связи с этим важно знать планы, которые строят осужденные на личное будущее, какую модель жизни после освобождения они выбирают и т. д. Это дает возможность эффективнее построить коррекционный процесс для более успешной ресоциализации личности и адаптации ее в обществе после освобождения [16; 20–24].

Изучение планов осужденных женщин на личное будущее

Изучение планов осужденных женщин, впервые отбывающих наказание в местах лишения свободы, проходило в форме индивидуальных бесед в ИК-1 УФСИН России по Вологодской области. В нем приняли участие 30 женщин различного возраста.

Анализ результатов показал, что многие опрошенные строят планы, связанные с семьей и дальнейшей трудовой деятельностью (40 %). Причем планы по времени долгосрочные и в основном детерминированные, то есть с четко определенными параметрами, а также ориентированные на закрепление положительных достижений прошлого.

Так, М., 34 года, имеет двоих детей. Разведена. Сын учится в вузе, дочери 5 лет, воспитывается бабушкой. О детях осужденная рассказывает с гордостью. В настоящее время активно поддерживает связи с родственниками. В творческих объединениях не состоит. Увлечений не имеет. В исправительной колонии работает швеей. От работы получает удовольствие, так как считает, что за работой быстрее проходит время. До осуждения работала продавцом в павильоне фруктов и овощей. После освобождения планирует воспитывать детей, особое внимание уделять воспитанию дочери, продолжать работу в сфере торговли – работать продавцом.

Отметим, что в беседе о жизненных планах осужденная возвращается в свою прошлую жизнь и в негативном ключе отзывается о том времени, когда было совершено преступление: «Я надеюсь, время в исправительном учреждении пройдет с пользой для меня. И я начинаю новую жизнь: без всего плохого, что меня окружало. Свои жизненные уроки я уже получила».

Или такой пример: осужденная Н., 21 год, после освобождения больше хочет состояться в карьере, чем создать семью: «Сначала доучусь и устроюсь на работу. Не хочу жить на родительские деньги, надоело». В колонии получает образование менеджера и собирается работать в этом направлении, также понимает, что с судимостью трудно будет найти хорошую работу, но при этом не теряет надежду. Также в планы на жизнь после освобождения она включает переезд по месту жительства и уход за родителями.

Осужденные с долгосрочными, детерминированными и позитивными личными планами на будущее демонстрируют уверенное поведение, их высказывания окрашены положительными эмоциональными переживаниями. Важно, чтобы осужденные осознавали, что необязательно все запланированные события сбудутся, но моделирование будущего будет способствовать поддержанию стремления человека, поможет найти новые решения и укажет пути их достижения.

В то же время довольно большая часть респондентов (45 %) не имеет определенных планов и при ответе на вопрос о своем будущем использует общие фразы, проявляет неуверенность в данной жизненной области.

На вопрос «Какие у вас личные планы на жизнь после освобождения?» осужденная Л., 50 лет, отвечала неоднозначно и размыто; утверждала, что работать хочет только на себя («а не на дядю») и только по своей профессии, при этом отмечала, что «это вряд ли получится, да к тому же скоро пенсия». Вместе с тем она боится не трудоустроиться в дальнейшем, «так как зона оставляет свой отпечаток на человеке, и кто возьмет “такую” работать?», уточняя, что «деньги нужны, чтобы поднять сына». В исправительном учреждении не работает из-за болезни, мало чем интересуется в жизни. О своем прошлом не хочет вспоминать, старается просто его забыть.

Или осужденная О., 43 года: на вопросы о планах после освобождения отвечала коротко и неохотно, говорила в основном о том, что она вернется к обычной жизни, поскольку и муж, и дочь ждут ее освобождения, также утверждала, что постарается устроиться по профессии. При этом отмечает, что «после освобождения я не смогу вернуться уже на прежнюю работу: ведь я работала в школе для инвалидов, заботилась и ухаживала за детьми, не способными делать это самостоятельно. Теперь сожалею об этом» и т. д. Вместе с тем в случае неудачной попытки устроиться на работу, не знает, что будет делать в этой ситуации.

Здесь отмечается противопоставление: «хочу на прежнюю работу», но «меня не возьмут», у осужденной нет плана и понимания будущей жизни на свободе.

Проявляется слабое планирование трудовой деятельности, нет четкой установки и понимания организации своей жизни и трудоустройства после освобождения. Данные планы классифицируются как среднесрочные или текущие, к тому же вероятностные (с нечеткими параметрами), причем неактивные, то есть инертные по планируемым действиям.

Осужденные данной группы демонстрируют негативные эмоциональные переживания, опираются преимущественно на отрицательные обстоятельства, с которыми сталкивались на жизненном пути и которые они переносят на будущее. От этого многие из них потеряли уверенность, личностный смысл, живут одним днем.

Среди респондентов также выделена категория лиц, у которых практически отсутствует модель будущей жизни (15 %). Это проявлялось в беседах с осужденными, у которых явно просматривались противоречивые высказывания или полное равнодушие к своей будущей жизни. Так, например, осужденная в начале беседы говорит о личных планах, которые видит в дальнейшем трудоустройстве. У нее были попытки трудоустроиться до осуждения, но возникали проблемы с медицинским допуском наркологического диспансера. В колонии официально не трудоустроена, поскольку не видит в этом смысла, так как до освобождения осталось четыре месяца. Занимается творчеством. Взаимоотношения в коллективе нейтральные, пытается вести самостоятельную жизнь без общения, общается по необходимости. Пред-

ставляет, как ее будут встречать сын и родственники, и для себя делает вывод, что «больше не сяду на наркотики», «без них лучше». Но в конце беседы, отвечая на вопрос: «Можете ли вы сказать, что больше не будете принимать наркотики и не вернетесь сюда?» отвечает: «Об этом я точно сказать не могу!».

У определенной категории осужденных женщин, не строящих планы, настроение касательно будущей жизни пронизано фатализмом и пессимизмом; самими распространенными высказываниями являются следующие: «ничего не хочу», «ни к чему не стремлюсь», «ничего не знаю, как жизнь повернется» и т. д. Данный тип респондентов не понимает, как жить дальше, и это порождает личностный протест.

Следует отметить, что на моделирование планов на будущее влияет уровень стабильности социальной среды. Поэтому неопределенность личной жизни становится нормой, так как многие не видят в этом смысла в связи с ситуацией в стране, считая, что она не слишком благоприятная для планирования личного будущего. При этом отметим значимость анализа и адекватных оценок своего прошлого. Они важны для дальнейшего изменения личности и в ходе психолого-педагогического воздействия могут оказать значительную помощь осужденным женщинам в моделировании жизни, определении перспектив на будущее.

Результаты

Таким образом, для анализа планов осужденных женщин на личное будущее были разработаны следующие критерии: по временной продолжительности (долгосрочные, среднесрочные, текущие), степени определения параметров (детерминированные и вероятностные), признаку планируемых действий (реактивные, неактивные, преактивные).

В ходе индивидуальных бесед были выявлены три группы жизненных планов впервые осужденных женщин различного возраста на будущее: 1) долгосрочные, детерминированные и позитивные; 2) среднесрочные или текущие, к тому же вероятностные, неактивные; 3) отсутствие модели будущей жизни.

Осужденные демонстрируют позитивные или негативные эмоциональные переживания, опираются на положительные или отрицательные жизненные обстоятельства, которые они переносят на будущее, проявляя или не проявляя уверенность в своем выборе, находят или не видят личностного смысла, который определяет существование человека в жизни. При этом чем выше активность человека в осознании значимости жизненных перспектив и умении планировать результаты своей деятельности, контролировать их достижение, оценивая их уровень, анализировать недостатки и самокорректировать их, тем выше готовность осужденных женщин к исправлению, они активнее и точнее определяют цели, задачи и действия по воплощению планов в реальную жизнь.

В процессе моделирования личностного будущего осужденных необходимо учитывать особенности

их возраста. Ведущее место, например, в молодежном возрасте принадлежит самооценке, собственным чувствам, переживаниям и мотивам, где приобретенные ценности, убеждения, идеалы постепенно формируются в жизненные планы. К тому же исследователи отмечают, что после 40–50 лет переориентация жизненных планов значительно усложняется. В связи с этим для эффективности коррекционно-воспитательной работы в данном направлении необходимо дальнейшее исследование проблемы личного будущего осужденных: их генезис, классификация, диагностика, актуализация, изменение, коррекция, саморегуляция и др.

Заключение

Таким образом, осужденные, которые имеют длительные стратегии своей жизни, строят более детальные планы с четко определенными параметрами и ориентированные на закрепление достижений

прошлого, имеют уверенность в завтрашнем дне. Доказано, что люди, которые планируют цели для себя, чаще всего не сдаются при неудачах, постепенно двигаются вперед, корректируют и пересматривают задачи, приспосабливаются к текущим условиям. Это и есть залог успеха в жизни для любого человека.

В связи с этим необходимо проводить специально организованную работу по изучению жизненных планов осужденных, включать их в различные коррекционные программы с целью пересмотра взглядов, осознания ценности жизни, моделирования позитивного будущего, что будет способствовать эффективности процесса ресоциализации в условиях лишения свободы, стимулированию желания исправиться и жить дальше по правилам, утвержденным современным обществом и принятым законопослушными гражданами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абасова С. А. Проблемы исполнения наказания в исправительной колонии общего режима для осужденных к лишению свободы женщин : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2003. 194 с.
2. Саар Ю. Р. Психологическая характеристика жизненных планов несовершеннолетних правонарушителей (на материале Эстонской ССР) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989. 24 с.
3. Деева Н. А. Формирование социально значимых перспектив у несовершеннолетних осужденных женского пола как средство их перевоспитания. Рязань, 1981. 96 с.
4. Деев В. Г. Психология направленности личности осужденных молодежного возраста : учеб. пособие. Рязань, 1978. 78 с.
5. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М., 2001. 702 с.
6. Ушатиков А. И., Ганишина И. С. Психологическая типология и классификация осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России: история и современное состояние // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 4 (4). С. 76–81.
7. Сухов А. Н. Социально-психологические явления в среде осужденных. Рязань, 1987. 64 с.
8. Дебольский М. Г. Психологическая служба в уголовно-исполнительной системе // Отечественные записки. 2008. Т. 41, № 2. С. 210–219.
9. Абульханова-Славская К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). М. ; Воронеж, 1999. 224 с.
10. Адлер А. Индивидуальная психология. СПб., 2017. 165 с.
11. Божович Л. И. Проблемы формирования личности / под ред. Д. И. Фельдштейна. 2-е изд. М. ; Воронеж, 1997. 352 с.
12. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Специфика психологической защиты у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы за преступления против личности, и коррекционно-воспитательная работа с ними // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 107–114.
13. Столяренко Л. Д. Основы психологии : учеб. пособие. 2-е изд. Ростов н/Д, 2005. 672 с.
14. Астафьева И. Н. Критерии типологий жизненных планов // Северо-Кавказский психологический вестник. 2009. № 4. С. 73–76.
15. Даниленков В. Л. Бизнес-планирование в АПК : учебно-метод. пособие для студ. высших учеб. заведений. Калининград, 2007. 224 с.
16. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание за насильственные преступления в местах лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 2 (237). С. 55–61.
17. Наприс А. В. Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодежного возраста: на материалах исправительных колоний строгого режима : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 1997. 220 с.
18. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. / сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1984. Т. 4. 400 с.
19. Штофф В. А. Моделирование и философия. М. ; Л., 1966. 302 с.
20. Ганишина И. С., Русаков С. В. Жизненные планы осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии общего режима // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 213–219.
21. Ганишина И. С., Русаков С. В. О психолого-педагогической поддержке позитивных жизненных планов осужденных в местах лишения свободы // Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж – Бийск, 15–16 октября 2021 г.) / отв. ред. Э. П. Комарова. Воронеж, 2021. С. 98–100.
22. Зобков В. А. Отношение человека к жизнедеятельности // Экономика образования. 2015. № 2. С. 91–94.

23. Русаков С. В. К вопросу об изучении трансформации жизненных планов осужденных в местах лишения свободы // Пермский военный институт войск национальной гвардии: перспективы развития науки и технологий : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Е. М. Русанова. Пермь, 2021. С. 322–325.
24. Недрялкова Й. М. Индивидуальные особенности личности осужденного (результаты психологического исследования) // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 321–327.

REFERENCES

1. Abasova S.A. *Problemy ispolneniya nakazaniya v ispravitel'noi kolonii obshchego rezhima dlya osuzhdennykh k lisheniyu svobody zhenshchin: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of execution of punishment in a correctional facility of the general regime for women sentenced to imprisonment: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Makhachkala, 2003. 194 p.
2. Saar Yu.R. *Psikhologicheskaya kharakteristika zhiznennykh planov nesovershennoletnikh pravonarushitelei (na materiale Estonskoi SSR): avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological characteristics of life plans of juvenile offenders (based on the material of the Estonian SSR): Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1989. 24 p.
3. Deeva N.A. *Formirovanie sotsial'no-znachimykh perspektiv u nesovershennoletnikh osuzhdennykh zhenskogo pola kak sredstvo ikh perevospitaniya* [Formation of socially significant prospects for female juvenile convicts as a means of their re-education]. Ryazan, 1981. 96 p.
4. Deev V.G. *Psikhologiya napravlenosti lichnosti osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta: ucheb. posobie* [Psychology of personality orientation of convicts of young age: textbook]. Ryazan, 1978. 78 p.
5. Pirozhkov V.F. *Kriminal'naya psikhologiya* [Criminal psychology]. Moscow, 2001. 702 p.
6. Ushatkov A.I., Ganishina I.S. the question of psychological typology convicted and classification contained in correctional institutions penal system Russia: history and current status. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal = International Penitentiary Journal*, 2015, no. 4 (4), pp. 76–81. (In Russ.).
7. Sukhov A.N. *Sotsial'no-psikhologicheskie yavleniya v srede osuzhdennykh* [Socio-psychological phenomena among convicts]. Ryazan, 1987. 64 p.
8. Debol'skii M.G. Psychological service in the penal system. *Otechestvennye zapiski = Domestic Notes*, 2008, vol. 41, no. 2, pp. 210–219. (In Russ.).
9. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Psikhologiya i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noi lichnosti)* [Psychology and consciousness of personality (Problems of methodology, theory and research of real personality)]. Moscow; Voronezh, 1999. 224 p.
10. Adler A. *Individual'naya psikhologiya* [Individual psychology]. Saint Petersburg, 2017. 165 p.
11. Bozhovich L.I. *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of personality formation]. Ed. by Feldstein D.I. Moscow; Voronezh, 1997. 352 p.
12. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Specifics of psychological defense of persons serving sentences in places of imprisonment for crimes against the person and correctional and educational work with them. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 107–114. (In Russ.).
13. Stolyarenko L.D. *Osnovy psikhologii: ucheb. posobie* [Fundamentals of psychology: textbook]. Rostov on Don, 2005. 672 p.
14. Astaf'eva I.N. Criteria of typologies of life plans. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik = North Caucasian Psychological Bulletin*, 2009, no. 4, pp. 73–76. (In Russ.).
15. Danilenkov V.L. *Biznes-planirovanie v APK: uchebno-metod. posobie dlya stud. vysshikh ucheb. zavedenii* [Business planning in the agro-industrial complex: an educational and methodological guide for students of higher education establishments]. Kaliningrad, 2007. 224 p.
16. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Characteristics of convicted women serving sentences for violent crimes in places of deprivation of liberty. *Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2022, no. 2 (237), pp. 55–61. (In Russ.).
17. Napris A.V. *Psikhologicheskaya kharakteristika lichnostnykh zhiznennykh planov i ikh vliyanie na povedenie osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta: na materialakh ispravitel'nykh kolonii strogogo rezhima: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological characteristics of personal life plans and their impact on the behavior of youth convicts: on the materials of correctional facilities of strict regime: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ryazan, 1997. 220 p.
18. Makarenko A.S. *Pedagogicheskie sochineniya: v 8 t. T. 4* [Pedagogical essays: in 8 volumes. Volume 4]. Moscow, 1984. 400 p.
19. Shtoff V.A. *Modelirovanie i filosofiya* [Modeling and Philosophy]. Moscow; Leningrad, 1966. 302 p.
20. Ganishina I.S., Rusakov S.V. Life plans of convicts serving sentences in the general regime correctional facility. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, v. 16, № 2 (58). S. 213–219. (In Russ.).
21. Ganishina I.S., Rusakov S.V. On psychological and pedagogical support of positive life plans of convicts in places of deprivation of liberty. In: Komarova E.P. (Ed.). *Antropotsentricheskie nauki: innovatsionnyi vzglyad na obrazovanie i razvitie lichnosti: materialy XV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Voronezh – Biisk, 15–16 oktyabrya 2021 g.)* [Anthropocentric sciences: an innovative view of education and personal development: materials of the 15th International research and practice conference (Voronezh – Biisk, October 15–16, 2021)]. Voronezh, 2021. Pp. 98–100. (In Russ.).
22. Zobkov V.A. Personality's attitude to the life activity. *Ekonomika obrazovaniya = Economics of Education*, 2015, no. 2, pp. 91–94. (In Russ.).
23. Rusakov S.V. On the question of studying the transformation of the life plans of convicts in places of deprivation of liberty. In: Rusanov E.M. *Permskii voennyi institut voisk natsional'noi gvardii: perspektivy razvitiya nauki i tekhnologii: sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf.* [Perm Military Institute of the National Guard Troops: prospects for the development

of science and technology: proceedings of the All-Russian research and practice conference]. Perm, 2021. Pp. 322–325. (In Russ.).

24. Nedyalkova I.M. Restriction of the freedom of movement under a high-alert regime. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, Volume 15, no. 2 (54), pp. 321–327. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

EL'VIRA V. ZAUTOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, Leading Researcher at the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Статья поступила 15.03.2023

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)

Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)

РИНЦ: да

Ядро РИНЦ: нет

Перечень ВАК: да

CrossRef: да

East View Information Services: да

Система ГАРАНТ: да

RSCI: нет

Web of Science: нет

Scopus: нет

EBSCO: да

WorldCat: да

CyberLeninka: да

DOAJ: да

<https://jurnauka-vipe.ru>